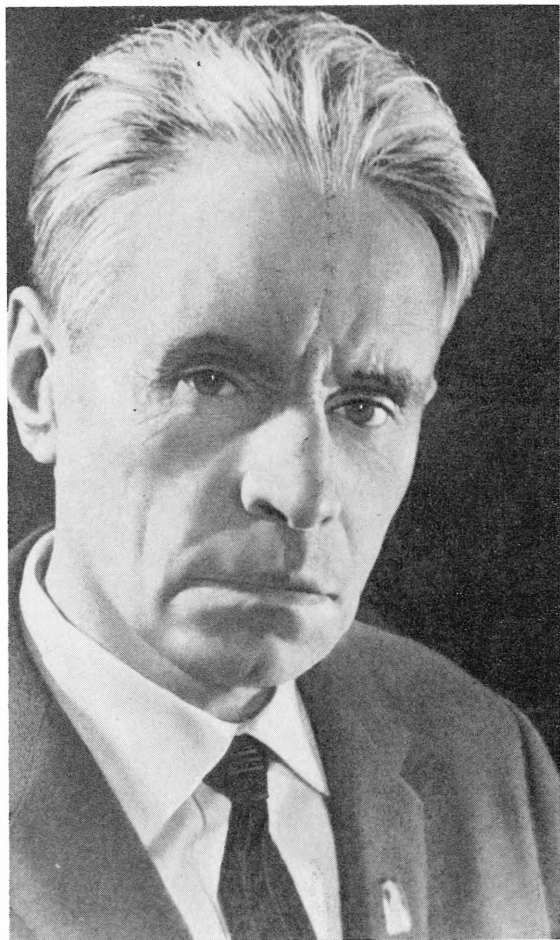

Н. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ · Сергей Смирнов

Н. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ

СЕРГЕЙ
МИРНОВ

Н. ПАНТЕЛЕЙМОНОВ

С СЕРГЕЙ
МИРНОВ

*КРИТИКО-
•БИОГРАФИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК*

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ 1983

Книга Н. Пантелеймонова о Сергее Смирнове — критико-биографический очерк, рассказывающий об известном советском поэте.

Критик Николай Пантелеймонов располагает ценным документальным материалом, и это позволяет ему подробно, шаг за шагом во всех деталях воссоздать жизнь поэта и его творческое развитие.

В книге немало интересного, характеризующего и личность С. Смирнова, и пути взрастившей его эпохи. По существу в рукописи воссоздается не только биография поэта, но и биография времени.

Речь идет о литературе, отражающей сложные проблемы общества зрелого социализма, ставящей насущные вопросы нравственного совершенствования личности.

Есть в книге не только взгляд в прошлое, но и устремленность в завтрашний день — фиксирование в сегодняшнем литературном процессе тенденций, имеющих будущее.

Художник Алевтина Третьякова

ЖИЗНЬ,
ВРЕМЯ,
ПРИЗВАНИЕ

ИСТОКИ

В уютном читальном зале небольшой массовой библиотеки шел литературный вечер. Освещенные ровным, спокойным светом лица людей были обращены к невысокому энергичному человеку, который читал стихи, написанные сорок лет назад:

По-моему, мало быть пышно одетым,
Транжирить червонцы, как медь,
По-моему, много полезнее — это
Веселый характер иметь.

Веселый характер со смелыми дружен,
От разных недугов далек.
В труде и походе он ценен и нужен,
Как будто в золе уголек...

Жизнь в гуще народа позволила художнику понять заветные думы и чаяния, отличительные черты открытого характера русского человека. Чуткое и правдивое слово доходило до сердца каждого сидящего в зале. Поэт говорил от имени своих героев, и в этом заключалась сила его стихов. Он утверждал, что, несмотря на перенесенные трудности и лишения, люди не должны терять бодрости и веры в счастливое будущее:

И лучше уж жить в небогатых хоромах,
Не зная изысканных благ,

Чем грусть наводит на друзей и знакомых, —
По-моему, именно так.

Хотелось бы мне до последнего вздоха
Не хныкать ни в стужу, ни в зной,
Работать и звать, что живу я неплохо,
Что людям не скучно со мной.

Лучше не скажешь, чем в этом, в общем-то программном стихотворении. В нем как бы сфокусированы и идейные позиции, и творческая манера Сергея Смирнова, понятен подход к материалу, ясен высокий смысл, ради которого живет и творит поэт. Его слово проронено мягким юмором, хорошей улыбкой и чувством любви к людям. И одновременно в стихах присутствует глубокая личная тема, которая характеризует его как человека. Соприкосновение с нестареющей жизнерадостной поэзией Сергея Смирнова, отличающейся живостью и сочностью красок, всегда благотворно.

Сергей Васильевич Смирнов родился 28 декабря 1913 года в Ялте, тихом городке, живописно раскинушемся «на теплом черноморском берегу», куда забросила судьба его непоседливых родителей с Ярославщины. Отец поэта прошел хорошую школу в одной из знаменитых петербургских фотографий и к двадцати четырем годам стал известным и модным фотографом. Ялтинская элита снималась только у него.

На всю жизнь полюбил поэт южный город. В стихотворении 1940 года «Ялта» он с гордостью заявляет:

Ялта, Ялта,
тихий город лета.
Где-то здесь мой первый отчий дом.
Я родился в Ялте, и про это
Говорится в паспорте моем.

Детство поэта, наверное, может служить примером того, как способен человек выжить в борьбе с внешними

силами, будто специально нацеленными, чтобы уничтожить его физически или сокрушить духовно.

Первая беда обрушилась на ребенка, когда ему было всего три года. Мать навсегда ушла из семьи. В памяти многолюдный вокзал, красивая высокая женщина, последние объятия, слезы и... уходящий в ночную мглу грохочущий состав. В душе надолго осталось недоумение: «Она ушла. Куда и с кем — не знаю». Впоследствии ему сказали, что мать уехала сестрой милосердия на первую мировую войну. Так мальчик лишился материнской ласки и заботы. Лишь смутное воспоминание сохранилось у поэта о той поре, когда он еще был с нею в Ялте:

Платан, платан,
ты помнишь ли мальчика,
Который тут гулял когда-то с мамой?
Лукавство глаз,
Веснушчатость лица,
Ведь это ж я — тот баловень упрямый...

(«Старому платану», 1968)

Пути-дороги родителей Сергея разошлись. Мальчик оказался предоставленным самому себе. Переехав с отцом в Севастополь, где на Большой Морской улице в каменном доме располагалась фотография Василия Иовича и его компаньона, Сергей мог делать, что хотел. Квартира их была тут же при фотографии, во дворе, который спускался к фруктовому саду.

Отцу Сергей Смирнов обязан многим. Обладая незаурядными художественными способностями и хорошим вкусом, с большой любовью относясь к своей профессии фотографа, Василий Иович старался по-своему открыть окружающий мир ребенку, научить его видеть и понимать прекрасное. Он стремился воспитать в нем честность и трудолюбие, заложить те нравственные основы, которые впоследствии помогли поэту никогда не оступаться и не сворачивать с честного трудового пути.

Исторический и Приморский бульвары Севастополя. Сюда с мальчишками своего двора убегал он при первой возможности. На Историческом бульваре, где сохранились пушки и редуты минувших сражений, можно играть в войну, у Приморского — место отчаянных купаний. «Отец работал с фотоаппаратом, а я проснулся и к морю убегу, — говорит поэт в стихотворении «Волшебное стекло» (1937). — Чего мы там не делали! Бывало, купались до четырнадцати раз, и это никого не волновало, и это очень радовало нас. . .»

Яркие детские впечатления и редкие дружеские прогулки с отцом, когда тот бывал свободен от своих дел, привили мальчику эмоциональную восприимчивость. Забравшись повыше на скалы, он часами мог любоваться, «как мчатся волны с моря, как летит с окрестных гор вода», или уйти еще дальше «от морского грохота и гвалта», туда, где «орлы кивали головами, ветер дул, прическу вороша», пройтись «по горному хребту», а затем вернуться на свою улицу к приятелям.

Все, казалось бы, шло хорошо. Забывалась разлука с матерью. Мальчик рос крепким, общительным и смысленным. Но беда снова подкралась к будущему поэту, чтобы нанести удар. Карабкаясь однажды по скале, он сорвался с высоты и упал на острый камень спиной, пролежал какое-то время без сознания, отдышался, потом еле-еле дотащился до дома и свалился в постель. Травма оказалась серьезной, и в результате начавшегося болезненного процесса позвоночник остался искривленным на всю жизнь. Но и это несчастье не сломило дух мальчика, не сделало его замкнутым или озлобленным. Да он еще и не мог придавать всему этому должного значения, так как был слишком мал.

Вскоре в Крым ворвалась гражданская война. «Тут было не до лежания в гипсе, на чем настаивала медицина, — вспоминает поэт. — Куда более актуальной задачей стала проблема остаться в живых, по Севастополю

били снаряды разных армий, и пули многих держав ставили клинопись и вмятины на камнях его стен»¹. В черноморских портах крупным десантом высадились австро-германские войска Антанты, а с ними пришло в движение и все внутреннее контрреволюционное отребье. «Сверкали каски, что громоотводы, на стриженных немецких головах», начались уличные бои, террор, расстрелы без суда и следствия, затем голод и болезни.

Население спешно уходило к северу России. «С домашним скарбом двигались подводы», падали от усталости и голода женщины и старики, падали и, поднимаясь, вновь шли. . . Покинули Крым и Смирновы, ни денег, ни хлеба у них не было. Вот как описывает начало этого долгого и опасного пути на Ярославщину сам поэт в стихотворении «В теплушке» (1938):

На станциях мешочки галдели,
В вагоны с треском втискивали жен.
Ругались,
Умоляюще глядели,
Но поезд был и так перегружен.

Он, отходя, кричал одноголосо
И мчался вдаль на всех своих парах,
И кто-то падал прямо под колеса,
Окоченев на ржавых буферах. . .

Тесноту набитых голодными людьми теплушек, холод и тиф — все претерпели беженцы. Остановившись в одной украинской деревушке у хозяина по фамилии Миронец, отец с сыном свалились в возвратном тифе до весны 1920 года. Пролежав в бреду, в жару несколько месяцев вместе с заболевшими хозяевами на соломе, разостланной прямо на глиняном полу хаты, раздетые и истощенные, с трудом поднялись они с постели и снова собрались в путь-дорогу.

¹ Воспоминания и высказывания писателя здесь и далее приводятся из его личного архива и устных бесед с ним автора данной книги.

Радостное чувство выздоровления после тяжелой болезни и весенняя ковыльная степь сделали эту часть пути домой, в деревню, более отрадней. К тому же, вспоминает поэт, «нам помогали встречные крестьяне, нам помогало вешнее тепло». В Ярославле он ненадолго встретился с матерью. «Мы с отцом, — рассказывает Сергей Васильевич, — предстали перед высокой женщиной, которая поцеловала меня, назвала Сереженькой. Она курила папиросу за папиросой, видимо волновалась. Для меня она уже была чужой и непонятной. Задерживаться мы не стали, у нее была другая семья, поэтому сели на местный пароходик с ласковым названием «Пчелка» и поплыли вверх по Волге в родные края».

О непосредственности и живости восприятия жизни измученным войной и болезнью мальчуганом, о его способности среди всех бед и невзгод находить доступные маленькие радости говорит стихотворение «Волшебное стекло». В нем хорошо прослеживается характерная особенность психологии ребенка — недолго задерживаться на темных сторонах бытия, замечать в жизни светлые, радостные ее стороны. Одной из таких радостей была «замечательная лупа, подарок фотомастера-отца». Все перипетии с единственным сокровищем мальчика и неподдельное детское горе, когда стекло все-таки «пришлось отдать за мелочь торгашу», запоминаются благодаря психологической убедительности стихотворения, искренности поэтического выражения и светлому, жизнеутверждающему тону. Уже в этом раннем стихотворении можно заметить свойственное Сергею Смирнову живое и острое чувство времени. . .

В деревне Глинино Ярославской области начинается новый период жизни поэта. Здесь все по-иному, чем в Черноморье: «Ни водопадов, ни ущелий, ни гор, ушедших в синеву. Среди густых берез и елей лежит земля, где я

живу». Глинино оправдывало свое название — по обе стороны никогда не просыхавшей от дождя дороги стояло десять-двенадцать бревенчатых изб с аккуратными палисадниками, яблонями-дичками перед окнами, огородами на задворках, гумнами позади огородов, где красовались риги да овины, а к ним подступали поля с единоличной чересполосицей. И хотя в Крыму осталась частица души Сергея, эту вторую родину мальчик крепко полюбил раз навсегда. Да и как могло быть иначе? Ведь здесь — корни рода Смирновых.

Живя в бедности, не имея собственности, Смирновы не были отягощены мелкособственническими инстинктами наживы. Им нечего было копить, нечего делить. «Не было ни лошади, ни плуга, — вспоминает поэт в стихотворении «Бабушка». — Только были куры, да и те отнимали пищу друг у друга, потому что жили в нищете». Трудились Смирновы ради хлеба насущного, любили труд. Так, про деда Иова мальчику рассказывали, что он был на все руки мастер, «жито сеял, избы ставил, он первый был на молотбе и только светлые оставил воспоминанья о себе».

Бабушка Анастасия Степановна с радостью приняла вернувшегося сына с внуком. Хоть и тесновато было — в ее доме жила еще дочь Мария с зятем, — но и прибывшим выделили горенку в два окна. Мебель была небогатой, но добротной, сделанной тоже руками деда: стол в углу под иконой, по стенам — широкие лавки, массивная кровать и стул из березы. В светелке пахло еловой смолой, в окно гляделась яблоня, за нею расстилалось ржаное поле.

Как многие ярославские женщины, костлявая сероглазая бабка Настасья обладала прямым и властным характером, отличалась немногословием. Она верховодила всем домом и хозяйством. Ведь мужчины, как правило, жили в Питере, были официантами в кабаках да продавцами-аршинниками у хозяев и, только состарившись, воз-

вращались домой. Внучек Сережа, слабый после изнурительного пути, болезненный, теперь занял в бабушкином сердце главное место. И он всем ребячьим существом потянулся к суровой на вид, но душевной женщине.

Вскоре по приезде на родину отец, намыкавшийся бобылем, женился. Невестка пришлась не по вкусу Анастасии Степановне, и она не отдала мальчика в новую семью, оставила при себе. В силу сложившихся обстоятельств отец несколько отдаляется от сына, и это больно отзывается в душе Сергея. Ведь все эти годы отец был для него всем — и другом, и наставником, и самым близким человеком.

Бабушка не баловала внука, но неусыпно следила, чтобы он был сыт и по возможности одет. Так уж повелось в крестьянстве: парень должен расти в семье работником. Поэтому Сережа помогает старшим и в доме, и во дворе, и в поле. Работы хватает везде, но всех дел не переделаешь, нужно и со сверстниками повидаться. Их голоса звонко раздаются за воротами, там ждут незамысловатые мальчишеские забавы, туда властно зовет «детство шустрое, босое»:

Там, в разгаре северного лета,
Так хорош алеющий анис,
Что добро воруемое это,
Вроде ядер, било сверху вниз.

Там по осень шум в багряных кронах,
Плеск и взлет каких-то чудо-птах,
И стада грибов толстокоренных,
В лично мной разведанных местах.

А зимой, под грай ворон бесстыжих,
Вылазка за избы и дворы,
И — полет на самодельных лыжах
С умопомрачительной горы...

В «падающем» размере пятистопного хорее нет монотонности. Напротив, в стихах сила, подъем, полет. Дет-

ство, протекавшее без родителей, предстает не серым и безрадостным, а полным всего, что делает счастливым каждого ребенка. И это выражается языком стиха, его нарочитой гиперболизацией: жуки — «вот такие!», грибов — «стада», да еще и «толстокоренных», и даже гора — «умопомрачительная», хотя в другом стихотворении поэт и говорил, что в этом крае нет никаких «гор, ушедших в синеву».

Деревенский быт, наполненный трудом и развлечениями, здоровый воздух, «песенное чудо» — ярославская земля с красавицей Волгой — все это укрепило силы мальчика, воспитало характер, пробудило его любовь к окружающей природе. Никто не стеснял свободы. Пользуясь этим, чего только не вытворяла буйная ребячья ватага. Здесь и ловля птиц, и стрельба из самопалов, и самовольное катание на лодках, и отчаянные заплывы на фарватер Волги, и костер-тёплина с печеной картошкой в горячей золе, и «лихие уличные драки». . . Мальчишки шеголяли друг перед другом своей храбростью, и маленький Сережа нигде не был последним. Незаметно за этими «подвигами» происходит формирование личности мальчика. Лежачего не бей, делись всем с товарищами, не будь трусом, ловкому и сильному почет и признание — вот простые заповеди, по которым живут ребята.

Любил очень Сергей походы в лес по грибы и ягоды. Но не только дары русского леса, где грибов — бери — не хочу, привлекали мальчика, здесь он узнавал для себя много нового, любопытного, получал и первые уроки терпения и наблюдательности, которые нужны каждому человеку и особенно художнику. Эту мысль поэт и сформулировал с улыбкой в стихотворении «Страсть особая одна»: «Нет, к любому делу надо подходить наверняка, не с душою верхогляда, а с умением грибника».

Незаметно подошло время учения. И бабушка снаряжает любимого внука в соседнюю Алексеевскую школу. Она шьет ему добротную холщовую сумку, которую мож-

но носить на боку, в нее кладется бутылка молока, кусок круто посоленного ржаного хлеба — это внуку на обед. В ней размещается также самодельная тетрадь из старой конторской книги, найденной на чердаке, — с бумагой тогда непросто было, — карандаш и ручка. Вместе с бабушкой они отправляются за три километра в имение Алексеевское, где в бывшем помещичьем доме возле заросшего ольхой пруда и расположилась школа первой ступени. Сергея зачисляют во второй класс, так как «золотые тайны букваря» ему уже были открыты: отец урывками научил ребенка читать и писать задолго до школы.

На всю жизнь запомнилось ему и то «село, где школа небогата», и угловая парта, и «исцарапанная мелом памятная классная доска», и особенно первый учитель — Николай Николаевич, который жил тут же при школе и знал жизнь каждого ученика. Крестьянские дети, с малых лет приученные относиться к любому делу добросовестно, старались изо всех сил постичь премудрости азов науки, чтобы угодить тем самым любимому учителю. К Сергею, отличавшемуся пытливым и сообразительным характером, Николай Николаевич относился особенно нежно. Учитель поощрял и развивал его увлечение рисованием и подарил ему однажды книгу стихотворений Некрасова.

«Вот эта книга в жестком и прочном, как фанера, переплете, — вспоминает поэт, — стала у нас в избе своего рода библиотекой всего-навсего в один том, но в этом томе оказалось так много прекрасного, что оно полонило мою мальчишескую душу. Я наизусть выучил целые главы из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», поэма же «Крестьянские дети» казалась мне написанной про наших окрестных ребят, дед Мазай был вылитым дядей Кенсорином, мужем моей тети Кати. Они жили в Лучинском и растили двух детей — дочь Сашу и сына Сашку, причем их дочь Саша была до чрезвычайности похожа

на героиню поэмы Некрасова — Сашу, только наша Саша росла не в деревне степной, а на лесном хуторе».

Именно тогда в душе мальчика укоренилось чувство, что не стихи Некрасова похожи на все, что жило в нем и окружало его, нет, казалось, сама жизнь поступала так, как написал Николай Алексеевич, ярославец, о чем ему с гордостью поведал учитель. Поэт и поныне считает, что некрасовский «мужичок с ноготок» — это непревзойденный образ крестьянского мальчика, ведущего лошадку под уздцы сквозь годы, десятилетия и даже века, — до того он свойский, реальный, зримый и поэтически обаятельный.

На занятия Сергей обычно отправлялся затемно. Дорога тянулась вдоль ельника и осинника, пересекала поле, соседнюю деревню Панино, потом еще одно поле и выходила на деревянный мост, под которым в прозрачной воде безымянной речуги, ведущей к Волге, забавлялась рыба мелюзга. За мостом оставалось подняться на гору — и как на ладони — школа, куда стекались ребята с разных сторон. Задача состояла в том, чтобы прийти в школу первым и громогласно заявить о себе, особенно когда в карманах кое-что находилось. У каждого пострела было «огнестрельное оружие» — ключ со вставляющимся в него гвоздем. Ключ и гвоздь держались на веревке. А взрывчаткой была сера с головок спичек, которой они поочередно заряжали ключи, вставляли в них подогнанные гвозди, ударяли этим агрегатом о каменные углы и стены школы, и все ее два этажа оглашались грохотом «адских машин».

Длинными зимними вечерами сидел Сережа рядом с бабушкой и готовил уроки, иногда приходилось и плакать над трудными задачками. Тут уж бабушка не помощник, сама ничего в них не понимает... У многих писателей бабушки были прекрасными сказочницами. Бабушка же Настасья не обладала этим даром. Она умела доить корову, пилить и колоть дрова, пахать и сеять,

косить и жать, молотить и пряхь, она знала самые щедрые грибные и ягодные места, а вот сказок не знала. Лишь иногда беседовала она с внуком о деревенском житье-бытье, о дальней и ближней многочисленной родне, о старом, о бывалом. К старине она относилась почтительно. Перед иконами часто вставала на колени, была поклоны, крестилась и вела с богом сугубо интимный разговор. Ну а сказки, так их можно послушать и в школе от учителя. Кто ж сказок не любит, особенно русских, о колдунах и ведьмах, о царевнах-лягушках и жар-птицах, об острове Буяне и Хрустальной горе! . .

О том, каким возбуждающим было для него устное, изреченное учителем слово, можно судить по строчкам его довоенного стихотворения, в котором он вспоминает сказку об Иване-царевиче и Сером Волке:

И точно так же чуть не каждый день я
Мечтал такого волка завести,
И точно так же, всем на удивленье,
Из терема царевну увести.

В тогдашнем сельском быте для подрастающего ребенка жизнь и сказка, быль и небыль, инерция деревенской темноты и надвигающаяся «властная огромность перелома — коллективизация земли» — все составляло основу, на которой закладывалось его духовное развитие.

Оказавшись в стихии народной жизни, связанный с крестьянским трудом, бытом, праздниками, он жадно в себя впитывал и богатство русского слова, и незамысловатое, но самобытное народное творчество: зажигательные пляски, музыку гармошки, прицельный огонь частушки, раздольную песню, острую прибаутку. Все это не прошло мимо наблюдательного подростка. Научился он даже игре на балалайке.

На краю деревни, как это обычно водится, жил бобыль Паша Пахомов в полученной по наследству от своей бабки избе-развалюхе в три окна. Поросшая мхом

крыша, крыльцо досками не обшито, двор пустой — ни животные, ни птицы, а внутри, кроме стола соснового да широких лавок по стенам, ничего и не было. Пуста была хата, зато песнями богата. Слыл Пашка Пахомов первым песенником на деревне, знал уйму частушек, потому и в одиночестве не сидел. Со всех окрестных мест приходили к нему на посиделки девки и парни. Ну, а ребятня глининская тоже в хату пролезала, хватало места всем, не выгоняли.

Однофамилец Паши Александр Пахомов, красивый, цыганистый парень из Лучинского, заводил на балалайке кадрили, и вся изба от танцующих парней и девок казалась вертящейся каруселью. Он и сам не прочь был потанцевать с русокосой Верой Щедриной — не весь же вечер потеть парню над балалайкой, и он стал обучать игре Сергея. У подростка обнаружился музыкальный слух. Он быстро освоил искусство настраивать балалайку не только на балалаечный лад, но и на гитарный и вскоре догнал по мастерству исполнения Пахомова и даже превзошел его.

В поисках художественного самовыражения Сергей Смирнов начинает сочинять каламбуры и частушки, с одобрением встречаемые непривередливыми слушателями. Под аккомпанемент его балалайки пелись русские песни про Волгу-мать родную, про зазнобушку, про златые горы, про ямщика, пелись распевно, с тоской в голосе, что называется, с душой. Грусть сменялась, весельем: по просьбе тех же слушателей и одновременно активных участников всех вечеринок Сергей лихо исполнял «Камаринскую» или «Барыню», без которых никогда не кончались посиделки.

Быстро и незаметно пролетело сельское детство, «первая ступень жизни моей», как заметил поэт. В поисках заработка отец с новым семейством перебрался в Рыбинск, так как в деревне фотографу делать было нечего. Пришлось уезжать в том же 1925 году от бабушки и Сер-

гею — после окончания четырех классов сельской школы нужно учиться дальше, а это было возможно только в городе.

Переход из мира детских грез и незамысловатых за-тей к реальности отрочества в чужом незнакомом городе для будущего поэта происходит довольно болезненно. Мальчик ощущает утрату чего-то важного и родного и еще не может осмыслить своего места в новой жизни. К мачехе, невысокой, плотной женщине, у него возникла неприязнь. «У меня все существо переворачивалось, — признается поэт, — когда кто-то называл Марию Павловну моей мамой. Убей меня, а мой язык не назвал бы ее мамой, и она стала для меня безымянным чело-веком «вы». Вот так на «вы» я и обращался к ней».

С каждым годом подростку труднее мириться и с фи-зическим дефектом развития. Иногда наступали минуты отчаянья и обиды на судьбу, так жестоко его «согнувшую и сломавшую», особенно когда вокруг стройные парни и статные девчонки. Тогда немая боль и мольба сама про-рывалась к безмолвному и безучастному небу:

— Ну, сделай милость, боже,
Помоги мне стройным парнем стать! —
Даже опустился на колени,
Но глухим остался боже мой.
И пришло не только озлобленье,
Но и дух безбожности немой. . .

(«Свидетельствую сам», 1967)

Для того чтобы лучше понять душевное состояние двенадцатилетнего Сергея Смирнова в первое время его пребывания в уездном городе, нужно прежде всего пред-ставить себе Рыбинск в середине двадцатых годов.

Раскинувшийся на двадцать с лишним километров по обоим берегам Волги, крупный торговый центр, где в про-шлом собиралось до ста тысяч бурлаков и грузчиков, Ры-

бинск в те годы имел развитую пищевую, легкую и судостроительную промышленности. Зарождалось в нем и машиностроение. На окраине города расправлял свои плечи новый большой завод. Он гудел моторами на испытательных стендах, и на призывный гудок этого завода, слышимый далеко по верхней Волге, шел трудиться рабочий класс.

А возле берега у многочисленных пристаней в несколько рядов стояли под разгрузкой баржи с хлебом, лесом, нефтью, щебнем. Перекликаясь гудками, причаливали и отчаливали пароходы. «Прибрежный, шумный» этот город «районного масштаба» славился талантливыми умельцами, художниками, мастеровыми, насчитывал он уже более пятидесяти тысяч человек.

Являясь городом революционных традиций, где старожилы помнили еще мощную стачку грузчиков в конце прошлого века и забастовки 1905—1907 годов, он не сразу оправился после гражданской войны от голода и разрухи. И если в больших городах с многочисленным рабочим классом преобладал трудовой энтузиазм, то в провинции, где рабочие не составляли большинства населения, значительно дольше процветала обывательщина. Себялюбие и эгоизм, стремление урвать, где можно, кусок пожирнее, припрятать его, отгородиться от революционной нови — все это были главные пружины в жизни мелкого провинциального обывателя.

Материальные трудности, переживаемые пролетарскими слоями населения, невысокий уровень культуры не способствовали быстрому росту его самосознания. В статье «Новые времена, старые ошибки в новом виде» В. И. Ленин писал об опасности мелкобуржуазной идеологии: «Враг — мелкобуржуазная стихия, которая окружает нас, как воздух, и проникает очень сильно в ряды пролетариата».¹

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 103.

Семья Смирновых встретила с характерными для тех лет контрастами: с одной стороны — ужасная теснота, темнота на улицах и в домах в густонаселенных кварталах Хомутовской слободы, где им пришлось ютиться, с другой — довольство и уют в домах зажиточных обывателей и торгашей. Карточная норма на продукты питания — для скромных тружеников, сытость и излишества, рестораны и кафе — для спекулянтов и темных дельцов. На прибрежном базаре с характерным названием «Вшивая горка» можно было купить что угодно: старьевщики и перекупщики предлагали всякую одежду, лабазники — икру, привезенную с низовьев великой реки, крестьяне — грибы и ягоды, а полуподвальная лавка не скупилась на водку, и здесь всегда толпились поклонники «зеленого змия»...

Позднее, проанализировав свое раннее мироощущение, Сергей Смирнов в стихотворении «Когда меняют голос» описал чувства, какие вызывал у него матерый мещанин, который все еще продолжал плакать «навзрыд от желтой сплетни, от семейной драки, от горя оболыщенных дочерей...». Все истинно великое и драматическое, что совершалось в России, — триумфальное сокрушение старого мира и неравная борьба с вооруженной силой контрреволюции — как девятый вал прокатилось где-то поверх плотно сомкнутых створок раковины этого моллюска.

Поэту нужно было несколько отойти от событий этого времени, чтобы снова вернуться к ним и с большим поэтическим основанием показать свое детство, характерное для многих его сверстников, которое «шло к ворами-рецидивистам», «курило краденый табак, играло в карты, кашляло со свистом и гладило стареющих собак».

Любопытно, что, будучи мальчишкой, сквозь толщу этого душного мирка поэт сумел заметить ростки социалистической нови, нашедшие впоследствии талантливое отражение в его поэзии.

В одном из своих ранних стихотворений «Новый жилец» (1934) Сергей Смирнов выводит образ рабочего-монтера, осознающего законное право на сознательную духовную жизнь там, где еще «всюду были кружева, фикус был сухим и рослым», где вместо света «сумрак проживал и хозяйка с темным прошлым». Само время стало выметать с насиженных местечек матерых мещан, как из пахнущего пеленками и щами дома, где совсем недавно «спекулянтская душа торговала без помехи и ходила не спеша, утопая в лисьем мехе».

Свободный труд нашего народа рождал из своей среды новых людей, озарявших все вокруг себя жизнерадостным настроением. Таков и новый жилец, типичный представитель народа — образ-символ социализма, несущего свет, тепло и радость людям. С открытым навстречу людям сердцем смирновский герой просто и естественно вносит свежее дыхание пролетарского коллективизма в самую неприступную крепость мещанства — домашний быт старого мира. Привлекательность этого героя — в благородстве и в общительном веселом нраве: «и четвертый месяц вот, несмотря на то что сыро, — заключает поэт, — очень весело живет наша тесная квартира».

Частный пример вырастает в обобщение. Поэт показывает пробудившиеся силы трудящихся, по-новому рассматривает понятие гуманизма и смысл человеческого счастья, вселяет в человеческие души гордость и веру в социалистический строй. И не случайно, что с первых шагов в литературе Сергей Смирнов выступил с осознанной жизненной и эстетической программой. Она вырабатывалась еще в те годы, когда будущий поэт жил в Рыбинске и проходил, как сам об этом заметил, «не сильно и не слабо девятигодичный курс наук». О том, какую роль сыграл этот город в его дальнейшей судьбе, можно судить по строкам, обращенным к нему в поэме «Свидетельствую сам»:

Ты во мне остался светлой болью,
Мой прибрежный, шумный и родной,
С безнадежной первою любовью
К бессердечной школьнице одной.

Дал полет —

хоть зорями умойся
И гонись романтике вослед.
Удостоил званья комсомольца,
Выдал паспорт, воинский билет...

После окончания девятилетки Смирнов устроился на работу ретушером в рыбинскую артель «Фототруд», организатором и первым председателем которой был его отец. С большой прилежностью трудился юноша, но в душе мечтал поступить в художественное училище. Отец всячески поддерживал интерес сына к искусству, хотел увидеть его достойным продолжателем нелегкого, но увлекательного, развивающегося фотодела. Будущность художника прочил ему учитель рисования Свиблов. Он научил Сергея видеть и понимать сдержанность и соразмерность русского пейзажа, чувствовать прозрачность света и цвета, улавливать в окружающем мире такие штрихи, которые может заметить только зоркий глаз художника. И впоследствии эта художническая способность видеть наглядно мир как во всех его оттенках и подробностях, так и в едином целом не могла не сказаться на его поэтическом творчестве.

Подспудно росло в Сергее и стремление вырваться из домашней привычной обстановки с геранями и фикусами, со святыми в углу, с занавесочками и прочими атрибутами мачехино уюта, с чистотой, возведенной чуть ли не в культ религии, и посмотреть самостоятельно на мир. «Захотелось ветра и пространства и тому подобных новостей», — признается он откровенно в стихотворении «Друзьям» (1939). И мечта эта вскоре осуществилась.

МОСКВА

Когда я первый раз приехал к Сергею Васильевичу на Ломоносовский проспект в Москве, мое внимание привлекла кухня, а не кабинет с обилием книг. Она вся была в цветущей зелени и напоминала скорее дачную веранду. Не то вьющийся ползучий циссус с сердцевидными листьями, не то лапчатая хедера, а может быть, дикий виноград полз по стенам к потолку и свисал сверху темно-зелеными глянцевитыми листьями, стремясь к окну, к солнцу, которое неярким светом озаряло уютное помещение. Из него не хотелось уходить.

Только руки художника, влюбленного в живую красоту, могли создать такой уголок в самой обыкновенной городской квартире. Жены поэта — Галины Николаевны — дома не было. Мы расположились запросто за кухонным столом. Сергей Васильевич сразу принялся угощать тем, что было под рукой. Он хлопотал около газовой плиты, извинялся за отсутствие разносоля и бегал поминутно к телефону, который названивал беспрерывно. Я попросил поэта вспомнить о том, как он перебрался из Рыбинска в Москву.

— Отцу как руководителю артели фотографов, — начал рассказывать Сергей Васильевич, — приходилось периодически ездить в Москву за материалами для производства — пластинками, бумагой, химикалиями. Останавливался он обычно у Елизаветы Павловны, сестры моей мачехи, жившей на Арбате в самом высоком доме, напротив Театра им. Вахтангова. Ее комнатка была в общественной квартире, возле кухни, размером всего двенадцать квадратных метров, и смотрела она во двор, как в колодец восьмиметровой глубины. В этой комнатке Елизавета Павловна жила с сыном Сережей. В один из приездов отец договорился с ней, чтобы она приютила меня на первых порах. Вот у нее я вскоре и появился. Шел 1932 год,

— Ну, а как же с Рыбинском, с Волгой, с родными — не жаль было расставаться? — спросил я его.

— Перед отъездом в неведомую столицу я несколько дней ходил по Рыбинску, прощался с Волгой. Гудки заводов и пароходов, казалось мне, звучали прощально. Звонки на вокзале и голос паровоза тоже были прощальными. Если в раннем детстве на Ярославском вокзале я, сам того не понимая, расставался с матерью, то в юности на Рыбинском вокзале я трогательно расстался с отцом. Он всю жизнь, по сути, заменял мне и мать и был моим истинным другом. . .

— А бабушка? — неожиданно вырвалось у меня.

— Бабушка. . . — повторил он. — Перед дорогой я заехал в родную деревушку Глинино проститься с родственниками, особенно с бабушкой Настасьей. Она впервые за все годы не удержалась, заплакала: «Чувствует мое сердце, — прошептала она, — что я больше тебя не увижу. . .» Бабушка провожала меня за отвод деревни и долго смотрела мне вслед, а пастух Павел хлопал своим великолепным кнутом, словно салютовал кораблю, уходящему в далекое плавание. . . Нет, слезы не всегда признак слабости. Я шел и ронял слезы прямо на тропинку моего детства. Я не мог удержать этих слез. А тропинка вела через высоченную рожь, через лес к пристани, на местный пароходик. . .

«Москва. Арбат. Дом 35. Квартира 80». Этот адрес и стал первым пристанищем поэта в столице. С трудом прописавшись на крошечной площади тетки, Сергей сразу стал искать себе работу, которая была бы связана с рисованием и давала бы возможность готовиться к поступлению в художественное училище. Но найти такой работы в столице не удалось. Нужны были шрифтовики, умельцы писать плакаты и лозунги, а он этому не был обучен.

Неожиданно подвернулось предложение пойти библиотекарем на Октябрьскую железную дорогу в вагон-клуб, курсировавший между Москвой и Бологое. Предложение было соблазнительным, оно снимало многие проблемы, и прежде всего — жилищную: двухвагонный дом на колесах был для работников клуба одновременно библиотекой, кинозалом и общежитием, это соответствовало и внутреннему, душевному настрою девятнадцатилетнего юноши — Сергей Смирнов, еще заканчивая школу-девятилетку, все больше и больше интересовался литературой.

Тем более понятным стало увлечение его чтением, когда он оказался среди полок с разноцветными томами в библиотеке на колесах. Никогда прежде не окружали Сергея книги в таком количестве. И эти новые спутники и друзья полностью завладели его сердцем, завладели так, что он забыл и про рисование.

Зная, что читатели-железнодорожники могут задавать самые разнообразные вопросы, он старательно штудировал русских и зарубежных авторов, чтобы лучше знать и пропагандировать книгу. Ведь люди, приходя в библиотеку, обычно доверяют выбор литературы библиотекарю. Добросовестный по натуре, Сергей не хотел обмануть доверия читателей. Он видел, как жадно тянулись они к культуре. Книги зачитывались чуть не до дыр.

В вагон-клуб шли путейцы после дежурства, охотно приходила и молодежь из окрестных мест полистать журналы и газеты, послушать информацию о международном положении, поговорить о прочитанных книгах. «Я рассказывал им о писателях и поэтах, о которых только что перед этим узнавал сам, — вспоминает Сергей Васильевич, — читал им отрывки из произведений классиков и советских авторов. А всего выразительней у меня получался разговор о поэзии, благо на полках библиотеки в алфавитном порядке красовались поэты многих народов мира».

Страна живет трудовым энтузиазмом, социальными и экономическими переменами, создаются произведения, которые все читают и о которых спорят, по ним учатся строить жизнь. В золотой фонд советской литературы входят «Скутаревский» и «Соть» Л. Леонова, «Гидроцентральный» М. Шагинян, «Кара-Бугаз» К. Паустовского, «Мое поколение» Б. Горбатова, «Поднятая целина» М. Шолохова... С большим увлечением Смирнов читает произведения о социалистическом преобразовании деревни «крестьянских» писателей — «Ледолом» К. Горбунова, «Лапти» П. Замойского, «Стальные ребра» и «Казачий хутор» И. Макарова, «Капкан» и «Когти» Е. Пермитина, «Горькую линию» и «Ненависть» И. Шухова...

Очень полюбилась Сергею проза Шолохова, она произвела на него неизгладимое впечатление суровой правдой картин народной жизни, борьбы, проникновением в глубины человеческого сердца. «Шолохов, — говорит поэт, — это русский гений с чистым и щедрым сердцем, с открытой и необъятной душой... Я как лучшие стихи повторяю шолоховские слова: „...каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и народу, которым мы служим своим искусством“». Эти слова стали, по сути, девизом всей жизни поэта, основой его творчества.

С помощью опытных библиографов, у которых получает литературу Смирнов для передвижной библиотечки, он начинает лучше разбираться в книге, становится все более начитанным человеком. Особенно волнует юношу поэзия. Оказывается, она вобрала в себя то, что он больше всего любит, — музыку и живопись. Он чувствует, как ее законы позволяют организовать обычную речь в ритмические музыкальные строчки. И каждое слово, оказавшись в строгих рамках упорядоченного расположения соразмерных отрезков — стихов, обретает особую силу, смысл и полнозвучие. Поэзия позволяет живописать и сельский пейзаж, и картинку из городской жизни, и че-

ловеческий портрет, она способна посредством стиха воссоздавать поэтический голос и интонацию самого автора, раскрывать его переживания и устремления.

На первых порах будущему поэту ближе всего было классическое наследие Пушкина, Лермонтова, Некрасова, собрания сочинений которых всегда находились под рукой. Они стали своего рода его учителями-наставниками. Яркая, свободолюбивая, жизнеутверждающая муза Пушкина слилась в его душе воедино со скорбной и гневной «музой мести и печали» его земляка Некрасова. У него Сергей Смирнов нашел мотивы, созвучные своему сердцу, — страстную песнь о русском трудовом народе, о крестьянской доле, веру в душевную красоту человека, уважение к его трудолюбию и терпению. Зачитываясь распевным, мелодичным стихом Некрасова, который вобрал в себя «по словечку» народные поговорки, присловья, приметы и нес вдохновенную гражданскую страстность, Сергей раз навсегда подпал под его чудодейственное обаяние. Очевидно, в творчестве Некрасова следует видеть ту волшебную нить Ариадны, которая первой вывела юношу в мир поэзии.

Нельзя недооценить и впечатление, которое произвела на чуткую душу молодого книгочея советская поэзия. У поэтов-современников Сергей Смирнов находил все, чем наполнилась его жизнь, — примеры высокого служения коммунистическим идеалам, стремления нового человека к очищению от пережитков прошлого, единения вокруг задач, выдвинутых партией, происходящих изменений в самой действительности.

Выделяющийся среди других поэтов Владимир Маяковский ошеломлял воображение новаторской смелостью, громадой замыслов, гиперболическим размахом образов, активным вмешательством в социально-исторический процесс. Его поэтическое завещание «Во весь голос» звало к защите красоты, бескорыстию и самоотречению во имя счастья потомков. Однако сложность поэти-

ческой системы, отрешение лирического героя от всего личного во имя общечеловеческого затрудняло в то время восприятие его творчества. Сказывалось еще и отрицательное отношение к его наследию теоретиков РАППа.

Ближе Сергею Смирнову была есенинская лирика, исполненная особой песенной романтики и психологизма. Его задушевные стихи, к счастью сохранившиеся в передвижной библиотеке, прямо от сердца к сердцу несли чувства гениального русского песенника.

Чтение русских и советских поэтов помогло Смирнову выбрать главное занятие в жизни, пробудило поэтическое дарование. «Именно здесь, — вспоминает Сергей Васильевич, — в кочевом доме, курсирующем по Октябрьской железной дороге, меня все ощутимей, все неотвратимее стала привлекать поэзия. Захотелось самому сочинять стихи. И тут, на колесах, я стал писать собственные стихи, с каким-то непонятным чувством вины все больше ощущая, что стихи начинают заслонять мою прежнюю страсть рисования. . .»

Обычно после месячного рейса вагон-клуб возвращался на несколько дней в Москву. В одно из таких возвращений Сергей узнал из газеты «Октябрьский гудок» об открытии литературного кружка.

«С целью выявления и помощи растущим творческим силам, — сообщалось в газете, — создания новых кадров борцов на фронте литературы, при Клубе им. Андреева создается литературный кружок. . .»

Основной задачей кружка будет — творческая учеба, творческая помощь производству, непосредственно, всеми своими корнями связанная с производством. Кружок будет обеспечен квалифицированным руководством. Известная поэтесса Вера Инбер вместе с писателем Дукором будут над нами непосредственное руководство». ¹

¹ «Октябрьский гудок», орган парткома и месткома Сталинских мастерских Октябрьской железной дороги, 15-й год революции [1932], 30 сент.

10 октября 1932 года состоялось организационное собрание. В кружок записалось около тридцати рабочих-производственников, в числе которых был и Сергей Смирнов. 16 октября кружок провел первое учебное занятие, посвященное творчеству Владимира Маяковского. 22 октября занятие было посвящено лабораторной работе над произведениями самих кружковцев. На этом занятии Сергей тоже прочитал свои первые стихотворные строчки. «Меня похвалили и раскритиковали, — вспоминает он. — И вот тогда-то я окончательно решил всерьез заняться именно стихами».

Вскоре на литературной странице, печатаемой как приложение к газете «Октябрьский гудок» раз в месяц, появилось первое стихотворение молодого поэта под названием «О зеленом». Оно посвящалось отцу. Стихотворение было очень длинным — оно состояло из пятидесяти пяти строк и было, конечно же, ученическим, но уже в нем пробивались черты, предвещавшие будущий облик поэзии Смирнова. Автор и сам понимал несовершенство своих поэтических строк и признавался в этом, но признание было знаменательным:

Я сегодня бесконечно рад,
Рад тому, что, дав работе дань,
Я опять могу своим стихам
Подарить свободные часы...

Да... они незрелы,
Как и я,
Вместо фабрик —
Трубы, дым и гуд,
Но — не сразу вырос Днепрогэс
На бесплодном бешенстве Днепра!..

Автор мечтает стать настоящим поэтом, когда его «стих прочитает тот, кто любит жить», т. е. «прочитает лучший трудовик», а следовательно, по-настоящему и оценит. Пока же он и сам не рассчитывает ни на признание критики, ни на успех у широкого читателя. Пока он

надеется лишь на поддержку близких по духу людей, которые верят в его силы.

Ведущим в первых стихотворениях поэта являлось романтическое начало, которое он стремится соединить с реалистической конкретностью, точной детализировкой бытописаний. За всем этим таится забота о бережном и любовном отношении человека к своему делу.

Вот как описывает он в одном из ранних стихотворений момент выхода после заводского ремонта паровоза «Л-127», используя романтическую иронию видимого благополучия:

И настал долгожданный час.
Этому трудно верить!..
Перед ним, на петлях урча,
Отворились большие двери.

И, роняя за вздохом вздох,
Поднимая за градусом градус,
Он готов был во весь гудок
Заорать про большую радость!..

Поэт уже тогда, в первых своих опытах, обнаруживает стремление к сатире и направляет жало против отрицательных явлений, в данном случае — против нерадивых слесарей, которые во время ремонта «в правом золотнике» забыли «напильник и два зубила», из-за чего паровоз снова отправлен в депо.

Сергей Смирнов обращался и к насущным проблемам времени и защиты революционных преобразований. Сквозь декламационную приподнятость в полный голос звучат у него реальные черты современности. Так, стихотворение «Песня призывника», появившееся 22 февраля 1933 года в «Октябрьском гудке», написано под влиянием выступления Михаила Васильевича Фрунзе к пятидесятилетию РККА.

Советские люди ждали от литературы и искусства не только эстетического наслаждения, они хотели почерпнуть в них убежденность, силу и мужество для более

плодотворного труда и подвига. Отвечая на эти запросы, молодые писатели в своем творчестве закономерно ориентировались не на узкий круг «знатоков» искусства, а на массу тружеников, на тех, кто решал судьбу пятилеток и социалистического строительства. Их волновали и увлекали натуры, сильные духом, цельные, стремящиеся к подвигам во имя великой Родины. Это о ней, преобразующейся под руками советских людей, писал товарищ Смирнова, его сверстник Сергей Васильев: «И земля, как черновая рукопись, непонятная, но вдохновенная, одержима творческими муками, не похожа ни на что обыкновенное».

Поиски нового героя, новые формы человеческих взаимоотношений привлекали писателей к решению нелегких проблем советского гуманизма. Возрастала роль идейных начал в творчестве. Осмысление и отстаивание гуманизма в его новом, воинствующем качестве подтолкнуло Сергея Смирнова на создание большого, остро контрастного публицистического стихотворения, в котором он раскрывает положение женщины-труженицы в стране социализма и развенчивает буржуазную мораль капиталистического мира. Напечатано оно было в «Октябрьском гудке» 10 марта 1933 года.

Что испытывает в жизни женщина Запада? Только боязнь, как бы ее не уволили с работы. Тогда, говорит автор, встанет во весь «жуткий рост» так хорошо известное слово — «голод». Скупыми, но поэтически-выразительными штрихами набрасывает он картину бесславного падения женщины ради того, чтобы выжить:

И как всегда, когда крадет
Прохлада дня истому,
Она пугливо подойдет
К махровому притону...
Ее осмострят, как белье,
Глаза и лапы бара,
И жизнь обломится ее
Под жирный звон доллара...

Совсем по-другому устроена жизнь женщины в Стране Советов. Хотя и усталая, но довольная и спокойная за свою судьбу возвращается она с работы домой. Ее жизнь — это повесть о том, как приехала она в большой незнакомый город, как поступила на завод и «как потом огромный цех ей церкви стал дороже». Наравне с мужчинами ей доверили сложный токарный станок, на котором она изо дня в день «точила семь часов блестящие детали», став ударницей труда. Именно такие раскрепощенные женщины могут, «гордясь, встречать свое Восьмое марта».

Сергей Смирнов твердо верит в лучшее будущее при добросовестном отношении людей к труду, понимая его преобразующее значение. Он считает, что счастье человека — в любимом труде, и поэтому говорит друзьям: «...надежды, споры и рабочий столик у окна не сменяю на золотые горы и на реки, полные вина!»

Действительность настойчиво манила двадцатилетнего парня к активной созидательной работе. Ему стало казаться ничтожно малым то, что он делал в библиотеке вагона-клуба по сравнению с трудом его сверстников по реконструкции основных отраслей народного хозяйства. Советский Союз превращался из аграрной в индустриальную страну. Социалистическое наступление привело в движение небывалую энергию масс.

В тридцатые годы страна буквально бурлила стройками и призывала все новые и новые пополнения рабочих. Молодежь ехала на Крайний Север и Дальний Восток, на строительство каналов, плотин, железных дорог и крупных промышленных объектов.

Смирнову не терпелось самому стать участником какой-либо стройки, что-то делать, производить... Ехать далеко не пришлось. Работа кипела в нескольких шагах от Ленинградского вокзала, куда он постоянно прибывал с вагоном-клубом. Мало того, новизна и очевидная важность этой работы привлекали всеобщий интерес. В Мо-

скве началось сооружение Метрополитена, туда и направил стопы неугомонный ярославский паренек.

«В отделе найма при строительстве Комсомольской станции метро, — вспоминает Сергей Васильевич, — народу невпроворот — парни и девчата, посланцы комсомола, добровольцы. Смех, говор, удаль молодая. А у тебя в душе страх — примут ли? Сюда берут только самых здоровых. Со скандалом прохожу приемную комиссию, прячу в карман комсомольский билет, которым потрясал перед врачом, доказывая, что он ошибается, бракуя мою кандидатуру. . . «Нет — годен!» — говорю сам себе. В направлении в бригаду прописью значится небывалая для меня и полная высокого достоинства специальность — проходчик. . . А дальше — спецовка, рукавицы, резиновые сапоги, рабочая карточка на питание. И какая-то глубинная радость от того, что с этих пор ты уже другой человек. . .»

Да, действительно прекрасная пора! Трудовой подъем. Комсомольцы первыми устремились осваивать «подземные» профессии. Сергею пришлось проявить немалую настойчивость перед врачебной комиссией Метростроя, чтобы быть принятым в молодую армию строителей первой линии московского метро. Впрочем, как он позднее признавался в автобиографической поэме «Свидетельствую сам», значительно труднее было доказать, чего ты стоишь на деле, в комсомольской ударной бригаде. Естественно, непринужденно, с юмором передает поэт встречу с шахтерами:

Было их, парней, примерно десять —
Мастеров шахтерского труда.
Если все положенное взвесить, —
То — была ударная страда.
И когда пришел я к ним впервые,
Некую восторженность храня,
То они, почесывая выи,
Как бы не заметили меня.

Сам Куприн —
приземистый детина,
Суший кряж в брезентовой броне, —
Помрачнел и выразил картинно
Вотум недоверчивости мне.

Он вздохнул протяжно и глубоко,
Не сводя с меня настырных глаз,
А потом изрек не без намека:

— Ну, орел,
покажем высший класс!..

В поте лица пришлось сдавать Сергею нелегкий трудовой экзамен, чтобы получить право остаться в бригаде. А затем пришла и дружба с этими простыми, честными ребятами, вместе с которыми он в начале 1934 года стал проходить настоящую школу жизни.

В трудных и опасных условиях работал Сергей Смирнов землепроходчиком, позже — изолировщиком. «Вкалывать на всю железку», как говорили в бригаде, приходилось вручную, техники почти не было. Такая работа закаляла не только мускулы (ведь поначалу у Сергея, по его собственному признанию, «дрожали руки, ломало поясницу, хотелось упасть на землю и лежать не двигаясь»), но и характер. А самое главное — она развила в юноше столь недостававшее ему чувство уверенности в себе, собственного достоинства. Он теперь наравне со всеми участвовал в важном государственном деле. Как осознал он свою трудовую значимость и свое духовное возрождение, став проходчиком первой линии метро, говорится в стихотворении «Друзьям» (1938):

После смены, выйдя из забоя,
Вытер лоб, который был в росе,
И впервые землю под собою
Ощутил во всей красе!

Это чувство было как находка.
По столице шел не семена:
Крупная,
Хозяйская походка
Стала появляться у меня...

Поэт удивительно точно передает свои новые ощущения: жизнь открывается перед ним как бы заново во всей значительности и красоте. В трудовом коллективе шахтеров он сразу почувствовал себя легко и просто, как когда-то в деревне. Правда, родные смотрели на него не без сожаления, когда он сначала «колесил, куда не устал», а теперь, им «на удивленье, на метро буравить землю стал». Но родные есть родные, им ведь трудно угодить. То ли дело ребята-метростроевцы, съехавшиеся в Москву со всей необъятной России. Зайдешь к ним в общежитие, и на тебя будто повеет дыханием лесов и полей, особенно когда появится в комнате новичок:

Он говорит,
А мы глядим...
Нам долго объяснять не надо —
Мы видим избы, видим дым,
Мы видим парня возле стада...

И так приятно было нам, —
Мы улыбались, точно дети...
И дым ходил по сторонам,
И чайник фыркал на газете,
И рядом в воздухе сыром
Как будто яблони кипели,
Как будто ухал первый гром,
Как будто жаворонки пели...

(«Из нашей местности лесной», 1939)

Стихотворение отражает типичную для той поры тягу крестьянской молодежи в город, на стройку, на завод. Написанное четырехстопным ямбом, еще наивное по форме, оно носит характер жанровой картинки. По-крестьянски неторопливо передается путь деревенского паренька в новую, рабочую жизнь. В добросовестном перечислении нехитрых деталей общежитейского устройства еще чувствуется бытовая описательность. Но эти бытовизмы помогают молодому автору придать стихотворению иронический оттенок. И уже здесь, в точном отборе деталей,

сказался острый смирновский глаз. Наполненное духом жизнерадостного дружелюбия к своим сверстникам, стихотворение верно передавало состояние и самого автора в те далекие дни его трудовой молодости.

Особую творческую радость испытывал он тогда, когда удавалось в создаваемых образах донести до товарищей то, что чем-то обрадовало или удивило его самого в окружающей жизни. В своем раннем жизненном опыте, в судьбах друзей по работе и близких находит он немудреные темы для первых стихотворений. Это своего рода репортажи о «встречах в пути». И уже с самого начала для молодого поэта характерно чувство ответственности перед людьми за то, чтобы все написанное «приходило и дружило» с ними, «а не пролетало стороной».

Он писал и переписывал по несколько раз свои поэтические творения, нет-нет и выдавая кое-что стоящее «нагора» — на суд товарищей. «И слух обо мне», — признается Сергей Васильевич, — прошел по всему котловану Комсомольской станции и достиг многотиражки «Ударник Метростроя». А дальше — добро пожаловать в этот печатный орган, на занятия литературного объединения под руководством Ивана Батрака, на коллективные литературные страницы в газете. И мы, метростроевские парни и девчата, обрели новое звание — молодых литераторов».

Только все приходилось делать на ходу, некогда было присесть или уединиться и собраться с мыслями, стихи поистине не писались, а «выборматовались» буквально везде: и на работе, и в дороге, и дома. Вдохновение являлось ночью, отгоняя сон, несмотря на оставшийся позади тяжелый трудовой день в котловане.

Сергей Смирнов становился популярной личностью Метростроя, где сошлась молодость по призыву комсомола и велению собственного сердца, и гордостью ударной бригады, где он получил первое трудовое крещение. Его дружеское и в то же время меткое слово нашло путь к чи-

тателю, правда, пока только к своему, к метростроевскому. Но оно звучало не менее выразительно и ярко, чем у других начинающих поэтов — молодых строителей метро.

Стихи, печатавшиеся в газете, рассказывали о таких же рабочих разных профессий, комсомольцах, какими были и сами литкружковцы, о их неукротимой энергии в возведении подземных мраморных станций-дворцов и бетонных тоннелей. Публиковались, конечно, и стихи, наполненные размышлениями о жизни страны в целом и судьбах людей, с которыми авторам приходилось встречаться, делить и радость и горе. Поэтическим откровением явилось опубликованное в газете стихотворение Сергея Смирнова «Отцу» (1934), в котором, несмотря на его несовершенство, чувствуется большая серьезность и сердечность:

Мне сейчас письмо рассказало,
До конца прямогу любя,
Будто сердце работать стало
С переборами у тебя.

Кроме этого, ты расстроен
Тем, что тратит немало сил
На строительстве Метростроя
Твой давно не писавший сын.

И, погоды коснувшись вкратце,
Ты советуешь мне опять —
Повнушительнее питаться
И почаще тебе писать. . .

Отвечая на заботу и беспокойство в письмах отца о нем, поэт пишет ему, что «прикреплен к неплохой столовой», а устает наравне с другими ребятами из бригады. Он рассказывает о своей рабочей среде, об уверенности в том, что Комсомольская станция будет построена в срок. В стихотворении более ярко проявляется индивидуальность Сергея Смирнова: его лирический герой при-

влекает добродушной шуткой, подтруниванием над самим собой, вниманием и лаской к людям.

В сочном грунте шипят лопаты.
И куда бы ни посмотрел,
Всюду девушки и ребята
Подгоняют течение дел.

Отработав, на солнце выйдешь...
Шутки... Дружба — плечо с плечом.
И расстройство твое, как видишь,
Не основано ни на чем...

Исполненное в лирическо-бытовом плане и носящее в значительной мере частный характер, стихотворение, как говорил Виталий Закруткин, «особенно тепло и, сквозь напускную юношескую суровость, удивительно нежно звучит».¹ Именно оно и два других стихотворения поэта («У нас» и «После работы») были замечены Михаилом Светловым, который в это время готовил сборник стихов молодых рабочих Москвы и Ленинграда для Профиздата. С авторами почти уже составленного сборника Михаил Аркадьевич решил встретиться у себя дома. Был приглашен и Сергей Смирнов. Вот как рассказывает поэт о встрече:

«Я приехал к старику (так мы именовали Светлова) прямо с работы в комбинезоне проходчика. Он с необычайным радушием приветствовал каждого из нас, усаживал на диван и стулья, но, оглядев меня, быстро сходил на кухню и принес оттуда выдавшую виды табуретку. «Эта мебель специально для вас», — добродушно изрек старик (а старику было тогда что-то немногим более тридцати лет от роду). Я уселся на специальную мебель, и началось чтение стихов по кругу, в порядке живой очереди. Светлов слушал с улыбкой, делал пометки на листе бумаги. Когда подошла моя очередь, он как-то особенно

¹ В. Закруткин. Два сборника. — Резец, 1935, № 2, с. 22.

просиял, весело выкликнул мою фамилию. Я по-школярски вскочил с места и — о, ужас, конфуз! — табуретка прилипла к моему комбинезону, испачканному мастикой. Все расхохотались, а Светлов изрек: «Теперь вы понимаете, молодой человек, почему я усадил вас не на диван, а на табурет? . . Ну, мы слушаем вас! — ободряюще сказал он. — Не робейте!» Стихи мои были неумелые, многословные. Однокашники молчали. А Михаил Аркадьевич слушал внимательно. «Острый взгляд! . .» — сказал он. Старик у каждого из нас нашел какие-то первые удачи, не умолчал и о поэтических огрехах».

Сборник в 1934 году вышел в свет под названием «Двадцать стихотворений». С первыми произведениями здесь наряду с Сергеем Смирновым выступили ставшие потом известными поэтами Алексей Недогонов («Золотая Колыма») — в то время монтер на заводе, Бронислав Кержун («Последний перегон», «Бюллетень») — тогда помощник машиниста, а также еще восемь авторов. Голоса их были радостными и серьезными, а идейное и тематическое направление поэзии крепко связывалось с традициями и устремлениями трудовой, народной среды.

«Молодые хорошие ребята, каждый не старше 20—22 лет, вваливались ко мне на квартиру, вынимали засаленные бумажки и читали оглушавшие меня свежестью стихи, — писал в предисловии к этому сборнику составитель. — Надо принять во внимание, что культура этих ребят невелика, что, прежде чем сесть за стол, они проводят уплотненный рабочий день (они сплошь ударники), что это не юнцы, пишущие стишки, а молодежь, строящая и созидаящая, и, приняв все это во внимание, мы должны быть удовлетворены.

Мы прощаем этим поэтам отдельные неудачные строки потому, что у каждого из них есть *своя* свежесть, *свой* взгляд на вещи и явления, *свой* метод обобщения. И уже не с робостью начинающих, не с косноязычным шепотом,

а с громким пением входит молодежь в просторы советской литературы. . .»¹

Проблема роли и предназначения поэзии в обществе решалась этими поэтами просто — они стремились быть общепонятными и общепринятыми. Не стоял тогда вопрос об актуальности тем. Звание «Ударник», а они воистину были ударниками, призванными в литературу, исключало какие бы то ни было отклонения от стихов о труде, о чувстве молодого хозяина мира, о комсомольском кредо в работе и в быту, в любви и дружбе. Все подчинялось идее высокой гражданственности, патриотическому подъему. Поэты стремились осмыслить происходящие в жизни процессы строительства социализма и перестройки внутреннего мира человека.

Большая заслуга в воспитании одаренных поэтических сил принадлежала молодой, как сам Метрострой, редакции многотиражной газеты «Ударник Метростроя». Участие в работе литкружка при ней, в литературных конкурсах, в коллективном создании и редактировании литстраниц, в которые тщательно отбирались под началом Ивана Батрака лучшие стихи литкружковцев, помогали Сергею Смирнову и другим поэтам формировать свой талант.

Таковыми литературными кружками Москва буквально бурлила в те годы, и творческая молодежь охотно посещала их, кочуя из одного в другой. «Особенно памятен литкружок «Огонька», — вспоминает Сергей Васильевич, — с руководителем его Ефимом Зозулей и непрекаемым активистом в лице молодого и баснословно популярного Ярослава Смелякова. Народу в просторной по тем временам огоньковской комнате — битком. Каждый мнил себя поэтом. У каждого в боковом кармане — стихи собственного производства. И чтение стихов в горячей,

¹ М. Светлов. Предисловие. — Сб.: «Двадцать стихотворений», М., 1934, с. 5.

внимательной и абсолютно бескомпромиссной среде литкружковцев, пришедших на этот литмагнит «Огонька», — это экзамен экзаменов, проверка проверок тебе лично. Памятная деталь. Каждый старался сесть ближе к столу, куда после отчаянных дебатов подавался горячий чай и прекрасные бутерброды с дешевой колбасой. Это было лакомство избранных».

Интересно работало литературное объединение и при комсомольском журнале «Смена». Алексей Толстой, Борис Пильняк и другие знаменитости бывали на его занятиях и делились своим опытом с молодежью. Но главное внимание молодых литераторов привлекал Литературный институт, открытый 1 декабря 1933 года. Он был вечерним, но попасть туда было нелегко. Сергей Смирнов пока только вздыхал и, как говорится, с тоской во взоре смотрел в его сторону, когда проходил мимо.

Нужно было строить Комсомольскую станцию метро. Проходчики становились теперь арматурщиками, бетонщиками, мраморщиками, опалубщиками, изолировщиками. Этого требовала стройка. И вот вчерашний «рыцарь лопаты и кирки» приобщается к рулонам изоляционного рубероида и пергамина. Посредством расплавленной мастики лепит лист на лист, чтобы нигде не проступала враждебная станции подпочвенная вода и чтобы напарники могли на сухом месте поставить арматуру и опалубку, а бетонщики — превратить все это в железобетон. . .

«Великий стимул соучастья в труде — живи и не скудей!» — писал Сергей Смирнов в начале семидесятых годов в поэме «Имеем право», вспоминая свою молодость в начале тридцатых и по-метростроевски утверждая, что «все достижимо, все во власти единством спаянных людей».

Глядишь, а мы уже шагнули
К отделке станций под землей.
И вот — поднялись вестибюли
Над захолустностью былой.

Глядишь, а мы уже сумели
Развеять сны земных пластов,
И путь подземного тоннеля —
Со всеми службами — готов.

Они блещут не данной свыше
А человечески земной,
Дворцеподобной, светлокрышей
И рукотворной новизной. . .

Тяжелый труд не прошел даром для Сергея Смирнова, и, когда Комсомольская станция метро стала обретать зримые черты уже на земле, врачи запретили ему дальнейшую работу под землей. Он стал рабочим метростроевского лесосклада. Тоска по настоящей работе, по своей прежней бригаде росла с каждым днем. Опять Сергей Смирнов встал перед дилеммой: как быть дальше? Не хотелось уходить из метро, манил и Литературный институт. Стояла глубокая осень, деревья около института подернулись золотящейся листвой. Закутываясь потеплее в осенние одежонки, мчались сюда после работы избранные счастливики. И вдруг неожиданно для Сергея, но закономерно для литобъединения Метростроя было принято решение — собственному корреспонденту «Ударника Метростроя» вручить путевку в институт. Воля, труд и талант победили все препятствия. Дальше — волнения, экзамены, ожидание, наконец — доска объявлений со списком студентов первого курса:

«Виктор Боков,
Наталья Вержейская,
Ольга Высотская,
Алексей Грязнов,
Василий Журавлев,
Леонид Кацнельсон,
Борис Лебедев
Александр Макаров,
Михаил Матусовский,
Герман Нагаев,

Алексей Недогонов,
Ян Сашин,
Константин Симонов»,

а в самом низу алфавитного списка значилась еще одна фамилия:

«Сергей Смирнов».

Чувством искренней признательности продиктованы строки, посвященные огромному коллективу, воспитавшему в деревенском парне нового человека, рабочего поэта, коллективу, который носит обобщенное имя — Метрострой:

Метрострой, спасибо за уроки
Тяжкого шахтерского труда.
Без бюрократической мороки
Ты меня воспитывал тогда.

Ты мне дал ухватку молодую,
А она нужна не только тут!..
Ты сказал — свое:
«Рекомендую».
И направил парня в институт.

ИНСТИТУТ

Так уж сложилась поэтическая биография Сергея Васильевича, что каждый новый этап жизни чем-то обогащал и одарял его духовно. Метрострой в этом плане был значительной вехой на его пути. Шуточный и в то же время абсолютно серьезный девиз главенствовал среди метростроевцев: «Строить так, чтоб не капало нигде!» Молодые поэты Метростроя взяли этот девиз и себе, что в поэтическом плане означало — писать такие стихи, делать строку так, чтобы в них не было воды, чтобы именно «не капало нигде!».

Особое место в литературной биографии занял Литературный институт имени М. Горького. Одни имена писателей, руководивших творческими семинарами в институте, говорили о самом высоком престиже этого учебного заведения — Ф. Гладков, Л. Леонов, К. Федин, Вс. Иванов, А. Сурков, А. Фадеев, Л. Соболев, М. Светлов, К. Паустовский, В. Луговской, Б. Ромашов... Богатейший личный опыт позволял этим наставникам увидеть в каждом подопечном конкретный, индивидуальный отпечаток таланта и помочь развить его в нужном направлении.

Очень важным для становления таланта Смирнова оказалось то, что он попал в творческий семинар Михаила Аркадьевича Светлова, который пользовался любовью и уважением поэтической молодежи и как яркий певец-романтик революции, и как прирожденный педагог. Несмотря на добрый и веселый нрав, он был требователен к подопечным, ибо превыше всего ставил честь советской поэзии. За многие годы литературной работы у него выработалось правило: «Пиши так, как будто ты сидишь и разговариваешь с читателем за одним столом».

В творческий семинар Светлова вошли поэты, многие из которых впоследствии выросли в маститых советских писателей. Их произведения уже тогда начали привлекать заинтересованное внимание любителей поэзии. Виктор Боков воспевал русскую природу и жизнь колхозного села, Алексей Грязнов и Герман Нагаев — город, Василий Журавлев и Алексей Недогонов стремились показать романтику социалистического труда, Леонид Кацнельсон был поклонником физкультурных тем, в стихах Михаила Матусовского явственно просматривались приметы индустриального Донбасса; Наталья Вержейская выступала как переводчица немецкой поэзии; тяготением к романтическому пафосу, к сильным и мужественным характерам отличались первые стихи и фрагменты из поэмы «Беломорец» Константина Симонова; Ян Сашин у же

тогда был признанным сатириком; ну, а Сергей Смирнов писал о метростроевцах, «о гордости своей» — Комсомольской станции, о Волге; в Александре же Макарове, ошеломлявшем всех своими сонетами, никто не предполагал в будущем критика.

Михаил Аркадьевич дружески советовал своим подопечным, прежде чем они не запаслись «душевым накоплением», никогда не рваться в печать с незрелыми произведениями. Большое значение руководитель семинара придавал воспитанию творческой индивидуальности каждого и считал, что поэт должен выработать в себе такой вкус и такой пристальный взгляд на окружающее, который позволил бы ему подсказать читателю свою «точку зрения, угол зрения» на «обозреваемый предмет».

Основой мировоззрения Смирнова и других учеников Михаила Аркадьевича стало подвижническое служение Родине, Партии, Коммунизму. Учитель вкладывал в эти понятия весь пыл романтической души и прививал высокие чувства питомцам. «Мне, — писал он, — не стоит труда определить главную черту комсомольцев моего поколения. Эта главная черта — влюбленность. Влюбленность в бой, когда Родина в опасности, влюбленность в труд при созидании нового мира, влюбленность в девушку с мечтой сделать ее спутницей всей своей жизни и, наконец, влюбленность в поэзию и искусство, которые ты тоже никогда не покинешь».¹ В новом поколении творческой молодежи Светлов видел продолжателей и преемников великих традиций отечественной революционной поэзии.

Другой замечательной личностью, вошедшей в поэтическую биографию Сергея Смирнова в пору студенчества, был его «второй литературный батя» и наставник — Владимир Александрович Луговской. Много путешествовавший по Средней Азии, Азербайджану, Центральной Ев-

¹ М. Светлов. Собр. соч., М., 1975, т. 3, с. 17.

ропе, плававший на кораблях Черноморского торгового флота в Турцию, Грецию, Италию, он знал массу событий, фактов, историй, имен и притягивал студентов, как магнит, своей эрудицией и личным обаянием. На несколько лет он стал старшим товарищем и судьей для Смирнова и его сокурсников.

Широкоплечий, высокорослый и бровастый красавец Владимир Александрович был живой историей развития советской поэзии. На встречу с ним молодежь спешила, как на праздник. Луговской жил тогда во дворе Литературного института. И часто занятия поэтического семинара проходили не в институте, а на его квартире. Он был наделен редкой даже для поэта способностью тонко чувствовать и внезапно погружаться в стихию поэзии.

Проникнутая искренним революционным пафосом и патетикой мирного созидательного труда, поэзия Луговского как бы рождалась из страстного желания добра всему существу — людям и зверям, деревьям и цветам. Сергея Смирнова, поэта с горячим сердцем, с «огоньком» в груди, особенно привлекала душевная щедрость Владимира Александровича, его напряженные и тревожные раздумья о времени.

Суть влияния Владимира Луговского на поэтическую молодежь тридцатых годов осветил Михаил Луконин в заметке, написанной к 75-летию со дня рождения чуткого и большого художника. «Поэзия Луговского сильна строгой простотой средств, но эта простота была оснащена особой художественностью, прекрасным цветовым зрением и, главное, жила в неповторимости его интонации», — писал Луконин, добавляя, что именно она пробудила у многих молодых поэтов «желание обрести эту интонацию в себе, потому что поэт без нее — как птица без крыльев». ¹

¹ М. Луконин. Живая сила поэзии. — Лит. газ., 1976, 14 июля.

От Михаила Светлова Сергей Смирнов перенял ироническо-юмористическую манеру, от Владимира Луговского он унаследовал емкость стихотворного слова, богатство изобразительных средств и от обоих — органическое единство формы и содержания. Все вместе взятое и помогло ему обрести свою неповторимую интонацию.

Об этих двух широко известных именах, сыгравших в судьбе поэта, в его творчестве важную роль, свидетельствует сам Сергей Смирнов:

Лично мне дорогу осветило
И согрело щедростью людской
Не одно, а сразу два светила,
Мастера —
 Светлов и Луговской.
Да простят мне прочие пииты —
Я, ничуть словами не пыля,
Утверждаю прямо и открыто:
Лучше всех —
 мои учителя!

В институте Сергей Смирнов быстро определился среди таких же, как и сам, ребят. Три года подряд после работы в Метрострое спешил он сюда по вечерам со своими товарищами по курсу и семинару на занятия. Успевал он забегать и в родную газету «Ударник Метростроя», где кипучий редактор Резниченко и руководитель литобъединения Батрак взялись вдохновенно за создание сборника стихов метростроевцев. Добровольным шефом его стал Александр Безыменский.

В начале 1935 года этот сборник под названием «Стихи о метро» вышел в Гослитиздате. Он был издан тиражом десять тысяч экземпляров, большим для того времени. Эпиграфом к сборнику послужили слова Г. Кострова:

Мы пришли
В историю не просто,
Чтоб отведать жизни.

Мы пришли —
С планом созидания и роста
Новой, замечательной земли.

С этим эпиграфом перекликались строчки Сергея Смирнова из стихотворения «Гордость», открывавшего раздел «Молодость». В нем — радость участника строительства и пуска первой очереди метро. От Комсомольской площади до Арбата пошли первые поезда! Это событие — гордость всей страны, построившей метро «в первой пролетарской столице»:

Уже в Москву повадились туманы,
Летит листва с худеющих ветвей,
А мы с друзьями ходим на охрану
Одетой в мрамор
Гордости своей,
Которая крепка и светлолица,
Которая просторна, как завод,
Которой восхищается столица
И Комсомольской станцией зовет..

Десять поэтов, напечатанных в сборнике, составили лишь малую часть литературной молодежи Метростроя, но это была лучшая часть. Полные лирической искренности и творческого пафоса, их стихи призывали трудиться по-настоящему, жить по-коммунистически, любить до конца, ненавидеть и выжигать также до конца «родимые пятна» пережитков. В этом плане стихотворение Сергея Смирнова «Гордость» отражало личные особенности автора и родственную связь его духовного мира с живыми, насущными задачами переживаемого времени.

Всей душой полюбил Смирнов Литературный институт. Он сдружился с сокурсниками из семинара В. А. Луговского, с которыми делил горести и светлые дни, успешно переходил с курса на курс, творчески соревновался и рос профессионально.

Быстро пролетели три года нелегкой работы и кропотливой учебы. Три курса были позади. Вопреки всем скептикам, заявлявшим, что от этого «литературного ин-

кубатора» толку не будет, что литераторы приходят из жизни, а не из учебных заведений, птенцы набирали силу, институт — популярность. Среди других достойных Сергея Смирнова перевели на дневное отделение, только что открывшееся.

Поселился он в студенческом общежитии, которое было расположено в городке писателей — в Переделкине. «У нас бревенчатый домик на несколько человек, — рассказывает Сергей Васильевич, — и мы дали ему имя Авсмижаба. Оно составлено из первых букв наших фамилий: Авдеев, Смирнов, Жариков, Бауков, Боков. Это студенты Литературного института, молодые прозаики и поэты. На входной двери красуется мое сочинение:

Когда умрем — завоют звери
И дворник скажет: «Вот те на!» —
И мелом на парадной двери
Напишет наши имена».

Его стихи печатаются в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь». Среди них приобретают известность стихотворения, посвященные детским годам, такие, как «Зажигательное стекло», «Когда меняют голос», «Бабушка», «В теплушке», «Дядя Ваня». . . В них много живой действительности, света, теплоты, ощущения счастья бытия, острого чувства подлинности и улыбочивой приветливости, а еще — честность и ответственность перед людьми и своим временем. Обращаясь в очередном стихотворном послании к отцу, Смирнов в 1937 году пишет о себе:

Я ничего не прячу на замок
И до сих пор — от самого начала
Я честно делал то, что знал и мог
И то, что мне столица поручала!

Представляя молодого поэта на страницах «Литературной газеты» в 1938 году, его более известный сокурсник Константин Симонов на примере смирновского стихотворения «Новый жилец» утверждал не без основания: «Впоследствии он писал стихи и более зрелые и более

глубокие, но уже в этом раннем стихотворении отразились все особенности его таланта. Никакой напыщенности, никакой риторики, никаких претензий на ложное глубокомыслие, ни «космосов», ни «мирозданий». Простые и теплые строки о наших днях, о ежедневных трудах и радостях рядовых советских людей, наших соседей по парте, по квартире, по общежитию... Почему-то кажется, что они непременно должны быть знакомы между собою, встречаться, разговаривать. Это ощущение рождается от того, что Смирнов подметил у всех своих героев целый ряд общих черточек, общих для множества наших современников. Отзывчивость, теплота, желание и умение помогать друг другу, любовное отношение к своей и уважение к чужой работе — эти качества красной нитью проходят через характеристики героев Смирнова».¹

Чтобы заслужить положительную оценку своему творчеству у товарищей и критики, нужно было настойчиво трудиться, освободиться от власти книжной риторики и воспевания домашнего уюта, в чем его иногда обвиняли справедливо, пробиться на «вольный ветер», к открытым просторам. В стихотворении этого времени «Желание» он пишет:

Но хотелось бы мне,
Чтоб у каждого было
Не стремленье к покою
Да тихий порог,
А желанье простора,
Дерзанье и сила
И манящая даль
Предстоящих дорог.

Критика доброжелательно встретила новое имя. Она отмечала, что в стихах молодого автора, как в кристалле,

¹ К. Симонов. Стихи Сергея Смирнова. — Лит. газ., 1938, 5 окт.

отражается и моральная чистота его, и верность поэтическим традициям, и самоотверженная преданность литературе. В большой обзорной статье о творчестве молодых поэтов А. Когана, Е. Долматовского, Б. Лебедева, Л. Ошанина, М. Алигер и С. Смирнова, опубликованной в журнале «Октябрь» в 1939 году, Зоя Кедрина писала: «Сергей Смирнов безусловно талантливый молодой поэт. Его стремление отойти от фальшивой риторики литературных дельцов, стремление противопоставить картонному герою стандартных виршей живого обычного советского человека со всеми радостями и огорчениями заслуживает всяческого одобрения».¹

На последнем, четвертом, курсе Литинститута нужно было думать не только о выпускных экзаменах, но и о дипломной работе — первой книге стихов, которую в дальнейшем не стыдно было бы предложить издательству для опубликования. Кое-что, правда, было уже сделано: из напечатанных стихов в газетах и журналах складывался цикл о детстве, довольно крепкий и, можно сказать, удавшийся. Но это только начало.

Дни учебы уплотнены до предела. Общежитие было далеко от института, в Переделкине, на дорогу уходило много времени. Расторопный и находчивый парень сумел умаслить ночного сторожа Степана Потапыча и договорился иногда ночевать прямо в Литинституте. Все держалось в строжайшей тайне, даже товарищи по общежитию не знали, у кого это Сергей частенько стал пропадать по ночам в Москве.

«Никто, кроме ночного сторожа, дорогого Потапыча, — рассказывает Сергей Васильевич, — и знать не знал, что под черным коленкором дивана в директорском кабинете у меня, как в персональном сейфе, хранятся листы стихов будущей дипломной работы, моей первой книги,

¹ З. Кедрина. Поэзия и комнатный уют. (О поэтической молодости). — Октябрь, 1939, № 2, с. 206.

смена белья и письма одной москвички, с которой у нас как-то не вытанцовывалась встреча наяву, а почта была связным и все наши интимные секреты хранила в государственной тайне».

Быстро пролетела зима с короткими холодными днями и плодотворными творческими длинными вечерами и ночами, когда возникает острое чувство поэзии и под скользящим по бумаге пером ложатся прочувствованные строки стихотворения, когда летят незримые минуты и часы, рождая вдохновение.

В это время в дирекции
Тихо и пусто, как в бочке.
Телефонная связь,
Как усопшая рыба, — нема.
А за синим окном
Возле каждой светящейся точки
Карусель свою белую
Медленно вертит зима...

.
Я спокойствие духа
Теряю в такую минуту.
Это свойственно многим
В последнем учебном году.
И от чистого сердца
Шепчу моему институту:
Я сроднился с тобой
И жалею, что скоро уйду...

А куда было ему уходить из студенческого общежития, от гостеприимного Потапыча? Возвращаться к своей тетке и стеснять ее? У других квартиры, родители, жены в Москве. А у Сергея? .. Ничего этого не предвиделось. И тогда родился «стратегический» план с колоссальным «тактическим» ходом. Зачеты сдать, а с госэкзаменами повременить — попросить отсрочку, выпустить первую книгу стихов (она была уже в плане издательства «Советский писатель» на 1939 год) и параллельно готовить вторую книгу и тоже издать ее, дабы уверенно постучать-

ся в массивную дверь Союза писателей и стать законным поэтом.

Таковы были его программа-минимум и программа-максимум. И они стали осуществляться. Зачеты были сданы в свое время, отсрочка получена. Его лучшие стихи — «Товарищу», «Новый жилец», в новом варианте, «Дядя Ваня» и «Бабушка» — вошли в большой сборник Гослитиздата «Победители», выпущенный в конце 1938 года к XX-летию ВЛКСМ, где редактором-составителем стал Иосиф Павлович Уткин. Четыре стихотворения среди произведений таких поэтов, как Александр Яшин, Дмитрий Кедрин, Сергей Васильев, Сергей Михалков, Константин Симонов, Маргарита Алигер, Сергей Островой, — не так уж плохо! В десятом номере «Смены», посвященном XX годовщине комсомола, была напечатана его большая поэма «На верхней Волге» о двух поколениях советских людей, их повседневном трудовом героизме, раздумьях о Волге и Родине.

Осенью следующего, 1939 года пятитысячным тиражом вышла первая книга поэта — «Друзьям». Она подводила итоги его начального пути в поэзии, раскрывала сущность идейно-эстетической позиции автора, обобщала его немудреный жизненный опыт, богатый впечатлениями насыщенного времени, невзгодами и крылатыми мечтами о будущем. Книга содержала в себе два с половиной авторских листа и состояла из тысячи шестисот с небольшим строк. Она была первым экзаменом на звание русского советского поэта и помогла с честью выдержать его.

Можно сказать, что с выходом в свет первой книги стихов «Друзьям» Сергей Смирнов вступил в отечественную поэзию как самобытный талант, обладающий прежде всего мягким юмором и светлой улыбкой. Стремление говорить людям правду, равно хорошую и плохую, стать

понятым даже неискушенному в поэзии читателю, жажда быть активным борцом за социализм придала его стихам жизнеутверждающую бодрость и настоящее гражданское звучание.

«Уже тогда я уверовал каким-то внутренним чутьем, — замечает поэт, — что каждую строку следует переживать, по каждому поводу говорить конкретно, стараться видеть любое событие в действии, и пушкинское «над вымыслом слезами обольюсь» было для меня одним из главных условий в избранном деле».

Проникнутая идеями советского патриотизма, оптимизмом, книга «Друзьям» подтверждала эти слова поэта. Борясь, может быть еще интуитивно, за чистоту и целомудренную красоту ясного и точного народного русского языка, Сергей Смирнов раскрывает в стихах предвоенного периода черты людей новой эпохи, пафос и романтику трудовых будней, размах событий в стране, а также отмечает свои биографические вехи. В этом сборнике, словно в оптическом стекле, отчетливо отразилась юность страны.

Ощущение счастья от жизни, от людей, с которыми он встречается, живет, дружит, шумящим и светлым потоком врывается в его творчество. Поэт любит меткое слово, шутку, каламбур, они помогают ему полнее раскрыть характеры своих героев, скромных, открытых, добродушных. «Обожаю парней дружелюбных и крепких, как велик, не особо приметных, до срока стоящих в тени», — признается он в стихотворении «Институт» (1938). И далее, продолжает, обнаруживая непримиримость в оценках моральных человеческих ценностей: «Ненавижу лощеных, умышленно умных. . .»

Живость темперамента поэта проявляется в быстрых, выразительных переключениях регистров с легкого юмористического тона, обращенного к самому себе или к друзьям по общежитию, на резко саркастический, когда речь заходит о ломающихся лжеинтеллектуалах. Так же легко

и незаметно дается ему переход к строфе, несущей автобиографические детали и как бы вызов самой жизни:

Я без матери рос,
Будто с матерью — с морем играя,
Ночевал на земле,
Никого и ни в чем не вина...
И желанье — всю землю
Измерить от края до края, —
Как морская волна,
Подмывает
И манит меня!

У лирического героя первой книги стихов Сергея Смирнова — характер распахнутый, русский. На своем многотрудном пути он встречается с людьми в разных жизненных обстоятельствах — в дороге в голодные годы гражданской войны, в родной ярославской деревне, в Рыбинске во время нэпа, наконец, в Москве, на шахте Метростроя, в институтском общежитии. Но всегда и везде он своими корнями тесно связан с народной почвой и в поступках и суждениях проявляет четкость классовой позиции, насмешливый ум, жизнелюбие, веру в добро и человечность.

Первая книга стихов Сергея Смирнова заявляла о том, что молодой поэт вступает на путь, проложенный поэзией русских классиков, а смысл творчества он видит в служении трудящемуся человеку. Она оставляла впечатление стройности, гармонического единства. В ее составлении (кстати, ответственным редактором был К. Симонов) сказывался подход Светлова, который учил: «Не всегда надо выбрасывать только плохие стихи. Мастерство заключается в том, чтобы во имя целого удалить и хорошие стихи».¹

Конечно, как в любой первой книге, были и недостатки, они так же были видны, как и достижения. О них хорошо сказал сам редактор: «Стремление изобразить

¹ Т. Крук. Говорит Михаил Светлов. — В мире книг, 1973, № 6, с. 89.

быт, обыкновенные обстоятельства, повседневные дела сочетается у Смирнова с одновременным стремлением к тому, чтобы рассказ об этих повседневных делах ни в коем случае не был сух и скучен. Хорошая выдумка, мягкий юмор, острое слово неизменно присутствуют в лучших стихах Смирнова. В менее удачных стихах занимательность переходит подчас в анекдотичность, остроловие становится натянутым. Это случается тогда, когда автору не удается нащупать внутреннюю его значительность».¹

Но дело не в недостатках и ошибках, а в том, что, тяготея к сатирико-юмористическому письму, поэт избрал и соответствующий этому стилю язык — простой, разговорный, с упором на детали быта и изображаемых персонажей, несколько сниженный, чтобы подчеркнуть обыденность своего героя. Не всегда все удавалось — важно, что уже в этой первой книжке Сергей Смирнов проявил насмешливый иронический талант. В стихах много эмоций. Тут и правомерные отрицательные, когда поэт ведет речь о том, что мешает людям жить в социалистическом обществе («Когда меняют голос», «Новый жилец», «На отдыхе»), и, значительно чаще, — положительные, потому что для радости гораздо больше причин.

Перед нами множество проблем и явлений того времени — высокая трудовая сознательность пролетарского населения, отсталость деревни, наступление мелкобуржуазной идеологии, победа социалистического начала. И хотя анализ тех или иных явлений отсутствует, во всех стихах есть авторское отношение к ним, открытое, принципиальное.

Помня о том, как его отец, родные и близкие в бедности и унижении скитались по чужим людям из-за куска хлеба, он дороже всего ценит завоеванные Октябрем пра-

¹ К. Симонов. Стихи Сергея Смирнова. — Лит. газ., 1938, 5 окт.

ва простого человека на труд и учебу. А потому гордится духовным багажом во сто крат больше, чем нажитым скудным имуществом, состоящим из незнающего покоя патефона, старого чемодана, раскладной койки, первых предметов обихода, «скороходовских» ботинок и костюма «из темного сукна». Иронично оценивая свои приобретения, поэт заключает:

Вот мое имущество, ребята. . .
Все мои знакомые подряд
Говорят, что это не богато,
Это маловато — говорят.

Только я не спорю попустому,
Улыбнусь и думаю опять —
Не пристало парню холостому
Лишние предметы покупать.

Я другое дело начинаю —
Каждый день выкраиваю час
И тогда сажусь и сочиняю
Разные истории про вас.

Думаю помногу над словами,
Чтобы все написанное мной
Доходило и дружило с вами,
А не пролетало стороной. . .

(«Друзьям», 1938)

Тридцатые годы вырастили поколение новых создателей, ученых, писателей и художников. Поколению этому был чужд дух меркантилизма или потребительства. Оно стремилось к знаниям, к культуре, а главное к тому, чтобы приносить максимальную пользу Родине. Оно достойно приняло знамя из рук отцов, победителей Октября, и понесло его дальше, к социализму. Постоянная неудовлетворенность достигнутым, стремление к тому, чтобы всегда быть в самых первых рядах, — не было простым честолюбием. Каждый понимал, что советская страна должна быть во всем впереди, и в этом — вопрос ее жизни или смерти.

Именно так воспринимал действительность лирический герой первой книги Сергея Смирнова — простой парень, который любит музыку, поэзию, жизнь, людей и за симпатичным обликом которого мы без труда узнаем самого поэта. Это он жил сначала в деревне, потом — в городе, жил в тесной комнатухе коммунальной квартиры, затем — в студенческом общежитии, накапливая не хрустящие ассигнации, а знания и стихи. За внешней простоватостью этого героя, поданного автором в несколько иронической манере, виден живой ум, насмешливый и пронизательный.

Искренне любя своих родных и гордясь этими трудовыми людьми, он в то же время не хочет мириться с их отсталостью. В стихотворениях, объединенных в цикле «Люди пожилые» и отличающихся умелым композиционным построением, что стало впоследствии одним из достоинств поэта, Сергей Смирнов с горечью показывает, какой непоправимый ущерб наносил развитию личности прежний косный быт. Тяжелое чувство оставляют стихи о дяде поэта Василии Лукиче и о бывшем солдате, а теперь маляре («Василий Лукич», «На отдыхе»). Обе судьбы достаточно типичны для дореволюционной России. У одного — отнятое детство и вся жизнь швейцаром в дверях парадного подъезда, где он должен был «клиентов любить и дверь отворять таковым», у другого — германская война, потом бесконечно долгий плен и наконец по возвращении — «над мамашею крест и еловый венок» и измена жены... Поэт с бессильным возмущением заключает невеселую повесть о старике Лукиче с непоправимо изуродованной жизнью:

Мне хочется стол расколоть кулаком
И нежно обнять старика
И тихо добавить, его веселя,
Что мы отомстили сполна
За слезы,
За детство дешевле рубля,
За долю твою, старина...

Но трудно уже толковать с Лукичом —
Он словно закрытый замок...
Он буквы не может понять ничем,
Пытался понять —
И не мог...

Да мало ли было таких забытых жизнью, ограничен-ных в своих помыслах людей, как Лукич?.. Женщины хоть и не покидали родного дома, но и их доля была немногим лучше. Как жила бедная крестьянка? Безрадостно, одиноко, с мужем-пьяницей:

Я слышал про жизнь ее былую:
Муж-столяр — был каждой рюмке рад,
Политуру пил напропалую,
А сгубил его денатурат...

Естественная интонация, простой, понятный язык стихов, несколько сниженная, нарочито-прозаическая, бытовая лексика, доверительная форма подачи материала в виде беседы с читателем и одновременно неприкрашенный реализм становились отличительной манерой поэтического почерка молодого Смирнова. В его автобиографических произведениях образ бабушки олицетворяет беднейшее крестьянство. Она добра и сердечна, но и ее духовный мир, отмечает поэт, убог и узок. Когда «разоспится старая», бормочит во сне «обычное свое: «цып-цып-цып...» и ничего иного, «цып-цып-цы-ип...» — мне жаль ее».

Поэту жаль Василия Лукича, жаль маляра, жаль бабушку. «Герои Сергея Смирнова — обыкновенные люди, но они к тому же еще бескрылые люди, которые не живут, а проживают!»,¹ «Они не совершают ничего большого, яркого, выдающегося!»² — восклицали рецензенты и упрекали за это поэта. А почему они, эти герои, соб-

¹ А. Евгеньев. «Друзьям». (Рецензия на книгу.) — Лит. обозрение, 1940, № 1, с. 14—15.

² З. Кедрина. Поэзия и комнатный уют. (О поэтической молодости). — Октябрь, 1939, № 2, с. 207,

ственно, должны были что-то совершать и, говоря словами того же рецензента, желать чего-то «сверх обыденного»? Это было бы искажением действительности, на которое поэт никогда не шел. Подход к отражению жизни в ее трудностях, судеб обездоленных царским строем людей был чисто эмоциональным. Вывод напрашивался сам: много работы предстоит Советской власти, чтобы вывести многомиллионную крестьянскую страну из вековой отсталости.

В стихотворениях этих есть, конечно, доля гротеска, без которого не получилось бы обличительного эффекта. Поэт отнюдь не считает русского человека интеллектуально убогим. Он знает, какие духовные ценности пронес русский народ через все невзгоды и тяготы жизни. Знает, что отечественная поэзия взошла прежде всего на почве крестьянского быта, «сквозь косность которого неизменно пробивались лучи и родники Поэзии». ¹ Из этого же источника пил с юных лет и Сергей Смирнов.

Ощущение кровной связи с трудовыми людьми родины поэт энергично и своеобразно передает в стихотворении «Всем товарищам Смирновым», которое можно считать программным в его творчестве. Построено оно на антитезе. Поведав в первой ее части, что один «сукин сын» и подонок «фамилию Смирновых покрыл позором и стыдом», из-за чего теперь поэт готов поменять ее, он переходит ко второй части антитезы. И здесь разворачивается целый поток оригинальных рассуждений. «Может ли один прохвост посрамить целую фамилию?» — размышляет он. И рассказывает свою родословную:

Родня возникла постепенно —
Мой дед, когда-то полный сил,
Который гордо и степенно
Мою фамилию носил,

¹ Н. Смирнов, Родина. — В сб.: «Времена года», Л., 1976, с. 519.

Который жил да избы ставил,
А помер сам в худой избе
И только светлые оставил
Воспомянья о себе...

Но дело не только в одном роде поэта. Вплетая в ткань стиха повтор «сперва Смирнов, потом Смирнова, потом еще один Смирнов» и перечисляя целый список больших и малых дел, которыми занимаются все Смирновы, он достигает эффекта многочисленности «армии Смирновых», как бы олицетворяющей русский народ вообще — огромный, трудолюбивый, смиренный... Начав с полусутоливого тона, поэт постепенно переходит на серьезный, доводит стихотворение до патетической концовки, которая как бы «вырастает» из чувства гордости поэта за свой народ:

И всеми силами своими
Клянусь на будущие дни
Хранить фамилию во имя
Моей родни — и не родни.

Во имя вас —
Во имя новых,
Хранящих родину, как дом!
Во имя армии Смирновых,
Живущих правильным трудом!

Характерная для поэта-сатирика субъективность здесь как нельзя лучше проявляется в откровенной тенденциозности, публицистичности, указующем персте. И эта идейная тенденциозность становится внутренним стержнем, живой основой всей поэзии Сергея Смирнова. Уместно вспомнить Ф. М. Достоевского и повторить его слова, подкрепив тем самым творческую позицию поэта. «В поэзии, — говорил великий прозаик, — нужна страсть, нужна ваша идея, и непременно указующий перст, страстно поднятый. Безразличие же и реальное воспроизведение действительности ровно ничего не стоит, а главное — ничего и не значит. Такая художественность

нелепа: простой, но чуть-чуть наблюдательный взгляд гораздо более заметит в действительности». ¹

Чувством легкого и добродушного юмора пронизано стихотворение «Отцу». Оно наполнено стремлением по-видать новые места, познакомиться с бытом людей, почерпнуть что-то для себя, расширить кругозор. Исполненное в комическо-бытовом плане и носящее в значительной мере частный характер, стихотворение производило, как говорил Михаил Светлов, «очень смешное и трогательное впечатление». К стихам такого интимного, лирического плана, отражающим зарождение первого сердечного влечения, связанным с воспоминаниями о родных, милых местах, пожалуй, относится и стихотворная повесть «На верхней Волге», посвященная Галине Воиновой, будущей жене Сергея Васильевича.

Эта первая поэма автора носит в большей своей части автобиографические черты. Бесхитростная история о том, как нашли друг друга два юных сердца, послужила своего рода канвой, на которой выткалось любовное отношение автора к родному краю на Волге, к его людям. В этом произведении молодой поэт особенно близок к художественной манере Н. А. Некрасова. В повести мы встречаем тот же прием неторопливого, сказового трехсложного стиха, какой наблюдается в поэмах знаменитого земляка, и народный склад речи, ее бытовые интонации. Традиционно и повествование от лица автора, близко знакомого с теми, о ком он рассказывает, горячо заинтересованного в их судьбах.

Однако, в отличие от некрасовских поэм, повесть Сергея Смирнова проникнута оптимизмом новой эпохи, приподнятым душевным настроением поэта. Положительные эмоции окрасили стихотворные строки в радостные, теплые тона, от них повеяло привольем волжских просторов, добротой бесхитростных волгарей.

¹ «Лит. наследство», т. 83, М., 1971, с. 610.

По-своему смело развил молодой поэт горьковскую традицию показа духовной красоты человека труда. В годы, когда поэты видели вокруг и воспевали множество знатных людей — стахановцев, ударников полей, заводов, строек и шахт, героев — летчиков, пограничников, полярников, он по-новому осветил проблему простого человека в условиях советской действительности. Герои его произведения, хотя и не принимают непосредственного участия в грандиозных делах тех дней, таковы, что к ним и сегодня интересно присмотреться поближе. Сергей Смирнов сумел столь полно раскрыть честное самоотверженное отношение старого волжского бакенщика и его друга почтальона к своему нехитрому труду, что мы невольно проникаемся к ним глубоким уважением.

Главные герои — сын почтальона Алексей и дочь бакенщика Галина — растут и взрослеют у Волги. В жизни Алексея мы без труда находим приметы привольного детства самого поэта. Мальчик развивался не стесняемый строгими рамками педагогического воспитания, но и не лишенный заботливого внимания взрослых, а самое важное — имея постоянно перед собою примеры их труда и доброты:

Дядя Ваня сынку не перечил... К чему,
Дескать, надо же чуть порезвиться ему.
Вот подвырастет парень — побольше поймет,
Тут уж возраст свое непременно возьмет...
И сынок Алексей пропадал на реке,
Плел корзины в кустах, загорал на песке
Да с папашей Галины — Петром Кузьмичом —
Откровенно беседовал кое о чем...

Еще сравнительно недавняя гармоническая жизнь на берегу Волги Сергея Смирнова, запечатлевшаяся в его душе, теперь преломлялась в поэтическом сознании и выливалась из-под пера певучими трехдольными строками анапеста. И в них поэт с большой силой личной

убежденности поведал, как учеба, посильная помощь родным в труде прививали правильные нравственные основы. Труд входил в жизнь детей свободно и естественно.

Безо всякого к тому понуждения Галина с охотой «помогала родителю, сколько могла, фонари проверяла, чинила белье» и была хозяйкой в доме вместо рано умершей матери. Слушая рассказы приезжих людей «о том да о сем — о сезонной работе, о южном тепле, о советской — почти бесконечной — земле», она мечтала сама куда-нибудь съездить, посмотреть другие края:

Ей хотелось уплыть по реке на плотях,
Полететь голубыми дорогами птах,
Чтобы всюду побывать,
Чтобы все повидать,
Чтобы зря о подобных вещах не гадать...

Знакомя нас с жизнью своих молодых героев, Сергей Смирнов, по сути дела, показал ту естественную обстановку, в которой жили юноши и девушки тридцатых годов, входя без чрезмерных запросов в сознательную жизнь и избирая один из тех путей, которые им указывала страна. Именно так поступил и герой повести Алексей, завербовавшись рабочим на одну из новостроек Дальнего Востока. Путь героини заканчивается в повести ее замужеством с Алексеем и отъездом с ним вместе на Дальний Восток. Любуясь чисто русской красотой Галины, поэт подчеркивает ум и характер героини, из чего можно предположить, что она не «окопается со скарбом своим»:

Словно крылья у ласточки — брови легки,
Золотая коса тяжелее руки,
Светлолицая,
Гибкая, словно лоза,
Опускает почти голубые глаза.
Не особо высокого роста сама,
Но улыбка с веселой хитринкой ума. ■

Критика правильно отмечала, что «поэма Сергея Смирнова «На верхней Волге» является для автора известным сдвигом вперед в том отношении, что в ней он пытается вывести своего героя из тесных рамок домашнего быта на поиски полноценной жизни». Но она совершенно неправомерно обвиняла автора в том, что он якобы отказывается верхней Волге «в праве называться краем настоящих людей». «Ведь жаждущая полезной деятельности молодежь, — в запальчивости заявляла З. Кедрина, — может найти и находит себе применение и на Верхней Волге. Смирнов погрешил против действительности. А произошло это вследствие выработавшейся у поэта привычки отодвигать все тревожное и большое подальше». ¹ Обвинение критика по меньшей мере странно. Во-первых, Сергей Смирнов воспевал прежде всего волжан, их жизнь, их радости и печали, гордясь людьми этого края; во-вторых, герой поэмы, как мы уже отмечали, едет в опасные края Дальнего Востока не только по велению сердца, но и по указанию партии, которая призывала молодых ехать туда обживать землю.

Нельзя не согласиться с оценкой критики образов молодых героев. Они действительно несколько схематизированы, одноплановы, лишены психологической углубленности. Отдельные обобщения, описания внешних черт и проявлений героев порой страдают неточностью, звучат пародийно, например: «прибывала вода, убывала вода, неизвестно куда уходили года» или у Алексея «нос невелик и скорее остер, чем курнос» (один из критиков по этому поводу не замедлил ехидно заметить: «Молоко скорее белое, чем черное, — фраза, построенная по такому же принципу» ²). Однако, и что является главным, эти герои отмечены высокой романтической мечтой слу-

¹ З. Кедрина. Поэзия и комнатный уют. (О поэтической молодости). — Октябрь, 1939, № 2, с. 207.

² А. Евгеньев. «Друзьям». (Рецензия на книгу.) — Лит. обозрение, 1940, № 1, с. 14.

жения своему народу и олицетворяли лучшую молодежь, уже тогда готовую отстаивать свободу Родины.

Гораздо большей жизненной достоверности поэту удалось достигнуть в обрисовке родителей. Он сумел заметить их настоящую человеческую сущность, и это сказалось даже в их внешней характеристике:

Первым делом я вижу Петра Кузьмича, —
Дядя Ваня Петру Кузьмичу до плеча,
Дядя Ваня кипуч и в речах голова,
А Кузьмич хладнокровен и скуп на слова.
Дядю Ваню, когда он в очках, сгоряча
Можно было свободно принять за врача,
А Кузьмич богатырской фигурой скорей
Походил на былых бурлаков-волгарей.

В нескольких строчках, заменяющих подробный рассказ, запечатлены четкие контуры каждого персонажа. За естественной непринужденностью характеристик явно проглядывает непритворная симпатия автора к своим героям — характерам истинно народным, распахнутым навстречу людям.

Каждому из стариков автор придал индивидуальные черты характера, своеобразный склад речи, лексическую окраску, отражающую профессиональную и социальную принадлежность. Не боясь простонародных выражений и жаргона, пользуясь ими в меру, Сергей Смирнов умело привлекает языковые средства для создания правдоподобных образов.

«Скажем, ночь наступила темнее земли,
Скажем, ливень зашпарил, а ты не дремли.
Чуть задремлешь, а сверху появится плот, —
Бац по бакену, скажем, и бакен сорвет.
А без бакена, брат, хоть разлуку запой, —
Ведь любой пароход без него — как слепой...»

В этом конкретном рассказе бакенщика о своей спокойной работе раскрывается его отношение к ней и высокая ответственность честного человека. От неусыпных

забот и бдительности таких скромных тружеников зависят безопасность и жизнь людей.

Стремясь определить смысл эпохи через нравственные основы современников, поэт точно подметил привязанность простого русского человека к родному краю. Это наблюдение он передал через образ мыслей старого бабенщика, тосковавшего по уехавшим детям, но не желавшего отправиться вслед за ними, «потому что отсюда уедешь не весь — сам уедешь, а сердце останется здесь...».

С глубокой любовью и мастерством воспроизводит Сергей Смирнов красоту первозданной ярославской природы, нерушимое раздолье и покой Волги, прекрасный и богатый мир России в плавном ритме трехдольника:

От прошедшего ливня дымилась земля.
Ветерок подымался, кусты шевеля,
А дремотная Волга, как там говорят,
Надевала небесного цвета наряд
И дышала живительной свежестью вод.
И держался на радуге весь небосвод,
Под которым какая-то птица плыла,
Задевая за радугу краем крыла...

Исходя из конкретности реальной жизни, поэт сумел создать правдивые лирические стихи, отразившие атмосферу высокой нравственной чистоты и созидательного порыва, в которой жили и трудились люди перед Великой Отечественной войной. Образы Галины и Алексея воплощали романтическое мироощущение, свойственное довоенной молодежи.

Запечатлевая в стихах сборника «Друзьям» живописный облик родного края и окружающей жизни, Сергей Смирнов размышлял о людях, о времени, по-своему осмыслял бытие. Он сумел проникнуть в тайники сердца своего героя и передать заповедные чувства и переживания его. И не случайно эти давние стихи пользуются заслуженным успехом у читателя, вызывают у многих же-

лание перечитывать их. Хорошо по этому поводу говорит Николай Доризо: «За последние годы пришло в поэзию немало новых талантливых поэтов, и каждый из них принес с собой свою интонацию, свою тему, свой образный мир. А как же эти стихи? Может быть, они устарели, может быть, принадлежат только тем ушедшим годам и моим воспоминаниям? Нет. Оказалось, что эти давние стихи... звучат для меня так, будто они написаны сегодня... Эти стихи не только не постарели, но, наоборот, приобрели новые, свежие краски, как будто я вобрал в легкие морозного крепкого воздуха».¹

ПРЕДГРОЗЬЕ

Забота о молодых авторах, проявляемая одним из популярнейших журналов — «Крокодилом», совершенно неожиданно коснулась и тогдашнего студента Литинститута Сергея Смирнова. Он получил приглашение приехать в журнал и почитать на заседании редколлегии свои лирико-юмористические произведения.

«В назначенное время прихожу в редакцию, — рассказывает Сергей Васильевич. — За редакторским столом восседал неулыбчивый Рыклин, рядом — вылитый египтянин, Ардов, тоже абсолютно неулыбчивый. Остальных не запомнил.

— Ну, молодой человек, мы слушаем вас! — ободряюще изрек редактор.

Я стал читать стихи. Прочел одно — никакого впечатления. Прочел второе, третье, и в душе похолодело. Никто из присутствующих не только не улыбнулся, но, казалось, даже и глазом не моргнул.

¹ Н. Доризо. Свидетельство поэта. — Октябрь, 1968, № 2, с. 216—217.

— Ну как? — спросил Рыклин у Ардова. Тот, без каких бы то ни было признаков улыбки, сказал:

— По-моему, смешно!

— Смешно! — серьезно сказал еще кто-то.

Тогда я не знал, что улыбающийся сатирик — это дурной тон. Растерянно положив на стол свои сочинения, я вышел из кабинета. А через месяц или два мое первое стихотворение появилось в «Крокодиле», потом второе, третье... «Крокодил» меня заметил, как говорится, «открыл» и... «не закрывает» до сих пор».

Со свойственным Сергею Смирнову юмором рассказывал он в журнале о современниках, то язвительно и жестко, то добродушно и дружески, то трогательно и грустно. Публицистично, с ядовитой усмешкой пишет поэт о своем нерадостном детстве, когда оно «тянулось всем чертям назло... и вытянулось, тощее, как волос, и сквозь болезни, кляузы и чад пришло к летам, когда меняют голос и пристальнее смотрят на девочек» («Из детства», 1938). Большой заслугой поэта является умение ярко изобразить быт, хорошо подметить детали уходящего уклада жизни. Здесь и «хрипящие ворота», и лай в тупиках, и «клопиная кровать», и «пудовый дух жилища», и «в углу сидящий бог»... В воспоминаниях об ужасах обывательщины юмор граничит с прямой сатирой, отражающей пропасть между моральным миром художника и обличаемой действительностью.

Совсем в другой тональности пишет Сергей Смирнов о студенческом общежитии, с которым ему в недалеком будущем предстоит расстаться. «О хорошем, как правило, помнит любой и годами хранит, никуда не девая», — говорит поэт, с грустью прощаясь со своей пристанью путевой.

Здесь я жил, никогда не грустя о былом,
В предзачетные ночи сидел до рассвета,
На учебных пособиях спал за столом —
Разве можно из памяти вычеркнуть это?

Разве можно забыть, как дурачились мы,
На стипендию дружеский пир затевая.
Как тобой дорожили во время зимы,
Общежитие, пристань моя путевая! . .

Он не завидовал здравому расчету, умению знакомиться с маститыми ради достижения задуманного некоторых односеминарцев. Он, конечно же не без определенной доли иронии, придерживался другой линии — идеалистической: нужно служить поэзии фанатически, отвергая все блага. «Истинный художник, — рассуждал он, — должен быть абсолютно независим от имущественных вериг, от должностных восхождений и даже от любви к представительницам слабого пола». Исповедальные строки посвящались музе, «существу нежному, верному, но, не будем скрывать правды, все же бесплотному». Прислушайтесь сами:

Я иду по улице,
А повсюду дворники,
И у всех улыбки на устах. . .
Воробьи чумазые,
Словно беспризорники,
Греются на солнечных местах.

Словно драгоценности,
Всюду капли падают.
Корабли пускает детвора. . .
А меня по-прежнему
Не особо радует
Эта беспокойная пора.

Не особо радует
Небо яснолицее. . .
Хочется в милицию зйти
И сказать милиции:
«Слушайте, милиция,
Как мою любимую найти?!»

(«Апрельское», 1939)

После такого стихотворения, написанного с мягкой, можно сказать, солнечной улыбкой, не совсем поверишь,

так ли уж «бесплотна» была его муза, особенно когда он признается в другом, очередном своем опусе, «что царевна эта живет напротив, в доме номер семь». Да и о чем говорить, многие почитательницы поглядывали в его сторону не безразлично.

«Обвиняя» друзей в донжуанстве и выставляя себя затворником, он, по собственному признанию, умел лучше всех «разводить костры при любых обстоятельствах, готовить походные блюда, нырять наподобие дельфина, плести из ивняка хлысты с витыми ручками, быстро складывать палатку, действовать на байдарочных веслах», плюс к этому он умел блестяще играть на балалайке и петь, быть во всем заводилой, читать собственные стихи, которые печатались в толстых и тонких журналах, лежали в виде свеженькой голубенькой книжки в кармане, и главное имел общительный, жизнерадостный характер.

Все чаще стали приходиться письма от читателей, которым нравились его стихотворения в «Крокодиле», они волновали мягкой поэтизацией современности, содержательностью, остроумием, были близки и понятны людям.

Вот, например, стихотворение «Встреча на Алтае» (1939). В нем автор рассказывает, с каким трудом его герой преодолевает подъем уходящих в небеса хребтов гор. Кругом «отроги, пропасти, леса, снега лежат не тая», в любую минуту можно расстаться с жизнью, только оступись, но он доволен крутизной, чувствует себя настоящим мужчиной в преодолении таких препятствий и вдруг... перед ним и впрямь Косая... На вопрос, зачем она пришла, Смерть отвечает, что «пришла-де, мол, за вами». Герой удивлен, испуган — столько преодолеть трудностей и умереть? Нет. Собравшись в духом, он вступает со Смертью в объяснения, приводя убедительные доводы в защиту своей жизни. «Я не намерен умирать и не имею права», — заключает он свои рассуждения.

Смерть поражена таким отпором человека. По всем законам юмора Сергей Смирнов не скрывает восхищения героем и заставляет Смерть в знак согласия поддержать его, более того, выступить еще и с дружеской напутственной речью, содержащей внутреннюю серьезность и внешнюю комическую окраску. «И хлоп ручищей по плечу и добрыми словами: „Я верю вам. И я хочу быть откровенной с вами“». И далее, напоминая герою о роковом своем соседстве с человеком («ведь жить — не без предела»), Смерть призывает его беречь жизнь как величайшую ценность и действовать ради ее продолжения на земле:

В программе — линия одна:
Бери любые дали,
Гляди вперед, ныряй до дна
И жми на все педали!

Стихотворение Сергея Смирнова о встрече человека с персонифицированной Смертью в виде некоего собеседника по смыслу переключается со сказкой А. М. Горького «Девушка и Смерть» (1892). У писателя Смерть отступает перед силой человеческого чувства:

— Что ж, — сказала Смерть, — пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!

И Смирнов вослед Горькому, хотя и в юмористическом плане, продолжает мысль о праве человека на любовь, на частную жизнь и прославляет пафос борьбы, пафос нравственной победы человека над смертью, что так блестяще развил и обобщил во время войны А. Т. Твардовский в «Книге про бойца». Стихотворение Сергея Смирнова отвечало некоторым критикам, вроде М. Молова и А. Евгеньева, несправедливо обвинявшим вместе с З. Кедринной поэта в камерности его лирики, в воспевании простых человеческих чувств, в отсутствии

в его стихах «масштабного изображения участия народных масс в преобразованиях».

Поэт всегда был против помпезности, ходульной риторики, ложной многозначительности, он по-своему осмысливал происходящие явления, обретал собственный язык и, поддерживаемый письмами многочисленных читателей, стоял за «реабилитацию» лирических тем, на которые долгое время было наложено вето. И редакция «Крокодила» поддерживала его.

Перед нами, казалось бы, ничего не значащая тема, решенная в фельетонном плане, — сокурсница вышла замуж и ушла на иждивение мужа.

А мы наружно к ней остыли:
Мол, наше дело — сторона.
Но скоро нас оповестили,
Что стала матерью она.

И мы решили все, что надо
Проведать мать, и мы тогда
Купили плитку шоколада,
Цветы с названьем резеда.

Достали разного печенья,
Пушинки сняли с рук и плеч.
Комсоргу дали порученье
Сказать приветственную речь.

И вот явились прямо на дом —
Привет мамаше молодой!
Комсорг подходит с шоколадом,
А я с цветами — резедой. . .

Уход из коллектива ради личных интересов, ради мещанского счастья! Ужас! Примитивные герои. Пушинки. Шоколад. Резеда. Ха-ха-ха!.. Критика усердствовала. Разве могло такое понравиться критике?! И она не жалела «комплиментов» молодому автору. Особенно старался А. Евгеньев. Ему, положительно, все было не по нутру: дескать, и «стилистические несовершенства»,

и «неприятные псевдонародные выражения», и «совершенная безграмотность».¹

А поэт упрямо утверждал в своем юмористическом фельетоне, четком по технике, в доходчивой форме тему внимания к простым человеческим радостям. Передавая в немногих штрихах смущение делегации, он подытоживает благодарные чувства молодой матери, иронизирует и над собой как над участником описываемого события.

В юморе Сергея Смирнова лирически звучала тема счастья, радости, жизни, что заметили и Михаил Светлов, и Владимир Луговской, и Константин Симонов, но не смогли увидеть критики, не понимавшие ни юмора, ни лирики, ни духа оптимизма и жизнеутверждения, заложённых в них. Ну, что ж делать! «Комизм, юмор, ирония — не всем доступны, — писал великий Белинский, — и все, что возбуждает смех, обыкновенно считается у большинства ниже того, что вызывает восторг возвышенный. Всякому легче понять идею, прямо и положительно выговариваемую, нежели идею, которая заключает в себе смысл, противоположный тому, который выражают слова ее... Чтобы понимать комическое, надо стоять на высокой степени образованности».²

«Крокодил» требовательно отбирал каждое стихотворение поэта. А читатель высказывал свои пожелания, они и служили главным ориентиром в работе Сергея Смирнова. «Я получаю много писем, — говорит он, — бережно храню их и поражаюсь удивительной сердечности многих из них, серьезности анализа, заинтересованности в моей работе. Приходили письма и другой категории — злобные, ругательные, большинство из них — анонимки. Но сие, как говорится, не в счет. Я не верю в литератора, у которого рядом с истинными друзьями не было бы заядлых недоброжелателей». Таких недобро-

¹ А. Евгеньев. «Друзьям». (Рецензия на книгу). — Лит. обозрение, 1940, № 1, с. 14—17.

² В. Белинский. Полн. собр. соч., М., 1955, т. VIII, с. 90.

желателей поэт очень хорошо высмеял в басне «Бродяга Шавка»:

Взяла
 труды старателя Вола,
Облаяла
 и дрянью назвала.
«Зачем ты, Шавка, лаешь на Вола?»
«Боюсь —
 его испортит...
 похвала».

Любит и точно схватывает Сергей Смирнов комизм ситуации, в которую попадает герой, строя «алогизм-перевертень» с неожиданной концовкой в серьезной тональности. Это хорошо видно на примере следующего стихотворения 1939 года:

Пойми одно:
Я больше не могу так.
Я без тебя с другой уже знаком.
Я жду ее в любое время суток,
А ты ведь и не знаешь о таком.
Я жду ее, по-своему любя.
Я жду ее, табачный дым клубя.
Она приходит
 с сумкой почтальона.
Она приносит письма от тебя!

Сергей Смирнов широко использует метафору. В стихотворении «Мои спутники» (1940) он пишет о «бесцеремонности» дождя:

Он подошел шагами кроткими,
Потом
 привязчивее стал
И неожиданными плетками
Меня до нитки прохлестал.

Метафора в данном случае является естественной частью контекста, образуя внутреннее, иносказательное значение, которое легко и безошибочно выявляется. Про-

мокший до нитки поэт обращается к ветру и просит прогнать тучу:

А он
Расправил крылья чистые,
Взлетел дождю наперерез.
И туча злая и плечистая
Ушла с дождем за дальний лес.

Не только зримо, но и интонационно, улыбочиво поэт создает картину физического ощущения природы, увлекая и читателя за собой в неоглядные дали «под пень ветра рьяного». И вместе с ним, радуясь жизни, действительно хочется пожать «солнцу руки» и вдыхать свежий аромат леса, цветов, ржаных полей... Метафоризация речи позволяет Сергею Смирнову достичь значительного образно-эмоционального эффекта, экспрессивности.

Ярослав Смеляков писал о поэтическом мастерстве поэта: «Добрая ирония, веселая интонация оживляет стихи Смирнова, помогает им дойти до самой широкой аудитории. Нам, московским поэтам, не раз приходилось выступать на литературных вечерах вместе со Смирновым, и я не знаю ни одного случая, чтобы аудитория приняла его стихи холодно, равнодушно. Все его выступления сопровождалось самым горячим успехом».¹

Во всяком случае, выступления Сергея Смирнова в «Крокодиле» принесли ему славу способного лирика-юмориста. И тем не менее он не зазнался, а наоборот, до конца настоящим художником, поэтом себя еще не решался считать. «Да и теперь считаю, — признается он, — что сие звание нельзя раздавать налево и направо. Его обретают душевным горением, выстраданной строкой, творческим своеобразием, умением волновать, запоминаться, работать в три смены и беспощадно судить самого себя».

¹ Я. Смеляков, Собр. соч., М., 1978, т. 3, с. 167—168.

После выхода книги стихов «Друзьям» в 1939 году он пишет снова заявление с просьбой предоставить очередной творческий отпуск для работы над второй книгой — о детстве и юности, о Волге, Москве, России. Дирекция института, относясь к Сергею Смирнову, по собственному его признанию, «с завидной чуткостью, пониманием и доброжелательством», в отпуске, конечно, не отказала.

В это время его принимают кандидатом в члены партии, так как из комсомольского возраста он вырос — 26 лет. Ему поручают выпуск стенной газеты, ее художественное оформление. Никогда студенческая газета не отличалась такой яркостью и броскостью в подборе и подаче материалов, какой она была в те времена. Сказалось увлечение Сергея рисованием. Отдельные номера в несколько ватманских листов не помещались на одной стене, охватывая «всю неохватность институтской повседневности». Карикатура, шутка и ехидная реплика били точно по мишени, критикуя не только нерадивых студентов, но и порядки в институте. За ретивость и остроту Смирнову иногда устраивали «выволочку» в дирекции, но большей частью комитет комсомола хвалил его за изобретательность и инициативу.

Началась зимняя кампания 1939/40 года. Множество институтских товарищей Сергея ушли добровольцами в ряды Красной Армии. Среди них были: Алексей Недогонов, Иван Бауков, Михаил Луконин, Николай Отрада... Смирнова же начисто забраковали. Это вызвало протест. Не пассивный, а действенный. Он решил в поэзии доказать, что определение «не годен» может относиться к кому угодно, только не к нему.

Начался период испытаний. До общежития в перedelкинской глуши было далеко, поэтому он обосновался у своего товарища по институту Дмитрия Степанова, который после окончания курса наук продолжал работу в заводском отделе кадров. Дмитрий утром уходил на

работу, а Сергей усаживался в его холостяцкой комнате за стихи.

Кончилось это творческое рвение весьма плачевно. Полуголодное существование, плюс нервное перенапряжение, плюс простуда свалили Смирнова в постель. Рокковой час отправки в больницу приближался. Спасло положение одно обстоятельство, на котором мы несколько подробнее и остановимся.

Три года назад, к удивлению хихикавших и прокатывавшихся по его адресу однокашников, считавших его закосневшим монахом, ничего не смыслившим в амурных делах, Сергей вдруг влюбился. Случилось это во время летних каникул в палаточном студенческом городке на озере Селигер. Неописуемая красота природы Валдайской возвышенности, поездки на байдарках к истоку реки Волги с группой, в которой находилась русокобая компанейская москвичка по имени Галина, совсем вскружили Сергею голову. Глоток воды из болотца, откуда начинается Волга, шутки и чтение стихов у костра сделали свое дело. Она ответила взаимностью.

К несчастью, влюбленному стихотворцу нужно было возвращаться в Москву раньше своей группы. Настал час прощания. «На пристани, — вспоминает Сергей Васильевич, — произошло чудо из чудес. Все со мной прощались горячо, дружески. Они как-то заслонили русоволосую звезду моей печали, но когда пароходик стал отчаливать, она легко перескочила с пристани на его борт и, повергнув меня в изумление, с непередаваемой беспечностью сказала: «Я сойду на следующей пристани, это совсем недалеко, и оттуда вернусь на турбазу». Я буквально онемел от такой отваги, мне хотелось самому броситься с пароходика и плыть вслед, зная, что на корме стоит она в цветастом сарафане и улыбается мне. Тут меня осенило, что я, профан-простофиля, даже не рискнул узнать ее московского адреса. И мы собственноручно

написали друг другу свои адреса, а такой жест тоже много значит — собственноручно. . .»

Трудно даже поверить, что, живя рядом в Москве, они сразу не встретились после проведенных вместе дней в туристическом лагере и такого, казалось бы, о многом говорящего прощания, а затеяли затяжную переписку, которой и доверили полностью свои чувства. Весь институт вскоре знал, что есть девушка по имени Галя, которой Смирнов посвящает стихи и даже целые поэмы и от которой он получает письма, прочитывает их и хранит в тайне даже от родных, можно сказать, обитателей общежития.

Так продолжалось около трех лет, наконец встреча состоялась, и не где-нибудь, а на Киевской станции метро, как бы специально созданной метростроителями для свиданий. Об этом хорошо сказано самим поэтом в стихотворении того времени, так и называвшемся — «Киевская станция метро» (1939):

Ждать в беседке,
Тьму сверлить глазами —
Стало примитивно и старо.
Есть у нас при Киевском вокзале
Киевская станция метро.

Возле телефона-автомата
Юноши с намеком на усы
То глядят на встречных виновато,
То бросают взоры на часы.

Со скамьи встают они и снова
Занимают эту же скамью.
Я смеюсь, не говоря ни слова,
По всему
влюбленных узнаю.

Видно, что явились на свиданье.
То поправят галстук, то вздохнут.
Я и сам пришел без опозданья,
Есть в запасе несколько минут,

Жду и вижу — истекают сроки,
На условном месте я стою.
Где же ты?!
И вдруг в людском потоке
Вижу долгожданную свою. . .

После очередного свидания, как правило, назначалось и новое. . . Сейчас же Сергей лежал в постели, думал и наконец решился написать ей письмо. Результат не замедлил сказаться — на следующий день (тогда письма ходили быстрее, чем сейчас) она была у него с цветами, которые поставила в стеклянный графин за неимением хрустальной вазы, и, главное, вдохнула в него жизнь. . . Через два-три дня хворости как не бывало.

Снова он взялся за работу, полный творческого горения и новых замыслов. Только вот не успела промелькнуть зима, как появились новые искусители, теперь в виде двух выпускников Литературного института сорокового года, поманивших его в неизведанные дали. Артур Маневич и Георгий Власенко предложили втроем пройти по пути странствий молодого Горького из Нижнего Новгорода до Тифлиса. Долго уговаривать не пришлось, Сергей с радостью согласился. . .

Город Горький. За плечами рюкзаки. В карманах деньги и документы. Документов, пожалуй, больше, нежели денег. Особенно впечатляет удостоверение, выданное Центральным Комитетом ВЛКСМ, где значится: «Молодые поэты, студенты-выпускники Литературного института, отправляются в пешее путешествие по путям странствий молодого Горького, комсомол обращается ко всем организациям с просьбой оказывать им всяческое содействие».

Свой путь молодые путешественники начинают с посещения музея «Домика Каширина», открытого в 1938 году. Его директор Хитровский, могучий старик, чем-то

напоминающий Алексея Максимовича, показывает им дом и двор самолично, с упором на «о» рассказывает о прошлых здешних обитателях. «Слушаешь, — говорит поэт, — вспоминаешь прочитанное, прикасаешься к дверной ручке, вдыхаешь запахи этого дома, и тебе одновременно жутко и щемяще больно, близко и дорого все, что составляет душу дома сего, стоящего на Съезде, в бывшем Нижнем Новгороде, ныне городе Горьком».

На другой день Сергей Смирнов приносит Хитровскому написанное за ночь стихотворение, поэтически воскрешающее былое:

Вот наперсток. . .
Может, шутки ради
Накален опять он добела.
Чтоб Григорий взял его не глядя,
А потом заплакал у стола.

Перед нами печка до полати.
Вот скамья, как низкая кровать.
Мокнут розги в липовом ушате,
Чтобы лучше к телу приставать. . .

. . . В коридоре — ничего такого.
Лишь трава, засохшая давно,
Да лежит потертая подкова —
Символ счастья.
Где же здесь оно? . .

Так начиналось это стихотворение. Хитровский попросил Сергея переписать его в Книгу почетных гостей, и впоследствии, переписанное еще раз на отдельном листе славянской вязью, оно было окантовано и повешено в рамке под стеклом на одной из стен музея.

Директор музея трогательно простился с ребятами и благословил их в путь-дорогу. А дорога потянулась вниз по матушке по Волге, и, как сказал поэт, «горизонт впереди стал похож на гигантский магнит». Родина открывалась перед ними не по газетам и журналам, а зримо, как на ладони. «Она была по-летнему щедра и стоцвет-

на, — писал Сергей Смирнов. — Ветер веял духом сена и ржи, леса трепетали зеленью и солнцем. Волга не просто текла и синела, она, окаймленная сыпучим янтарем прибрежного песка, впадала в синее летнее небо, а оно звенело. Это жаворонки славили его, землю и солнце. А может быть, само лето родины во всю ширь и даль говорило нам свое „Добро пожаловать!“».

Поэт вел путевой дневник, в который записывал наблюдения, впечатления, наброски стихов, услышанные в пути рассказы и песни. К сожалению, дневник пропал в войну, сохранились лишь воспоминания, запавшие в душу, да отдельные записи, рассказы-миниатюры в блокнотах. Они интересны и поучительны:

«Оказывается, жаворонок, трепеща крылышками, уходит все выше в зенит почти над тем же местом, откуда он взлетел. Здесь его поле, гнездо, его «жаворониха и жаворонята». Именно в честь них он взмывает в небо и поет до самозабвения. Поет не один. Он бросает вызов другим жаворонкам, и они заполняют небо песенным звоном, общаясь с каждым живым сердцем, колосом и цветком, со всей красотой земной. А когда у жаворонка иссякает сила песенного вдохновения, он умолкает, складывает крылья и немим метеором падает на землю, чтобы от нее набраться новых песенных сил и опять взмыть в небо на радость всем и себе самому...»

«В белом клевере возле дороги пчела. Ты чуть не наступил на нее босой ногой (ботинки спрятаны в рюкзак, чтоб веселей шагалось!). Пчела собирает мед не для себя, а для будущих пчел, для потомства, и сама питается медом, заготовленным предшествующим поколением пчел...»

«Тропинка, торная и аккуратная, не зря сворачивает в овражек. Там пульсирует родничок. Незримая струя шевелит малый вулканчик песка, но песок тут же оседает, не замутняя и не портя вкуса родниковой влаги, бьющей из-под земли. Опустись прямо на руках, коснись

губами этого земного чуда, испей сколько хочешь, и ты снова бодр, а родничок продолжает пульсировать для всех, кто летает, ползает и ходит. Он пульсирует даже для самой красавицы Волги...»

«Сочинитель, учись!» — записывает в блокнот поэт во время странствий.

По дороге путешественники выступают на строительных площадках перед рабочими, в сельских клубах или прямо в поле — перед колхозниками, в домах отдыха или просто у костра — перед отдыхающими. Они встречаются с самыми разными людьми, с которыми пятьдесят лет назад мог общаться Горький, возможно, были это дети и внуки бывших его собеседников.

По свидетельствам слушавших выступления Сергея Смирнова, умел он захватить и очаровать любую аудиторию. Один из секретов успеха в отзывчивости поэта к людям, в чувстве единства-родства. «Рассказывай и читай то, что интересно тебе самому, — делает вывод поэт, — что когда-то случилось с тобой и приобрело не только силу факта, но и художественную значимость, стало крупницей твоего бытия, составной частью судьбы. Не бойся улыбки, самоиронии, не скупись на строки, где звучит доброе чувство к хорошему человеку».

После таких встреч администратор ведет путников в столовую, кормит, иногда изыскивает небольшие деньги в оплату за выступление — ведь они находятся, как и Горький, на самообеспечении. За материалы же, оставленные в газетах, просят выслать гонорар в будущие пункты «до востребования». Сергей Смирнов свои путевые строфы отправляет в «Крокодил». Все заработанное поступает в коллективную собственность. В каждом населенном пункте Артур Маневич добросовестно и педантично отмечает путевой лист для отчета. Отметка заверяется подписью и печатью.

Смирнов в походе оказывается выносливее, чем его спутники, которые, разомлев от жары, пятьдесят минут идут, десять — отдыхают. Сергей уходит от них к вечеру на десяток километров вперед, выбирает место для привала, разводит костер, кипятит чай, поджидает, когда попутчики, ворча «зачем так мчаться», добираются до места стоянки.

Проходит немного времени, и красота первозданной природы, летний настой ароматов, душистый сеновал и разливающаяся прохлада с Волги берут свое. Живительными силами наполняются души молодых людей, забываются все трудности пути, рождаются поэтические строчки:

Друзья-пешеходы,
Не надо, не будем
Завидовать
Дома
Ночующим людям!

Что может быть лучше
Такого ночлега:
Над вами не крыша,
Не даже телега,
А чистое небо,
И вы у костра
Заснули
На милой земле до утра...

Горький, Лысково, Воротынец остались позади, впереди за красавицей Сурой деревянный город Васильсурск, основанный в 1523 году, любимое место Шишкина и Левитана, последний город Горьковской области, за ним путь по Марийской и Чувашской АССР до Чебоксар. «Мы проходим поля, леса, селенья, где живут марийцы. Мы шагаем по земле чувашской, пересекаем реки, впадающие в Волгу. А Волга, как Родина, — одна на всех. Ничто не соперничает с нею по широте и величию, — пишет Сергей Смирнов. — Идешь по дороге, и ка-

жется, что, раскинь руки пошире, и ты сам воспаришь над этой удивительной землей, имя которой — Родина. Вот она вся перед тобой, и не только перед тобой, она в тебе самом, в душе, в сердце. Вдыхай ее дыхание, удивляйся ее простору, лови каждый штрих новизны»:

Иду. Смотрю.
Что может быть дороже:
Сады,
Степные станы да стада.
Ветряк руками машет:
— Эй, прохожий!
Не проходи,
Заглядывай сюда! . .

Пройдено триста с лишним километров. Стоял жаркий июль 1940 года. Путешественники почернели от солнца, окрепли. На вечерах Сергей читал свои стихи, ему аплодировали колхозники, рабочие, крючники-волжане. Его товарищи собирали материалы, связанные с именем Горького, которого с таким же вниманием в этих местах слушали «грузчики, булочники, босяки», плотники, железнодорожные рабочие, «странники по святым местам» в то время, когда жизнь была, как замечал писатель, «сплошное свинство и тоска, убивающая душу».

В Чебоксарах получены письма, денежные переводы, газеты, в которых опубликованы их путевые творения, организованы встречи с портовиками и чувашскими поэтами, выступления по радио. А дальше последний пеший бросок по берегу Волги до Казани — столицы Татарии. И опять — леса, поля, поселки. . .

Казань. Казалось, сама история встала в почетный караул рядом с Казанским кремлем, с его знаменитой башней Сююмбеки и прочими сооружениями — свидетелями седой старины, рядом с самым старым в Поволжье университетом, в котором учился и получил первое революционное крещение В. И. Ульянов-Ленин. . .

Из Казани, как известно, Алексей Пешков отправился на плотках и пароходах вниз по Волге до Царицына. Поэтому, придя в Казань, наши путешественники купили билеты в третий класс пассажирского парохода. Позади осталось более пятисот километров пешего пути.

Сиди теперь на корме парохода и любуйся живописными местами по обеим сторонам Волги. «Мне казалось, — рассказывает поэт, — что корма создана исключительно для поэтов. И я молча с нее смотрел на Волгу, на ее берега, на Россию, по которой струится самая любимая россиянами, самая песенная река — «главная улица России», как в народе именуют Волгу. Нет, Волга не просто главная улица России, а главная улица Поэзии Российской. . . По правому берегу — леса до неба, города-красавцы с куполами храмов, с корпусами заводов и жилых кварталов, с индустриальным дымом, непременною деталью нового пейзажа земли российской, с облаками, из которых бьют в землю огненные клинки молний, а косые дожди висят от неба до земли, и на их фоне парят царственные птицы. По левому — пески да луга, со стадами коров и овец, с табунами коней, за лугами поля, а по ним ходят хлебные волны, словно по морю-океану, и стоят, как на вечном причале, среди этого безмежного моря-океана деревни да села, и под каждой крышей свои человеческие судьбы».

Гостеприимные города освобождают для парохода причалы. . . И среди них опоясанный зелеными бульварами по склону горы на правом, высоком берегу Волги — Ульяновск (бывший Симбирск) — родина Владимира Ильича Ленина. Он особенно запомнился встречей с домом Ульяновых, с мужской гимназией, связанными с именем Ленина. Здесь родилось стихотворение, названное поэтом «В Ульяновске». В нем поэт подытоживает то главное в личности В. И. Ленина, что позволило до конца осуществить ему историческую роль:

Какие силы человеку надо,
Чтоб здесь расправить крылья, а потом
Пройти сквозь ссылки, жизни не жалея,
С народом говорить с броневика
И, навсегда оставшись в Мавзолее,
Шагать во все грядущие века...

Незабываемы ночи на борту парохода, когда яркие звезды отражаются в Волге и, кажется, ты плывешь в межзвездном пространстве, только огни бакенов да рыбацкие костры по берегам возвращают к действительности, чтобы вновь погрузить в загадочную мглу. Днем снова города, их много на пути: Куйбышев (бывшая Самара), Сызрань, Балаково, Саратов, Камышин...

Вот и Сталинград (бывший Царицын), раскинувшийся чуть ли не на сотню километров по правобережью великой реки. Именно сюда в конце прошлого века спустился по Волге на плотках высокий длинноволосый парень Алексей Пешков, чтобы снова двинуться пешком в путь в поисках собственного счастья. Теперь капитан и вся команда с гостеприимного корабля тепло проводили путешественников на берег и пожелали им дальнейшего плодотворного путешествия.

В Сталинграде они опубликовали в местных газетах свои стихи и очерки, получили письма и переводы, выступили на литературных вечерах и снова — в дорогу, через донские степи к Ростову-на-Дону, потом к Одессе, на Херсон, Крым, Сухуми, Тбилиси.

«Я уже на Дону, — сообщал в очередном письме москвичке-избраннице Сергей Смирнов. — Нахожусь по соседству с теми станицами, где родились Степан Разин и Емельян Пугачев... Прошагали километров сорок и очутились в Нижне-Курманской станице. Тут пир горой: арбузы, дыни, помидоры, груши, яблоки и «прочая овощь». Ешь — не хочу. Литературный вечер для учителей (тут учительская конференция) прошел с грохотом, Я до изнеможения читал стихи собственного производ-

ства, аж знаменитостью стал... Дальше берем направление на станицу Цимлянскую. А потом шагом марш в Ростов-на-Дону...»

Дорога идет по голой степи под обжигающим солнцем. Купание в Дону почти не помогает, хоть сиди в воде до вечера. По пути попадаются кое-какие деревья на высоких обрывистых берегах Дона. Станица Цимлянская вся в садах и виноградниках, овеянная легендами и славой местного винограда. Не попробовать здесь знаменитого вина было бы преступлением. Поэтому ребята подстриглись, побрились в парикмахерской, искупались в Дону, облачились в парадные рубахи и брюки и решительно двинулись к Цимлянскому винзаводу. Принял их главный винодел. Вот как рассказывает о состоявшемся между ними разговоре сам участник этой встречи:

«Маневич дипломатически разложил перед ним наши документы, изукрашенные надписями и печатями многочисленных лиц и учреждений, где мы изволили побывать до этого и сделать соответствующие отметки. Документы произвели впечатление на винодела. Тогда Маневич широким жестом достал из своей командирской сумки газеты и вырезки с нашими публикациями. Это в не меньшей степени благотворно действовало на винодела. А завершающим этапом предварительных переговоров было наше устное сообщение о том, что мы видели и как встречали нас добрые люди на всех России. Дальше, как логическое развитие разговора, последовало наше желание посмотреть, как делается знаменитое цимлянское вино, о котором еще сам Пушкин Александр Сергеевич писал... Винодел просиял и покровительственно изрек: „Я сам познакомлю вас с процессом и нашей продукцией...“»

Нетрудно догадаться, что дальнейшее прошло на высшем уровне: путешественники не только познакомились с производством, но и изрядно отведали его конечные

перед благодарными слушателями — рабочими и шахтерами. В Одессе были недолго, но зато посетили знаменитый Одесский оперный театр.

Крым. Из открытки в Москву:

«22 октября 40 г.

Город Армянск. Второй день я праздную победу, победу, за которую не получу никаких лавров, но это настоящая победа. Я по немыслимой грязи, под дождем и ветром, по незнакомым путаным дорогам без обеда и ужина, с 9 часов утра до 7 вечера шел, шел, шел и прошел пятьдесят километров. Грязь была такая, что мои брюки покрылись черноземным панцирем до колен. Своего друга — мы вышли из Аскании-Новой вместе — я опередил на сутки...»

В Армянске, поселившись в гостинице, поэт встретился с дедом Оленчуком, смахивавшим на знаменитого командира Котовского. Этот дед в годы гражданской войны переводил через гнилые воды Сиваша войска Красной Армии под командованием Фрунзе. Пахарь и рыбак, плотник и садовод, он привлекал своей непринужденностью, доверительностью, улыбочивостью.

В Крыму шли дожди, наступили холода. Идти было трудно. Но мысли о встрече с Черным морем подталкивали путешественников двигаться быстрее. Вот и Ялта. Самый крупный курорт Южного берега Крыма. Амфитеатром по склонам гор спускающийся к морю город, в котором родился поэт. Широкая, теплая и солнечная бухта между Ай-Тодорским и Никитским мысами. «Лукоморье моего детства» — как образно заметил Сергей Смирнов:

Но отсюда, чуть не с колыбели,
Увезли меня, и надо мной
Небеса другие голубели,
И забыл я город мой родной.

Я забыл, как мчатся волны с моря,
Как летит с окрестных гор вода.

шемуся пограничной зоной, была введена светомаскировка. Ребята уже не в первый раз почувствовали тревожность мира. Часть пути молодые люди проделали на грузовой машине. В Керчи они встретили всенародный праздник Октября.

В один из штормовых дней, поднявшись по веревочной лестнице с катера на корабль «Чехов», путешественники отправились через Керченский пролив в Анапу. Но причалить ни в Анапе, ни в Новороссийске кораблю не удалось — буря разыгралась не на шутку. «По воле стихии причалили мы лишь в Туапсе, — рассказывает Сергей Васильевич, вспоминая те дни. — Тишь курортная, теплынь тоже. Осень, топавшая вместе с нами по Черноморью, отстала где-то далеко-далеко... Шторм внес коррективы в наш маршрут. Решено, что возвращаться в Анапу нелепо. Оставшийся путь будет лежать по берегу Черного моря до Батуми. А отсюда поездом в столицу Грузии и — на Москву».

Маршрут Сочи — Сухуми проходит с литературными выступлениями по радио, в газетах, в домах отдыха. Погода стоит отличная. Они еще купаются в ноябрьском Черном море. Сергей уже торопится домой, в Москву, ему хочется скорее приняться за новую книгу стихов. Артур, наоборот, попав в такую благодать, стремится задержаться на побережье Черного моря, отдохнуть, вкусить всех прелестей местной осени, во всяком случае двигаться вперед не так быстро. Друзья делят пополам все свои финансы и расстаются.

Сделав двадцать пять километров без остановки до реки Кодор, где Алексею Пешкову пришлось выполнить обязанности акушера, Сергей садится в поезд и едет в Батуми, оттуда — в Тбилиси, где молодой Горький начал литературную работу. Там долго он не задерживается, берет самый дешевый билет, в общий вагон, и отправляется в Москву.

Пассажиров в общем вагоне поезда битком. Чтобы никому не мешать, он залезает на третью полку и с радостью в душе, что наконец-то возвращается домой, засыпает под мерный перестук колес с мыслью о будущей книге.

«Врезалась в сердце деталь этого возвращения, — вспоминает он. — Все мои денежные ресурсы были израсходованы на обратный билет. Я стоически отлеживался на верхотуре, отлеживался натошак. Это не ускользнуло от внимания шумных грузин, ехавших «на нижних этажах». Один из парней, поймав мой пристальный взор, обращенный к их разнообразной и щедрой снеди, спросил: «Кацо, чурека хочешь?!» Я незамедлительно ответил, что хочу. И с этого момента уже по-царски весело и сытно почувствовал себя в гостеприимном кругу братьев грузин...»

Вот и Москва. Казанский вокзал. Станция метро «Комсомольская». Сергей спускается вниз и едет к своему другу Дмитрию Степанову в Фили.

Путешествие успешно завершено. Восемь фолиантов, сделанных из толстых бухгалтерских книг, заполнены путевыми впечатлениями от встреч с городами, селами, природой, прекрасными людьми — ведь это завтрашняя книга новых стихов, да не одна!..

«Я ехал в метро, — говорит поэт, — и улыбался, а на меня удивленно поглядывали пассажиры, мол, что это с человеком творится? А кроме всего прочего, я разительно выделялся среди всех уже облаченных в зимние ватники и шапки москвичей. Ведь на мне была заштопанная, испытанная блуза, а взамен головного убора — путаница выцветших волос — гребенкой служила собственная пятерня — да плюс чуб, лихо свисавший до середины щеки.

Здравствуй, Москва. Вот он — я, и, как видишь, го-ден, го-ден и еще раз го-ден!»

Более сорока лет жизни отдал нашей литературе советский поэт-коммунист, лауреат Государственной премии РСФСР имени Максима Горького Сергей Васильевич Смирнов. Оптимистический задор поэзии, большая емкость стихотворного слова, строгость и простота языка присущи его творческой индивидуальности. Пристальное внимание поэта к точному пейзажу, самобытный почерк, с годами приобретший полифоничность, лирическую экспрессивность, неповторимую живописность, позволили много лет спустя сказать Михаилу Светлову: «Колумб открыл Америку, а я — Сергея Смирнова».

Памятуя о роли идейных начал в творчестве художника, об его общественной позиции, следует подчеркнуть, что настоящие художественные ценности создаются теми выдающимися мастерами, которые идейность, социальность, сознательность, целеустремленность в искусстве ставят на первое место. И, исследуя многогранное поэтическое наследие Сергея Смирнова, нельзя не увидеть, как четкое и неуклонное следование этим творческим принципам привело поэта к стихам большого философского звучания, наполненным раздумьями о жизни, о судьбах России, народа. «Высокая фраза — революционное преобразование мира, — утверждал поэт, — полна для меня самого сокровенного смысла. Во имя осуществления этой цели хочу жить и писать свои строки и строфы».

Сатирические и юмористические произведения Сергея Смирнова, отличающиеся остротой, язвительностью, максимальной краткостью и ясностью мысли, гневной обличительностью, снискали заслуженную популярность в читательской среде.

И всегда было для него характерным обращение не только к актуальным, возникающим по ходу времени проблемам и темам, но и постоянное внимание поэта к прошедшим дням детства и комсомольской юности,

к тому времени, о котором мы только что говорили. Это позволило Сергею Васильевичу Смирнову широко и разносторонне отразить полувековую жизнь страны и советских людей.

Чистая и светлая лирика этого большого художника, волнующая до глубины души, убеждает нас в том, что для него действительно

.. не властны расстоянья,
И даже тот, кто умер, — тот воскрес.
И частных фактов робкое сиянье
Приобретает
Общий интерес.

ВОЙНА

Она началась неожиданно, в летний жаркий день, когда тянуло в заводской парк, когда на душе так хорошо после недавней встречи с Галиной Воиновой в лесном Подмосковье... Неделю назад Сергей принял в партию большевиков, стала спориться работа, из отдельных фрагментов начала вырисовываться поэма о современнике — плод долгих раздумий...

Война перечеркнула все планы и замыслы.

Поэт стремится в действующую армию, на фронт, но состояние здоровья не позволяет осуществить это намерение. Тогда он едет на свой завод, где несколько лет назад временно работал и где его радушно встречает все тот же начальник отдела кадров Яков Николаевич. Разговор был недолгим — Сергей тут же назначается старшим инспектором отдела вместо товарища, ушедшего на фронт.

Все сотрудники отдела находились на казарменном положении. Днем — работа, вечером и ночью — дежурства по очереди. Трижды в неделю у всех военные заня-

тия, строевая подготовка, изучение винтовки и стрельба в заводском тире боевыми патронами.

Война быстро приближалась к Москве. Вражеские самолеты все чаще и чаще появлялись в московском небе. Воздушные тревоги не прекращались.

В одну из ночей конца июля 1941 года немецкие стервятники прорвались к заводу и сбросили на него фугасные и зажигательные бомбы. Сергей Смирнов чудом уцелел, вовремя нырнув в узкую земляную щель у дежурного поста, когда почти рядом взорвалась фугаска. Такого гигантского грохота он никогда не слышал. Воздушная волна небывалой силы с лавиной осколков и земли пронеслась над ним, сметая все на своем пути.

Москва горит во многих местах. Во тьме стоят зловещие зарева пожаров. . .

Москва стала фронтовым городом. Идет эвакуация важных объектов и людей в глубокий тыл. Эшелоны уходят по ночам, даже не сигналив на прощание. А враг бомбит и бомбит Москву, как и сотни других городов, все злее и методичнее. . .

Немецкая авиабомба угодила в Большой театр, в саду Московского университета бомбой разбит бюст Ломоносова, у Никитских ворот сброшен с пьедестала памятник Тимирязеву, на Арбате огромной силы фугасная бомба угодила в Театр им. Вахтангова и превратила его в развалины. . .

Все ближе и ближе оружейный грохот. То здесь, то там в небе закипают поединки наших и вражеских самолетов. Немцы таранят подмосковную оборону. . .

«Как потрясающе поет Русланова, — записывает в блокнот Сергей Смирнов. — Ее голос, усиленный репродукторами, живет и окрыляет, щемит сердце и зовет на фронты за Русь, за землю советскую, оскверненную врагами. От ее голоса останавливается дыхание и закипают слезы в сердце. Голос Руслановой воет вместе с нами.

Когда он всепроникающе царит в эфире, кажется, что поет не просто русская женщина, а сама Родина... На душе тяжесть, будто каменная плита. Шутка ли, немец бомбит Москву...»

На заводе тоже омрачающие душу перемены: эвакуируются станки и заводское оборудование, уезжают мастера со своими семьями. Цеха переоборудуются под фронтные мастерские, становятся своего рода санбатами боевой техники. Опустел тесный производственный барак, из него ушла теплота молодого общежития. Только охрана завода круглосуточно несет ревностную бессонную вахту.

Кровная причастность ко всему происходящему, когда любая частица бытия Родины стала бытием человека, рождала в каждом особую силу, особую духовную статью. И конечно же, Сергей Смирнов все явственней ощущал, что его место сейчас не в Москве, не в отделе кадров хоть и родного завода, а там, где люди на смерть сражаются с врагом в самой гуще войны. Он понимал, что только там он сможет заслужить святое право будущего поэта говорить от имени солдата, говорить настоящую выстраданную правду. Но, увы! Мешала запись в воинском билете — «не годен», не отпускал начальник отдела кадров.

«— Ну что, брат, голову повесил? — однажды спросил Яков Николаевич Смирнова.

— Что? — отвечал тот. — На фронтах такие события, а мы тут, — он указал перстом на себя, — сидим, заполняем анкеты на вновь поступающих. Мне бы сейчас надо быть в армии, во фронтовой печати и славить героев войны, а не анкеты заполнять.

Ух, как вскипело начальство в лице Якова Николаевича от такой неслыханной дерзости своего подопечного.

— Вы что, сговорились все? — заявил он. — Вчера один морочил мне голову — отпустить его добровольцем,

а теперь, пожалуйста, другой. Вы нужны здесь. Вот и зарубите себе на носу...

Вышел из комнаты Яков Николаевич и в сердцах дверью хлопнул. А через некоторое время к себе вызвал.

— Ну, так вот, слушай внимательно, — сказал он. — Получен приказ из Наркомата — немедленно эвакуировать в глубокий тыл архивы и документацию завода. Собирайся, ты включен в группу сопровождающих. Вот, получи оружие.

Яков Николаевич достал из письменного стола маленький браунинг и протянул Смирнову.

— В случае крайней необходимости пускай в ход, — добавил он.

— Какая необходимость? Какой ход? — почти заикаясь, проговорил Сергей. — Я не имею права покинуть Москву в такие дни, ведь это же равнозначно бегству... Как я буду потом глядеть в глаза людям?!

— Ты коммунист. Выполняй приказание. Документы повезем вместе. Выезжаем через полчаса. Машина ждет у входа. Никаких лишних вещей в дорогу. В кузове есть брезент. В него завернешься. Ясно?! И довольно болтать...»

Оглушенный, подавленный, онемевший, Сергей Смирнов влез в кузов загруженного до борта документами ЗИСа и набросил поверх своего демисезонного пальтеца холодный громыхающий брезент. Звучит команда с головного ЗИСа, и колонна машин, не зажигая фар, устремляется в морозящую темень — на восток.

«Горько, свинцово тяжело на душе, — вспоминает поэт. — Все, что угодно, мог представить себе, но, убей, никогда не думал, что таким способом оставлю Москву... Мне казалось, что это мой духовный крах, бегство с передовых позиций, что я раз и навсегда теперь утратил право сказать о войне хотя бы единую строчку, что правы все комиссии, все доктора, которые давным-давно

выставили мне свою беспощадную оценку — «не годен»...»

К месту назначения все шесть машин прибыли благополучно. Там, в степи, и расположился московский завод-богатый. Сергей Смирнов поселился прямо в служебной комнате, забитой доставленными документами.

Предстояло жить и работать. И Сергей, потеряв надежду на скорое возвращение в Москву, стал внимательнее присматриваться ко всему, что происходило в тылу, и записывать в блокнот наблюдения о днях испытаний народа, когда люди забыли о том, что недосыпают, недоедают, забыли о личном счастье, о радости, о красоте природы: «Здесь не льется кровь, но здесь льется пот даже на лютом морозе, здесь не роют окопов, не возводят противотанковых рвов, но здесь врубаются в промерзшую и неподатливую, как броня, землю и ставят фундаменты для новых стен завода и станков, работают по упаду и снова за работу. Вот где показывает негнибаемую суть рабочий класс...»

Чувство причастности к самоотверженному труду рабочих из разных мест страны рождало уверенность и убежденность в победе, влекло к стихам, которые опять начали приходиться по ночам. И неожиданно-негаданно появилось и первое стихотворение военного времени «Глубокий тыл» со знаменательной концовкой: «Да здравствует уменье быть веселым, когда тебя ничто не веселит!» За первым появились другие, которые печатались в заводской многотиражке. Он писал об ударниках производства, о тех, кто уходил на фронт. Он прославлял людей тыла, героически работавших на победу.

Иногда приходило беспокойство за родных и близких. Нет писем от отца, ни звука от институтских товарищей, ни строчки от ребят из производственного общежития. И главное, ни единого слова от Галины Воиновой. Куда ее забросила судьба? Все связи обо-

рвались с войной. Никакие поиски не давали пока результатов...

Наступил 1942 год. На встрече Нового года все подняли кружки за победу под Москвой и пили за подвиг двадцати восьми героев-панфиловцев. Немцы остановлены и разгромлены. Радость и гордость за нашу армию перемежались с болью утрат.

Герой гражданской войны Иван Васильевич Панфилов, создавший Восьмую стрелковую дивизию в далекой Алма-Ате, в своих солдатах — сынах разных народов СССР — казахах, киргизах, русских, белоруссах, украинцах — сумел воспитать неукротимый воинский дух, вдохнул в них негибаемую веру в свои силы и уверенность в победе.

Приведя солдат к стенам столицы, вокруг которой железным кольцом смыкался враг, генерал сказал просто: «На нас выпала почетная задача — не допустить врага к сердцу нашей Родины — Москве. Враг будет разгромлен, а Гитлер и его банда будут уничтожены». И воины проявили высочайшее мужество и стойкость в защите города.

На подступах к Москве, у разъезда Дубосеково взвод из двадцати восьми солдат вступил в невиданный доселе бой с пятьюдесятью танками. Погибая один за другим, они все же остановили вражескую технику. Историческими стали слова тридцатилетнего политрука Василия Клочкова, призвавшего бойцов стоять насмерть: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

Этот подвиг не только глубоко запал в душу поэта, но и ускорил решение его военной судьбы. Несколько позднее у него родились и стихотворные строчки о генерале Панфилове, о мужестве и героизме бойцов, сражавшихся у Дубосеково:

И это здесь,
Когда кончалась осень,
Как раз на пятом месяце войны,

На битву с немцем
встали двадцать восемь,
Прямей и тверже каменной стены.

По ним хлестал
Нешадный град металла.
У них защитной не было брони.
Но за спиной
Отчизна-мать стояла, —
Вот почему не дрогнули они. . .

Спокойная повествовательная манера, суровая сдержанность и почти документальная точность описания исторической страницы в обороне Москвы придают стихотворению волнующую достоверность. Торжественно и четко ложатся пятистопные ямбы как неотвратимые шаги истории, творимой советским народом. С этими строками приходит духовное осознание величия подвига панфиловцев во имя Родины. Событие запечатляется в памяти как пример самоотверженности и заставляет заново пережить и прочувствовать то, что было выстрадано героями:

К исходу дня
Под танковым тараном,
Не отступив,
Последний пал герой.
Ноябрьский снег
Припал к открытым ранам,
И побелела грудь земли сырой. . .

Разорванные надвое строки этой баллады звучат замедленно, как бы создавая отяжку роковой гибели отважных. Сама природа страдает павшим, застывая в снежном молчании. Обрисовав скупыми суровыми штрихами сцену сражения, поэт переходит к оценке значения подвига. Глубокую философскую мысль раскрывает он в своем драматическом повествовании, показав, как героический пример панфиловцев разбудил отвагу у людей, напуганных войной. Презрев страх смерти, пришли на поле боя «нелидовские старцы и девчата», нашли

подопечным. Не дождавшись, когда Яков Николаевич придет пропуск на въезд в Москву, Смирнов в один прекрасный день махнул туда самовольно, распрощавшись с друзьями и товарищами по работе. Добрые люди помогли ему добраться в теплушке товарного поезда до столицы. Стоял июнь 1942 года. Сергей спрыгнул на тихом ходу в Лужниках в пропыленную придорожную полынью и зашагал к заводу.

Через несколько дней начальник вызвал Смирнова к себе и торжественно вручил ему ордер на шестиметровую комнату в доме на Смоленской площади. Осчастливленный Сергей не знал как и благодарить шефа. Шутка ли сказать, впервые в жизни он получал собственное жилье! А еще через некоторое время Сергей Смирнов был включен в бригаду кадровиков, летевших в осажденный Ленинград с целью эвакуировать оттуда производственное оборудование и высококвалифицированных специалистов.

«Ладожское озеро, — вспоминает Сергей Васильевич. — Летим узким воздушным коридором. С обеих сторон немцы. Здесь не смогли они сомкнуть клещей блокады, но ведут по коридору артиллерийский огонь, бомбят с воздуха. Наш транспортный самолет «дуглас» идет над озерной гладью так низко, что кажется, будто скользит по ней. Летим прямо в яростное пламя заката, как в пекло огромной печи. Ровно работают моторы. Зорко всматривается в небо пулеметчик. Все молчат. В эти минуты не до разговоров. Вскоре озеро остается позади, и мы в туманных сумерках благополучно приземляемся на ленинградской земле».

Вместе с другими москвичами Сергея Смирнова поселили в «Астории». Начались трудовые будни по отбору специалистов для промышленности и круглосуточной эвакуации их и дефицитного оборудования на Большую землю. Всех товарищей разместили по райко-

мам партии, которые и являлись одновременно эвакуантами.

Сергей Смирнов работал в здании неподалеку от сфинксов, все еще красовавшихся над Невой. Он, как и другие, имел дело с рабочей гвардией героического города, со специалистами тяжелой индустрии, прошедшими сквозь все блокадные тяготы, потерявшими родных от нещадных бомбежек, обстрелов и голода. Перед ним были все познавшие, крайне истощенные, но негибаемые характером рабочие. Они приходили на собеседование по распоряжению райкома и были готовы выполнить любое поручение Родины без громких фраз и долгих разговоров.

Через людские судьбы поэт узнал город с темными силуэтами аэростатов в небе, с постоянными артобстрелами, город, покрытый пеплом блокады, методически разрушаемый фашистскими бомбами и снарядами, но не сдающийся и стоящий насмерть.

Блокадный Ленинград стал составной частью существования Сергея Смирнова. Ленинградских впечатлений не исчислить, не объять. По вечерам из окна номера гостиницы он смотрел на мраморную красу Исаакия, изрешеченного осколочным градом, вокруг которого торчали вихры укропа и петрушки, и думал о неколебимости, мужестве и стойкости города и людей. Живым свидетельством дышит стихотворение «Около Исаакия» (1946), написанное сразу после войны, когда он снова оказался в Ленинграде:

И, наверное, знает не всякий,
Что во время осады был
Не сиял златоглавый Исаакий,
Он темнел нелюдимой скалой.

Бой в лазури.
Часы артобстрела.
В подворотнях притихший народ.
Тут земля не цветами пестрела,

Нет, —
на ней зеленел огород.

По соседству бабахала пушка.
Ветер дымные клочья волок. . .
Огород охраняла старушка
И чинила свой грубый чулок.

Самоотверженной обороне Ленинграда в дни блокады, стойкости жителей города посвящена и поэма «Сердце и дневник», написанная в начале семидесятых годов уже зрелым мастером. Основным достоинством поэмы является ее строгая документальность, суровый реализм. В ней отразилось искреннее чувство гордости поэта за ленинградцев, восхищение перед их героизмом.

Написанная на основании дневниковых записей пионерки Тани Савичевой о жизни и смерти ее близких в осажденном Ленинграде, поэма в то же время и память сердца самого поэта о пережитом, его неутихающая боль, пронесенная через послевоенные десятилетия. «Для меня Таня Савичева, — говорит Сергей Васильевич, — не просто ленинградская девочка, это частица героической эпохи, частица, в которой ощутимо свечение Времени».¹

Благодаря характерному для Сергея Смирнова сплаву тончайшей лирики, острой публицистичности и неистребимой сердечной улыбчивости поэма звучит потрясающим реквиемом семье Савичевых, как и тысячам тысяч ленинградцев, погибавшим от истощения и «смертного стука осколочного града», погибавшим, но не сдавшим город врагу. В их глазах всегда стоял «на фоне дыма и огня — панорамный контур Ленинграда, как неколебимая броня».

Не сразу вводит читателя в трагические будни города-героя поэт. Первые главки произведения являются нежным лирическим запевом, зачином о нем, о месте действия поэмы, где «между стен и башен Ленинграда в бле-

¹ С. Смирнов. Счастье поэта. — Веч. Москва, 1977, 14 апр.

ске солнца катится Нева», где «у правобережного гранита — старый дом с порогом, как скамья». Город полноправным героем живет в поэме, в судьбах ее действующих лиц. Его исторические традиции, архитектура, культура, люди исподволь формируют характер маленького человека:

И поток раздумий вызывая,
Предстает былое перед ней, —
От царя Петра
и первой сваи —
До подъемных кранов
Наших дней.

Достаточно охарактеризовав не только главную героиню — городскую девочку Таню из простой рабочей семьи, но и особенности каждого из ее многочисленных родных — матери-швей, дядюшек, братьев и сестер — этой «чисто ленинградской ячейки», обычной семьи, ее довоенной жизни, заполненной будничными заботами и радостями, поэт разобрался в подлинной сути ленинградского характера. Он понял и донес главное из того, что с особой силой проявилось в условиях блокады, стужи, голода, — стойкость, непримиримость к врагу, дух отпора.

«Кровь из носу, выдюжим, Танюха! Верь... И красный галстук свой носи!» — таков девиз ее брата, токаря Лёки. Таким же настроением проникнуты все члены семьи Савичевых, умиравших от истощения один за другим, но не сломленных духом. Художественно этот мотив подчеркивается отсутствием сентиментальных ноток как в авторском тексте, так и в репликах героев. Поэт предстает перед нами добросовестным летописцем тех героических дней. Вобрав в себя сгусток человеческих судеб, поэт проникся их трагизмом, их верой в победу, отчего его язык приобрел напряженную звонкость, рельефность, четкость.

Удивленно выглянула Таня:
— Кто пускает зайчиков ко мне?! —
А в пролете взорванного зданья
Зеркало повисло на стене —
Солнечные зайчики бросает,
Как из прежних, довоенных дней.
И от острой боли и досады
Ей ещё становится больней.

Вся совокупность художественных средств, интонационного строя поэмы, образная простота речи, опирающаяся на вечные ценности русского народного языка, — все это наполняет голос автора неподдельным драматизмом, служит успешному раскрытию исторической темы войны, подвига, мужества. Люди, представленные в поэме, казалось бы не наделенные какими-то выдающимися качествами, проявляют свойства природы, возвышающиеся над человеческими возможностями по своему терпению, выдержке, стойкости.

«Таня достойна встать рядом с самыми героически борцами за счастье людей именно потому, — пишет о своей героине сам поэт, — что в каждом душевном движении ее с особой силой выражено существо советского характера. В этой маленькой хрупкой девочке, как искра в кремне, таилась огненная сила ненависти к врагу, поистине испепеляющее достоинство, ее сердце как бы вобрало в себя «ярость благородную» миллионов советских людей. . . Это ощущение не покидало меня, когда я работал над поэмой, оно, как мне кажется, определило и ее накал. . .»¹

Непреходящее значение поэмы «Сердце и дневник» состоит не только в правдивом художественном воссоздании людей и событий военной эпохи, но и в том оптимистическом пафосе, благодаря которому она стала своеобразным памятником всем тем, кто страдал и умирал

¹ С. Смирнов. Счастье поэта. — Веч. Москва, 1977, 14 апр.

с нерушимой верой в торжество жизни, в победу над иноземными захватчиками.

Собирая материал для произведения, Сергей Смирнов разыскал единственную оставшуюся в живых родственницу Тани — ее родную сестру Нину Николаевну Савичеву-Павлову, которая написала трогательные и верные слова о его работе: «С затаенным дыханием и большим трепетным чувством я читала, не отрываясь, Вашу поэму «Сердце и дневник» — плод большого труда и глубоких человеческих чувств. Мне трудно передать на словах все, что я пережила и прочувствовала, читая и перечитывая дорогие и близкие моему сердцу строки поэмы. Без слез не обошлось. Вы заставили меня с особой остротой почувствовать пережитое и вновь воскресить в памяти боль утраты всей моей семьи и черные дни блокады осажденного Ленинграда. Я думаю, что не ошибусь, если скажу от имени всех ленинградцев, что поэма заставляет трепетать сердца, сжимая их от боли воспоминаний...»

...Пролетело больше месяца, приблизился день возвращения Сергея Смирнова на Большую землю с эшелоном ленинградцев. Путь сначала на пригородном поезде до причалов на Ладожском озере, потом под неистовую бомбежку и обстрел на транспортной барже на другой берег. Только ненастье, озерный туман да маневренность капитанов служили здесь защитой от вражьих ударов...

«Глаза у всех устремлены в небо, — рассказывает Сергей Васильевич. — На барже ни единого огонька. Даже курить категорически запрещено. А тьма с туманом не только обступают нас со всех сторон, но и влезли на баржу, заполнили ее, стали плотными, аж не видишь собственной вытянутой руки. Все рады такому туману и тьме. Они наши соратники. Баржа причаливает к берегу. Разгрузка. Скорей, пока не рассеялся спасительный туман и не налетели вражьи самолеты. Мы торо-

пимся по узким сходням на берег, а по берегу — к прибрежному сосняку. Здесь нас ожидает пассажирский поезд под навесом разлапистых ветвей. . .»

Задание было выполнено, а с ним созрело и окончательное решение уйти из отдела кадров.

— Как хотите, Яков Николаевич, а больше я у вас работать не смогу, — выпалил Сергей Смирнов, представ перед начальством. — Причина не в какой-то личной обиде, нет. Просто завершился своеобразный круг всех моих служебных дел, и, если остаться на службе дальше, это своего рода повторение уже пройденного, подражание всему, что было. А я ведь сочинитель, и вы понимаете все. . .

Помолчав, побарабанил пальцами по настольному стеклу его начальник и наконец сказал:

— Ладно. Не возражаю. Иди, сдавай свои экзамены в институте. Будь здоров и счастлив. А за службу спасибо.

У Сергея Смирнова была подспудная мысль, что из института он скорее сможет попасть в действующую армию, куда все время рвался и куда с завода путь ему был закрыт. Его однокурсники давно надели солдатскую форму и ушли из этих стен на фронт.

Со своими мыслями он пришел к всеведущей Славе Щириной, активному члену партбюро и студенческого комитета, и чистосердечно признался ей, что не годится сейчас в студенты-домоседы и экзамены подождут до лучших времен, надо «побыть сначала в солдатской шкуре». Та внимательно выслушала его и серьезно, чуть ли не по-матерински сказала:

— Ты по-своему прав. И знаешь, я тебе скажу по секрету, есть прекрасная вакансия. К нам пришел запрос из одной знаменитой дивизии. Там требуется не просто солдат, а поэт.

Сергей чуть не подпрыгнул от радости, ведь обидное «не годен», записанное в военном билете, не распространилось на поэта. И он, ставший снова, правда формально, студентом, с нетерпением дожидался своей участи. Ждать пришлось недолго, из Восьмой гвардейской Панфиловской дивизии вскоре приехал капитан, он же начальник клуба, и встретился со Смирновым. Встреча была краткой, деловой, результативной: отправка в дивизию была назначена через сутки.

На мобилизованного поэта была составлена по всем правилам характеристика, дана полагающаяся по форме справка, в паспорте сделана соответствующая отметка и на прощание сказаны добрые напутственные слова. Так Литературный институт проводил Сергея Смирнова в действующую армию.

«Дороги непролазны, — записывает поэт свои первые впечатления в путевой дневник. — Колеса войны искромсали, размесили землю и оставили после себя бездорожье... На попутных машинах, а кое-где и на подводах двигаемся мы навстречу отдаленному артиллерийскому громуханию — в сплошную глушь не только лесов, но и полей. Куда ни глянь — пепелища. Ни людского говора, ни мычания коров, ни собачьего лая, ни петушиного кукареку... Пустые, безглазые дома и словно душа их — одинокая кошка. Ни гром взрывчатки, ни пули, ни осколки, ни огонь не смогли убить в этом зверьке верность своему дому. Кажется, что кошка верит, что мирная жизнь вернется под каждую крышу... Наша дорога — это уже дорога не на войну, а дорога на войну. И у этой дороги свое особое лицо. Она похожа на распластанное, очень ветвистое дерево. Ствол дерева тянется из глубокого тыла, и, чем ближе к передовой, тем больше от главного ствола ответвляется веток-дорог, ведущих во все воинские соединения, вплоть до тонких, едва приметных тропинок к линии огня...»

Начальник политотдела гвардии подполковник Петр Васильевич Логвиненко внимательно просмотрел документы, критически оглядел с ног до головы поэта-добровольца в штатском одеянии и отдал распоряжение зачислить его рядовым в дивизионный ансамбль, выдать ему солдатское обмундирование и поставить на довольствие. Сергей Смирнов был несказанно счастлив: наконец-то сбылась его главная мечта — он стал солдатом.

Начались армейские будни. Вскоре Смирнов принял присягу, и ему вручили гвардейский знак. Испытывая все тяготы нелегкой солдатской судьбы на войне, выполняя различные хозяйственные и боевые поручения, на собственном опыте познавая суровое дело войны, ее фронтовое братство, он создает стихи и песни о тех и для тех, кто стоял насмерть против жестокого врага.

К моменту прихода Сергея Смирнова в знаменитую дивизию после гибели ее создателя полегло немало славных соратников генерала и поступало новое пополнение. При этих условиях вдохновенное слово поэта играло неоценимую роль в поддержании героического духа и славных боевых традиций среди вновь вступающих в дивизию воинов.

Поэт пишет о мужестве наших бойцов, передавая их сокровенные мысли и переживания, выступает перед солдатами и комсоставом со своими сочинениями и вскоре становится желанным человеком в каждом подразделении Панфиловской дивизии. Его литературные страницы появляются в дивизионной, армейской и фронтовой печати.

Задушевные и страстные стихотворения «Разъезд Дубосеково», «Москва», «Присяга», «Шинель», «Домик», «Первый переход», «Девушке в венгерке» призывали бойцов к самоотверженной борьбе, западали глубоко в их души. Все они были написаны в конце 1942 года, когда в битве с врагом наступал коренной перелом, когда инициатива боевых действий прочно перешла в руки со-

ветских войск. Продвинувшись в район Старой Руссы — Холма, Панфиловская дивизия занимала оборону на восточном берегу реки Ловать.

Без риторических натяжек показывает поэт своего героя — советского солдата — в различные моменты фронтовой жизни. Трудно новичку в первом ночном переходе («Первый переход»), он всю ночь провел на марше. Но не жалуется товарищам, а это значит, что уже в первом испытании он обрел чувство локтя, помогающее противостоять трудностям.

Единство отдельной человеческой личности с общим целым — воинским подразделением, — которое ощутил молодой солдат, искусно передано поэтом с помощью множественного числа местоимений и глаголов. Даже ощущение усталости, заключенное автором в удивительно емкую форму — «устали так, что стали старше», — одно на всех. Однако, когда поэт обращается к чувствам своего героя, обостренными картинками страданий родной земли, он подчеркивает его индивидуальный внутренний мир, продолжая монолог уже от первого лица:

А я одно забыть не в силах:
Куда ни глянь — безлюдье тут.
У старых гряд, кому-то милых,
Невинно яблони цветут.

А возле них ржавеют плуги,
В канаву сеялка легла,
И на земле, подобно вьюге,
Клубятся пепел и зола. . .

Смерть и запустение, разрушенные деревни, заброшенные поля, груды развороченного металла — такой «пейзаж» в основном встречал Сергей Смирнов на своем пути. Показывая картины разрушения и предчувствуя дальнейшие томительные походы, кровопролитные битвы, трудные испытания, — «а впереди лежит дорога, опять ведущая к войне», — поэт не терял веры во вре-

менный характер бед. Как ни ужасен был лик войны, как ни близка к людям смерть, жизнь продолжалась:

Но все равно весна стояла
Во всем величии своем.
Она черемухой сияла,
Она гремела соловьем.

Она шагала вместе с нами,
В одной колонне и ряду...
Ее развернутое знамя
Горело в небе на виду...

Характер русского человека, как заметил поэт, проявлялся его особой верностью мирным делам и занятиям. Солдаты жили мечтой о доме, о мирном труде, тосковали о нем. Исходя из предпосылки, что труд теснейшим образом связан со всем существованием человека на войне, Смирнов с помощью точных, осязаемых образов, предметных сравнений показывал, насколько он сближает людей друг с другом в суровых испытаниях, еще крепче связывает узы их братской, нерушимой дружбы.

Опираясь на народно-поэтические традиции, на разговорный язык, песню, шутку, частушку, поэт в своей военной лирике показал, что советскому солдату во многом помогли выстоять именно любовь и привычка к упорному труду. В стихотворении «Домик» от имени лирического героя Сергей Смирнов рассказывает, как солдаты «на пустынном неприглядном месте, чтоб согреться телом и душой», взялись за плотницкий труд «и вместе смастерили домик небольшой»:

Печь-временка. Нары. Плащ-палатки.
Два окна в бревенчатой стене.
Личное оружие в порядке.
Но... короток отдых на войне.

Не успела на стенах, как надо,
Золотая выступить смола,
Вдруг опять — бомбежка, канонада.
Шагом марш!

И нам не до тепла...

Часть пошла вперед, дом, по сути, оказался никому и не нужен, но такова сближающая власть труда, что поэт уверенно заявляет в конце стихотворения: тоска по родному очагу и мирному труду звала вперед, на подвиги во имя победы. И никогда не сотрутся из памяти фронтовые будни и согревающие душу дела.

Все героические подвиги, совершенные Панфиловской дивизией в борьбе с врагом, являлись результатом тяжелого, изнурительного, подчас нечеловеческого труда каждого ее бойца, на каком бы участке он ни находился. Достаточно прочитать документальную хронику боевых действий панфиловцев, чтобы убедиться в этом. Чего только стоили одни передвижения дивизии: «Марши были трудными, особенно для артиллерии и автотранспорта. Расчеты орудий, стрелки-пехотинцы впрягались в лямки и на себе тащили пушки по глубокому снегу. Шоферы, выбываясь из сил, расчищали путь от заносов, с трудом подталкивали тяжело груженные машины... Подразделения дивизии подвергались бомбежкам авиации противника. Немецкие самолеты ни на минуту не оставляли наши колонны...»¹

Война требовала напряжения всех сил — духовных и физических. В те трудные дни, когда сначала мучительно медленно, а затем увереннее и быстрее, шаг за шагом началось упорное продвижение наших сил вперед, на запад, Сергей Смирнов, стремясь донести до читателя всю правду войны, без всяких прикрас, но и без уныния, без лицемерия, через единство жестокого и повседневного раскрывает сущность военной действительности.

О том, в каких бесконечных трудностях доставался дивизии каждый километр тысячеверстного пути, можно представить хотя бы из стихотворения «Без прикрас» (1943). Его подзаголовок «Из тысячи ночей» лучше всего подчеркивает многократность тех испытаний, кото-

¹ Сб.: «Великое не умирает». Фрунзе, 1976, с. 54—55.

рые приносила солдату неразлучная спутница — дорога. Стихотворение написано, как и большинство военных стихов поэта, от первого лица:

Опять — вперед! И все идут,
С трудом вытаскивая ноги
Из глины. . . Но сойти с дороги
Нельзя: минировано тут.
Перекурили пять минут.
И вновь команду подают:
— Подъем! —
И вновь дорога та же,
Ночная тьма чернее сажи,
Да «мессера» над головой
Гудят с поклажей бомбовой.

Пересекаем речку вброд.
Дошатый мост разбит фугасом.
И. . . шагом марш!
И час за часом
Ночлега нет. Аж зло берет!
Уже шагаешь напрямик.
Хотя б на миг заснуть не чаешь.
И вдруг — толчок. Ты замечаешь,
Что, кажется, заснул на миг.
Но и другие спят, как ты,
Ровняя строй.
А сквозь кусты
За нами тьма заметно тает. . .
Скорей — вперед! Уже светает. . .

Размышления героя то и дело прерываются отрывистыми словами команд: «Вперед!», «Подъем», «Шагом марш!». Таким приемом поэт достигает осязаемости изнурительного марша, и читателю начинает казаться, что это он вместе с полком тяжело шагает по вязкой дороге, с которой нельзя свернуть ни на шаг из-за мин.

В стихотворении «Без прикрас» нет ни заданной веселости, ни любовной тоски, как нет уныния и растерянности. В нем слышится голос мужественного человека, готового вместе со своим народом делить трудности и опасности долгого пути к победе.

Внимание поэта надолго приковали к себе военные дороги, о чем можно судить по таким стихотворениям, как упомянутые нами «Первый переход» и «Без прикрас», а также «Бойцы музыкантского взвода», «Где они, военные дороги?..», «Шиповник» и другие. Много было пережито на них, немало друзей-однополчан осталось лежать у их обочин, но в конечном счете они привели к победе.

Как известно, свою литературную работу Сергей Смирнов совмещал с солдатской службой в музыкантском взводе. На равных с другими он переносил все ее тяготы. На фронтовой фотографии этого времени мы видим его похудевшее, осунувшееся лицо. Но в усталом взгляде его светлых глаз искрится прежняя задорная лукавинка. Невольно снова вспомнишь его знаменательные строчки: «Да здравствует уменье быть веселым, когда тебя ничто не веселит!»

С какой иронией, словно полемизируя с несведущими людьми, он пишет:

Бойцы музыкантского взвода, —
Подумать — не служба, а рай:
В тяжелое время похода
Шагай да на трубах играй. . .

Уж кто-кто, а он-то знал, что такое музыкантский взвод на войне, и не случайно создал одно из самых замечательных стихотворений о нем в 1944 году, показав, как бойцы этого взвода подчас были не только музыкантами, но и саперами, и санитарями, и могильщиками. . .

Размыла пути непогода,
А фронту дорога нужна.
Бойцов музыкантского взвода
Ведет на нее старшина.

В ладонях не трубы, а пилы.
Навстречу сырая пурга,

Но бревна ложатся настилом, —
Дорога идёт на врага...

Изображая строго реалистично фронтную дорогу, поэт в то же время, хотя и скупно, использует метафоры, имеющие романтическую окраску. Это создает мрачный, порой фантастический колорит ночных дорожных работ: над солдатами «немецкая «рама», глаза ее хищно горят», снарядов «целая стая на клочья обочину рвет», и тут же «проносятся мины, как певчие птицы войны». Но для бывалого солдата опасность стала почти обычной. Просторечной лексикой подчеркивает автор отношение к ней бойцов: «В болотную тину врастая, лежит и ругается взвод...» А тут еще «технике нету прохода, тягач зачихал и зачах». Ну что ж, «бойцы музыкантского взвода вывозят его на плечах».

Совершив свой ратный подвиг и глядя, как по проложенной ими дороге проходят машины со снарядами и подводы с продовольствием к передовой, бойцы музыкантского взвода молчаливо отдыхают у костра. Потрясающим драматизмом веет от последних стрóf стихотворения. Только человек, испытавший все это сам, мог понять и передать в скупых строках нравственную энергию сражающегося народа:

Сидят на коротком привале,
Молчат и махоркой клубят.
Убитых вчера зарывали,
Увечных таскали в санбат, —

Сегодня опять воедино
Армейской судьбой сведены...
А рядом проносятся мины,
Как певчие птицы войны.

Вино старшина разливает,
Хозяйственно веки смежив,
И каждый свое выпивает
За то, что останется жив.

И трубы блестят по соседству,
Молчит их горластая медь,
Чтоб завтра в руках отогреться
И маршем на марше греметь.

Шаг за шагом Сергей Смирнов, наравне с другими советскими поэтами, осваивал страшную, героическую и мужественную военную тему. Продвигаясь все дальше с дивизией, оттесняющей немцев с оккупированной ими территории, поэт постигал масштабы бедствия и разорения страны. Вот перед ним деревушка с ласковым названием «Приют». Но какой иронией теперь звучит это название! О страшной картине разрушения он и поведал читателю в одноименном стихотворении: «дома без дверей и без окон», «вместо яблонь оставлены пни», «опустели дворы и сараи», «без ветвей тополя-близнецы» — таков безжалостный лик войны. «Это немцы сюда заглянули, — подытоживает поэт. — Это так развлекались они». Напечатанное в дивизионной газете, такое стихотворение без напускной патетики зажигало сердца солдат неутолимым огнем ненависти к врагу.

Несмотря на трагедию уничтожения не утрачивалась в сердце народном вера в будущую победу. Огромную роль в этом играло советское искусство. «Я думаю, — писал Андерсен-Нексе в 1944 году, — что писатели и художники Старого Света, за редким исключением, — зрители и регистраторы событий, тогда как силы их коллег в Советском Союзе — это силы действия, силы воинствующие. Как скальды старых времен, они сражаются и идут впереди войска, воодушевляя его на борьбу».¹

Писатели понимали, что главное в кровавой схватке с врагом — не согнуться, не поддаться горю, а выстоять, чего бы это ни стоило, хотя и стоил каждый шаг продвижения вперед безмерно дорого. В стихотворении «Ветераны» (1944) Сергей Смирнов точно характеризует

¹ «Сов. искусство», 1944, 19 дек.

невосполнимую дань войне, которой расплачивались наши войска:

Неукротимо наше продвижение.
Идем мы по земле враждебных стран.
Но в результате каждого сраженья
За ветераном гибнет ветеран...

Болезненным стоном горя, глубокой душевной скорбью, скупой записью в своем военном дневнике, поэтической строкой отзывался Смирнов на трагические утраты друзей-однополчан. Вот некоторые из них:

«Ночью убит Рамазан Элебаев, весельчак и композитор нашей дивизии. Его песни ходят в солдатском строю. Осиротела его компанейская гармонь. Вместо письма в Киргизию полетит извещение... Новые слезы и горе...» (Военный дневник, 1943, 5 ноября),

«Гвардейцы-герои погибли в бою
За Родину-мать, за свободу свою.
Но мы ничего палачам не простим,
За все отквитаем!
За все — отомстим!

Надпись над братской могилой
56 погибших в бою гвардейцев»
(Военный дневник, 1943, 15 ноября).

«...Убит мой друг Тимурбек Кокубаев, заслуженный артист Казахской ССР. Убит в наступлении. Он лучше всех исполнял мои фронтовые песенки, и они в свою очередь «ходатайствовали» перед лицом правительства Казахской ССР о присвоении солдату Кокубаеву звания заслуженного артиста... Тимур был любимцем всей дивизии. Ах, черт, жаль его...» (Военный дневник, 1944, 14 июля).

«Ранена дочь генерала Панфилова — Валя. Мы встретились на дороге, Она протянула мне руки и заплакала.

Санитар повел ее в тыл, а мы пошли дальше» (Военный дневник, 1944, 15 сентября).

Смерть ради жизни — тема подвига, одна из важнейших тем советской литературы в дни войны, не оставила в стороне и Сергея Смирнова. Видя людей в постоянном соседстве со смертью, наблюдая примеры высоких нравственных качеств советского солдата, поэт стремится обобщить их черты в реалистических образах своих поэтических зарисовок. Конечно, такие вещи создавались второпях, по горячим следам, отделять и шлифовать их не приходилось. Они сразу печатались в дивизионной газете «За Родину» и как «оружие особенного рода» немедленно попадали в руки бойцов. Так появились прощальные стихи, посвященные гвардии подполковнику И. Д. Курганскому, снайперу Тулеугалы Абдыбекову, гвардии майору Ахменееву и другим. И сегодня, через десятилетия, читая эти печальные строки, мы отчетливо представляем себе горькие минуты прощаний с товарищами у края свежих могил.

Написаны эти стихи в разном ключе. В стихотворении, посвященном памяти снайпера Абдыбекова, простые человеческие чувства передаются в патетической форме, навеянной героической кончиной молодого воина. Торжественно, просто, с художественным тактом Сергей Смирнов показывает тяжелые минуты прощания с товарищем:

В звуках марша траурного тонет
Зимний день и ветер-лиховей,
Гвардия советская хоронит
Лучшего из лучших сыновей.

Не сотрешь с лица предсмертной муки,
Не разбудишь, сколько ни буди...
Промаха не знающие руки
Навсегда скрестились на груди...

Суровой внутренней взволнованностью, безыскусственностью веет от этих стихов. Однополчане, в едином

порыве склонившие головы перед гробом героя, с трудом сдерживают ненависть к врагу. Честная молодая жизнь, отнятая войной, взывает к возмездию. Плывет над землей траурная музыка. Медленно и четко звучат слова поэта, и перед бойцами, словно заново, проходит боевой путь солдата, сына Казахстана, который «на поле боя был неистов, там нашел призванье и почет». Стихотворение это о погибшем, но обращено оно к живым. Рожденное скорбью, оно всем своим существом воспеваает жизнь, за которую до конца стоял Тулеугалы Абдыбеков. Слова поэта звучат как приказ, как клятва отмщения, как заклинание — выстоять и победить:

Быть таким, как ты, не сможет каждый,
Но, как ты, клянемся драться мы.
И пойдем с твоим огнем и жадной
На разгром коричневой чумы.
Враг уже стоит над самой бездной,
Потому он трижды зол и лют...
Пусть же грянет залповый, железный,
К мести призывающий салют!

Иной подход к той же теме мы находим в стихотворении «Прощание», написанном в 1944 году на земле прибалтийской и посвященном памяти гвардии майора Ахменеева. Поэтическая чуткость подсказала писателю, что в громе решительных боев за свою землю задушевное слово может легче найти доступ к сердцу солдата, чем плакатный пафос, переходящий в лозунги. Целеустремленность исканий и новых художественных решений принесла плоды. Совсем другой настрой, какая-то особая доверительность, свое авторское вживание в драматическую обстановку, удивительно простой разговорный тон придали лирическим строкам стихотворения «Прощание» одушевленность и трепетность:

Товарищ гвардии майор,
Мы провожаем вас.

Ваш сын стоит, потупя взор,
И плачет в первый раз.
Сошлась пехота в тесный круг,
Куда ни погляди.
А вы в гробу,
И кисти рук
Скрестились на груди.

Последний с вами разговор.
Последняя черта.
Шофер вам «ЗИС» подал во двор
И опустил борта.
Почетный караул застыл
Над вами в этот миг. . .

Использованное поэтом риторическое прямое обращение к погибшему майору усилило лирико-эмоциональное воздействие стихотворения на читателя. Лаконизм изображения и характерные детали военного быта, сопровождающие картину похорон и ассоциирующиеся с ощущением продолжающейся жизни, наполняют горестью душу. Тяжело расставаться с товарищем по оружию, остающемся в «холодном неуют» могилы, «где очень тесно и темно, откуда не встают», но надо двигаться вперед. И вместо призыва к мести в конце стихотворения — простое напоминание о солдатском долге.

«В нынешней войне, особенной и небывалой, — писал Алексей Толстой еще в 1942 году, — человечество потрясено в основах бытия, и народные массы призваны к повышенному волевому и моральному состоянию. Нынешняя война — это война моторов. Это так, но это не полное определение: моторов и силы преодоления страданий, нравственной силы.

В этой войне не счастье, не случай и не только талант полководца принесут победу; победит та сторона, у которой больше моторов и тверже нравственный дух народа.

Нравственные категории приобретают решающую роль в этой войне». ¹

С первых дней пребывания в действующей армии Сергей Смирнов, стремившийся, по верному выражению Алексея Суркова, стать «неизменным доверенным советского воина», понял, что залог грядущей победы — в жизнелюбии, терпении и высоких моральных качествах советского солдата. С большим вниманием и искусством проникает он в душу своего однополчанина, подмечает черты его характера, вкусы, те немногочисленные радости, которые иногда выпадали на его долю в часы коротких привалов и затишья на передовой. Проникает и изучает для того, чтобы осмыслить истоки народного подвига и познать нравственный дух советских людей, о котором так точно сказал Алексей Толстой.

«Ходил в полки, батальоны и роты с ансамблем, — делает Смирнов запись в военном блокноте, — и ощутил всем своим существом, что мы нужны солдатам, что, глядя на нас и слушая нас, отдыхает солдат, работяга войны. К нему возвращаются улыбка, добродушие лица, хорошее настроение. С какой благодарностью и восхищением слушает он песню самодеятельной артистки-солдатки. Ему греет душу не только песня, но и сама артистка, женская душа в пехотинском одеянии. В ней он видит, может быть, свою любовь, оставленную в глубоком тылу, свою мечту о жизни без войны...»

Ежеминутно подвергаясь смертельной опасности, каждый воин надеялся, что те, которых он заслони́л собой, ради которых нес неисчислимые тяготы, думали и помнили о нем. И Сергей Смирнов, что называется, выполняя социальный заказ, пишет стихотворение «Письмо с фронта» (1942), которое впоследствии (несколько переработанное) вошло в послевоенный сборник 1948 года «С добрым утром» под названием «Письмо Сергею».

¹ А. Толстой. Собр. соч., М., 1961, т. 10, с. 537.

Эта серьезная и животрепещущая тема в стихотворении приобретает бодрое и жизнерадостное звучание благодаря тому, что поэт решает ее с искрящимся юмором. Письмо, присланное незнакомой девушкой Маней солдату по имени Николай, находит множество адресатов-тезок:

Как такое вышло, сам не знаю:
К нам на фронт пришло письмо одно.
На конверте надпись: «Николаю...»
«Ой, не мне ли, — думаю, — оно?»

На досуге все узнать желая,
Я письмо припрятал на груди.
Вдруг еще четыре Николая
Говорят: «А ну-ка, погоди!»

И уже не четверо, а восемь
Говорят с другими наравне,
Мол: «Давай-ка лучше жребий бросим —
Чье письмо?»
...Оно досталось мне!

Опираясь на народную основу, на специфические детали солдатского быта и лексики, поэт создал эмоциональное, шутовское по духу стихотворение. Концовка его адресована неизвестной девушке, одарившей теплом своего сердца солдата-фронтовика, чье письмо он пронес «в кармане через все атаки и бои», и одновременно оно имеет нужную смысловую нагрузку, являясь своего рода призывом с фронта ко всем оставшимся в тылу — думать о солдате:

Я от старых писем независим,
Но письма такого не сомну!
Девушки, пишите больше писем
Всем бойцам, ушедшим на войну!

Тема любви и верности, которая получила распространение в поэзии начального периода войны, звучит в другом стихотворении Сергея Смирнова — «Полевая

рогим и близким каждому подразделению и солдату, который не только проявлял в боях чудеса отваги и стойкости, но и сохранял способность улыбаться и шутить.

Перед поэтом раскрывалась душа солдатская во всей красоте и величии. Только бери с природы и переноси на полотно или бумагу. И Смирнов из знакомой ему обстановки облюбовывал и отбирал те детали, которые наиболее ярко и живо отражали образ нашего солдата в обыденном, бытовом, повседневном, т. е. в его обычном окружении. И хотя поэт не всегда углублялся в психологический анализ своего героя, в его стихах он реалистичен и многогранен. Это человек простой, душевный, мужественный, находчивый, который ценит меткое, вовремя сказанное словцо, не прочь хорошо поест, не спасует перед красавицей. Таков он в ставших любимыми среди бойцов и переложенными на музыку стихотворениях «Милая сестрица» (1942), «Лучше всяких докторов» (1943), «Сон солдата» (1943), «Есть же девушки на свете» (1943), «Котелок» (1944), «У солдатского костра» (1944), «Человек не одинок» (1944) и других.

Необыкновенная популярность стихов Сергея Смирнова в дни войны и неослабный интерес к ним в наше время объясняются тем душевным контактом, который сразу возникает между автором и читателем. Этому способствует избранный поэтом метод изображения жизни от первого лица, изложенный им в одноименном стихотворении довольно смело и оригинально. Перебирая содержимое вещевого мешка и вытряхивая из него все лишнее перед походом, он одновременно размышляет о своем духовном багаже, в котором — по законам военного времени — не позволяет себе иметь ничего лишнего, кроме святых чувств и высоких помыслов:

За миг до нового похода
Я вспоминаю путь былой.
И... все излишки обихода
Скорее из мешка долой!

Не так ли следует поэтам
Свои просматривать сердца
И разговор по всем предметам
Вести от первого лица!

Хранить лишь то,
Что сердцу свято,
Чтоб песня выглядела так,
Как вещевого мешок солдата
В часы походов
И атак!

Заявив во всеуслышание, что герой его фронтовых стихов — это он сам, поэт и солдат, ведущий разговор с читателем от первого лица, Сергей Смирнов тем самым открыл для себя возможность вольнее посмеяться над своим героем — над собой, не боясь прикинуться простачком, оказаться в комической ситуации, чтобы посмешить товарищей, ведь этим, собственно говоря, и силен русский дух.

Например, стихотворение «Человек не одинок». Навивная важность, с которой лирический герой посреди незамысловатого рассказа о своем письме в газету хвастливо сообщает, что его печаль — «печаль бойца простого всколыхнула всю страну», вызывает невольную улыбку, так как речь идет всего лишь о том, что до этого ему никто не писал, а теперь «хлынул письменный поток» от девчонок.

В другом случае («Сон солдата») рассказчик сначала вызывает удивление у всех своим сном, в котором будто бы с женой пообщался, пашню вспахал и даже к теще на блины попал, потом смех, когда вдруг вспомнил, что блинов-то успел съесть всего одну порцию!.. Как и в первом стихотворении, здесь нет никакой нарочитости, фальши, подделки. Смешное соседствует с печальным, радость фронтового товарищества — с тоской по дому. Однако грусть недолго гостит в солдатском

сердце. На смену ей приходит надежда, а для поддержания бодрости — шутка:

Тут солдат по сторонам
Поглядел бедово
И сказал себе и нам:
— Будем драться снова!

И при том к стволу ружья
Протянул ручищу:
— Дай-ка, деточка моя,
Я тебя почищу!

Осмысливая основы советского характера, смелого и самоотверженного, воплощающего в себе стойкость и выносливость, практический опыт и житейскую мудрость, Сергей Смирнов познавал и в своих произведениях отражал природу народного героизма. Рассказывая о советских людях в дни суровых испытаний, когда, как говорил Леонид Леонов, «история вглядывается в лицо нации, вымеряя ее пригодность для своих высоких целей»,¹ поэт мужественной поэтической строкой утверждал веру в жизнь, веру в победу над врагом. И его слово, сдобренное мягкой улыбкой и сочным юмором, иногда печальным, а иногда и острым солдатским, поэтому-то и доходило до сердца и сознания каждого.

В непринужденной форме автор передает маленькие радости и беды бойца на войне, умело показывая незамысловатую солдатскую мудрость:

Обронил я во время похода
Котелок на одной из дорог.
Налетевшая сзади подвода
Исковеркала весь котелок...

Так начинается замечательное стихотворение Сергея Смирнова «Котелок», ставшее затем одной из самых по-

¹ Л. Леонов. Собр. соч., М., 1954, т. 5, с. 7.

пулярных солдатских песен. Оно отличается прежде всего конкретностью и лаконизмом изображаемых деталей, очень точной образностью:

Пострадал неизменный товарищ,
Превратился в бесформенный ком.
Это значило —
 пищу не сварить,
Не согреешь себя кипятком.

С помощью рук и находчивости кое-как удалось исправить котелок, вернуть ему прежнюю форму. На котелок теперь с надеждой смотрел не только владелец, но и его товарищи участливо ожидали, «подведет или нет котелок?».

Первым делом картошку сварили,
В котелке разварилась она.
После этого чай смастерили,
Котелок осушили до дна!

Радость возрождения котелка стала всеобщей, без всяких объяснений чувствуется, как она пробивается сквозь скупые строки. Весело и задорно сообщает автор читателю, что котелок снова начал варить, и неожиданно проводит параллель с головой, превращая котелок в символический образ солдатской сметливости, выносливости и стойкости:

И в наплыве табачного дыма
Сделал вывод бывалый стрелок,
Что для война все достижимо,
Лишь бы только варил котелок!

Разнообразие сюжетов, подсказываемое самой фронтовой жизнью, насыщенной событиями и переживаниями, свежие оттенки, которые поэт постоянно находит, придают его стихам большую живость, легко запоминаются.

Тезис о солдатской готовности к любой службе, к любому заданию во благо победы, получивший во

фронтальной советской лирике широкое звучание, нашел своеобразный отзвук и в поэзии Сергея Смирнова.

В стихотворении «Скромная должность» (1942) герой-возчик внутренне убежден в нужности своей нехитрой службы. Личность солдата проникнута необыкновенной скромностью и бескорыстием, что подчеркивается трогательным отношением героя к своему коню, который тоже ничем не выделяется, он «почти неприметен, самая пегая масть». Но служба связала их жизнь на войне воедино, и солдат полностью разделяет заслуги по службе с четвероногим другом:

Мы наше общее дело
Делаем ночью и днем.
Где не проедет машина —
Я проезжаю с конем. . .

В заключительных словах солдата — осознанная правда войны. Устами своего героя поэт высказывает мысль, к которой пришел сам: исход войны решают не только героизм, но в не меньшей мере терпение, повседневный, обиденный труд и добросовестная служба каждого воина. Вот почему таким достоинством и удовлетворением наполнены слова простого возчика:

Я этой службой доволен.
Конь мой глядит молодцом.
Мы и в грязи непролазной
В грязь не ударим лицом!

Человек большой жизнерадостности, неистребимого морального здоровья, на основе своего фронтального опыта Сергей Смирнов острым словом помогал солдатам не черстветь душой, отгонять тревогу, тоску, воспитывать волю к победе, мужество и стойкость. Оно, по свидетельству однополчан, было огромной поддержкой в самые трудные минуты фронтальной жизни. И хотя Сергею Смирнову бывало подчас куда труднее других, принимая во внимание его далеко не богатырское здоровье, его чуткую и ранимую поэтическую душу, он никогда не

позволял себе расслабиться, поддаться нерешительности или унынию, памятуя, что в его жизнеутверждающем слове товарищи находят опору духа, а это порою было куда важнее хлеба насущного.

«Какое прекрасное чувство от сознания, что ты нужен, — читаем в его фронтовом дневнике. — Анка, исполнительница веселых песен, требует: «Сочини специально для меня частушки на тему «девичьи-задорные»...» Чтец Заботин, бредущийся наголо, чтобы не демонстрировать перед людьми преждевременной лысины, увещевает: «Подумай и дай материал, чтоб сюжет, действие, драматизм и актуальность присутствовали. Дай, а я разыграю все это, аж пальчики оближешь»...

Политотдельский батя Логвиненко знакомит с дивизионной богиней, облаченной в старшинскую робу, санинструктором Аней Масловой. Он отечески глаголет: «Гляди. Любишься. Вдохновись и создай произведение под названием «Девушка в венгерке» в честь вот этой бесстрашной красавицы». А она действительно красавица по всем статьям...

И я, смелеющий сочинитель, не жалея времени и сил, хожу, бормочу свои строчки, размахиваю кулаком сам с собою наедине, ликую и скорблю, не скрываю собственных симпатий к прекрасным однополчанам и однополчанкам и не без внутреннего удовлетворения чувствую, вижу и даже слышу, что мое сочинительское слово тут — да простят меня за нескромность — необходимо».

Знание материала, глубоко освоенная и пережитая тема обеспечили Сергею Смирнову достойный успех. Его произведения пользовались большим успехом у бойцов и командиров дивизии, печатались в «Крокодиле» и становились известными всей стране. Панфиловцы с большим удовольствием принимали и слушали поэта. Очевидцы говорят, что при исполнении стихов Сергей Смирнов бывает и задумчивым, и суровым, и веселым,

поэтическая речь его естественна, сдержанна, порою взволнованна и страстна. Он умеет находить нужные интонации, усиливая тем самым мысль, особенности стиля, подчеркнуть неповторимость формы. Неподдельный юмор, меткая образность, глубина мысли и чувства — вот что зажигало сердца бойцов.

Есть у Сергея Смирнова стихотворение без названия, написанное в боевую ночь с 21 на 22 февраля 1944 года и адресованное Галине Воиновой, с которой он переписывался всю войну. Писалось стихотворение за неимением бумаги на бересте и так было отправлено избраннице. Все в нем просто, обыкновенно, но и сейчас берет за душу щемящей тоской по дому, стремлением обнять любимую...

Озаряемый войной,
Я пишу тебе одной,
Чтобы ты наедине
Вспоминала обо мне.

Я пишу тебе одной
На бересте ледяной,
А береза на огне
Заменяет лампу мне.

У меня над головой
Вал проходит огневой.
И за лесом этот вал
Все сметает наповал.

Небо стонет надо мной...
Я пишу тебе одной,
Чтобы ты наедине
Вспоминала обо мне.

О чем бы ни писал Сергей Смирнов — о мрачной ли выжженной линии обстрела («На линии огня»), или об опустошенной деревеньке («Только так»), или о часах передышки («Эти несколько дней»), или о женской красоте («Есть же девушки на свете...», «Перекур»), — во

всем звучит утверждение подвига во имя мира, «чтоб за плугом пошла борозда, чтоб опять не печалила взора эта милая нам сторона».

Показывая современника, мир его чувств, интересов, нелегкую героическую судьбу, он думал о победе ради будущего своей страны. «Армия идет, оставляя за собой дороги сквозь леса, — записывал поэт в военный блокнот, — идет, оставляя за собой ежедневно по 30—50 километров, а за армией идет тишина, идут земледельцы-труженики. За армией идут железные дороги, аэродромы, идут дымящие трубы, идет тепло оживающих очагов... За армией идет наша власть!»

Наконец-то за долгие годы ненастья проглянули проясняющиеся горизонты. Уверенность в недалекой теперь победе зазвучала в заключительных строках стихотворения «Латышскому стрелку», посвященного писателю Арвиду Григулису:

Ждет земля в тоске военнопленной,
Присмотритесь, как она пуста.
Нам сейчас дороже всей вселенной
Эти штурмом взятые места.
И хотя наш путь —

огонь да глина,

· Все равно ручательство даю:
Мы дойдем до города Берлина,
Мы вернем Прибалтику свою!

Прибалтика. Для нас важны эти вехи на солдатском пути Сергея Смирнова. Они помогают сохранить в памяти не только вершину военной победы, но и проследить путь, начатый «гвардии поэтом» Панфиловской дивизии от стен Москвы в октябре 1942 года и приведший его к концу 1944-го к рубежам Родины. Путь длиною в два с лишним года, каждый из которых равнялся десятилетию.

23 июля 1944 года, несмотря на сильное сопротивление врага, Панфиловская дивизия овладела городом Лудза. 27 июля был взят город Резекне, 5 августа в тя-

желых боях дивизия освободила Мадонский район под местечком Баркава. 14 сентября началась рижская операция с одновременно могучими ударами трех Прибалтийских фронтов...

Все, что довелось увидеть, услышать, пережить в этом грандиозном наступлении наших войск, поэт стремился воплотить в своих фронтовых стихах, отразить в записных книжках, удержать в памяти. Подвиги и страдания людей в Великой Отечественной войне должны стать достоянием будущего. Сергей Смирнов — солдат и поэт — сам был частицей сражающегося народа, вместе с ним познал патриотический порыв и непримиримую ненависть к захватчикам, стойкость в борьбе и мечту о мире. Весь пафос его творчества этих незабываемых дней был в утверждении высоких моральных качеств светского человека.

Уже тогда, вглядываясь в будущее, предвидя послевоенное бытие, поэт далек от его идеализации. Он не ждет после войны легкой жизни. В стихотворении «Только так», написанном на Прибалтийском фронте, трезво оценивая состояние разрухи, которая ожидает вернувшихся с фронта, он с уверенностью говорит о ее преодолении людьми, прошедшими через горнило войны и усвоившими ее уроки:

И пусть не стало
старого причала
И в волосах мелькает седина,
Еще не поздно
все начать сначала!
Нас научила этому
Война.

Панфиловцы уничтожали гитлеровцев в Курляндском мешке, другие воинские соединения били врага за Кенигсбергом, за Данцигом, у Штеттина, в пятидесяти километрах от Берлина, в Карпатах, в Венгрии, Чехословакии... Скоро домой...

Смирнов радовался всей душой возрождающейся жизни, как мог только радоваться человек, безгранично любящий социалистическое Отечество. За поэтическую работу на фронте он был награжден орденом Красной Звезды. Гордясь своим гвардейским рядовым званием, он взглядом очевидца и участника великих военных событий одухотворенно запечатлел победную весну в стихотворении «Эти несколько дней». Оно стало задушевным словом солдатской любви к Родине:

Неужели для нас эти нвы,
Это солнце и эти ручьи? . .
Птица чибиc волнуется: «Чи вы?!»
Не волнуйся, ведь мы же свои.
Мы свои!
И весна эта наша!
И земля эта — снова своя. . .
Из землянки выходит мамаша, —
Все солдаты — ее сыновья. . .

Пусть еще не засеяно поле.
Всюду битый кирпич да зола.
Перед нами — родная до боли —
В первый рейс вылетает пчела.

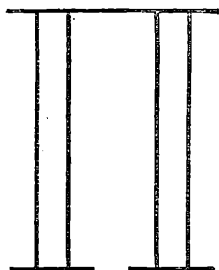
Над рядами берез опаленных,
Над печалью, щемящей сердца,
Будто нежная флейта влюбленных,
Простирается песня скворца.

И на сердце, как тяжкая гиря,
Доминирует дума одна:
Сколько горя посеяли в мире
Эти немцы и эта война. . .

Весну 1945 года Сергей Смирнов встретил уже не на фронте, а в глубоком тылу, на посевной. В ноябре 1944 года его состояние здоровья ухудшилось. Тем не менее он с дивизией прошел до Литвы. Здесь держалась сильная немецкая группировка, предстояли длительные сражения. Начальство в лице комдива Ломова убедило несговорчивого поэта вернуться в Москву для работы над книгой фронтовых стихов, и Сергей Смирнов, тро-

гательно простившись с друзьями-однополчанами, отбыл домой.

В творческой биографии поэта военные годы сыграли серьезную и значительную роль. Его стихи еще больше наполнились размышлениями о жизни и судьбах людей, с которыми ему пришлось делить радость и горе в тяжелый час. Он достиг более строгой конкретности в обрисовке образов. Лаконичнее стал почерк, обогатились поэтические средства, усилилась острота и точность видения, повысилась требовательность к себе, появилось осознанное и глубокое чувство истории и судеб народа. Именно эти ценные качества он сумел мобилизовать и творчески поднять на новую, более высокую ступень.

ПОИСК,

ДЕРЗАНИЕ,

МАСТЕРСТВО

ПУТИ-ДОРОГИ

Январь выдался на славу — морозный, хрустящий, хватающий за щеки и уши. Любого солидного человека эти морозы-весельчаки заставят и попрыгать, и потолкаться, и «поиграть в ладушки». Кругом намело такие сугробы, что в них можно утонуть. Снег окутывает деревья. Они сплошь стоят белые, солнечным блеском ослепляющие глаза...

Была зима 1977 года. Сергей Васильевич Смирнов приехал под Ленинград, в Комарово, с женой. Они получили в Доме творчества светлую угловую комнату, остекленную во всю стенку. Первым делом поэт вывесил снаружи кусочки сала для синиц, затем — вместо того чтобы отдохнуть — уселся писать книгу о своей жизни. Как сейчас помню, он начал работать над нею 12 января, на следующий день после приезда.

Карельский перешеек всегда привлекал Сергея Васильевича своей живописностью и величавостью. Зимой он сюда приехал впервые. Ему особенно нравилось здесь летом, когда суровые хвойные леса, голубые чаши озер, огромные замшелые валуны, причудливо разбросанные повсюду по берегу Финского залива, подчеркивают необоримую прелесть этого края.

Сквозь еловые дебри бронзовеют стволы соснового бора, а за ним, смотришь, и чернолесье, неповторимое

своею красой. Шумит оно, разливается на разные голоса, словно пернатые слетелись сюда со всего света. Под его пышной листвой, под которой укроется не только птица, но и любой зверь, шумят говорливо речушки, перекатываются меж камнями-валунами бойкие ручейки. Раздолье летом и птице и зверю, да и охотникам и рыболовам скучать не приходится. Наступит осень, и забивают вагоны электричек грибники с ягодниками, с пустыми корзинами домой не вернутся. . .

Мне подумалось, что для поэта-лирика необходима добрая и животворная стихия природы, в которой он может черпать успокоение и гармонию. На память пришли строки его стихотворения:

Как хорошо
 прилечь на ворох сена
И отдыхать, итожа прозу дня,
Когда стихает ветер постепенно,
Когда смолкает гвалт и суетня,
Когда закат — в традиционной дымке,
Когда роса — ознобна горяча
И рядом
 из-под шапки-невидимки
Скрипит тележный голос дергача.

В красочных, насыщенных метафорами и олицетворениями, а также психологическими параллелизмами картинах природа изображается как сознательная, активная сила. Такие стихи, как «Елка» (1953), «Шиповник» (1945), «Две розы» (1960), «Кипарис и море» (1967), «Олива» (1967), «Тамариск» (1967), «Виноградная гроздь» (1970), «Тополь» (1971), «Ромашка» (1971), «Гладиолусы» (1971) и другие, навеянные жизненным опытом художника и поэтическими деталями природы, отличаются пластичностью и звучностью.

Я несколько раз наведывался в Комарово к Сергею Васильевичу. Разговаривали о разном, вспоминали первые послевоенные годы, когда поэту пришлось много

шил, что сейчас еще рано сидеть дома со своими задумками, надо вникнуть в дела глубокого тыла, ближе познакомиться с героическими делами тыловиков. Тогда в стихах предстанут фронт и тыл как две стороны победной медали. Все остальное подождет, тем более что вторая книга стихов, в которую вошел и фронтовой цикл, была сделана. Так, вместо того чтобы отдохнуть и восстановить силы дома, устроить по-настоящему личную жизнь, поэт стал подумывать, где бы ему лучше применить свои знания и опыт на пользу общему делу.

И это дело вскоре нашлось. Весной 1945 года центральный орган партии — газета «Правда» организовала специальную выездную редакцию на посевную кампанию в Чкаловскую область. Выбор именно этой области был не случаен. Расположенная в степной и лесостепной зонах с черноземными и каштановыми почвами, она являлась одним из важных сельскохозяйственных районов Советского Союза по производству пшеницы и высококачественного оренбургского проса.

Выездная редакция по сельскому хозяйству не имела перед собой образцов, которым можно было бы подражать, и вопрос о том, как построить работу, долго обсуждался среди руководства, занимавшегося ее формированием. Решено было отправиться со своим вагон-типографией, чтобы иметь возможность менять местоположения редакции по мере надобности, обслуживая каждый раз по одному-два района. В качестве сатирика в выездную «Правду» пригласили тогда еще молодого поэта Сергея Смирнова, зная его по стихам в «Крокодиле». Он, не задумываясь, с радостью согласился.

«„Правда“, — сообщал Сергей Смирнов в письме А. Ф. Зайцеву, — предложила мне на 2—3 месяца быть ее корреспондентом на посевной кампании в Чкаловской области... Вдруг представляется возможность быть участником наступления на противоположной стороне

войны, если можно так выразиться, т. е. на фронте хлебном. Тут же можно собрать материал для новой книги стихов — наш тыл во время войны.

И сейчас, когда все мои годные товарищи-институтцы находятся кто в Восточной Пруссии, кто в Померании, кто еще где-нибудь, прилично ли мне сбросить свои фронтовые доспехи и сесть за парту и смиренно и ревностно уподобиться подведомственным Вам первокурсникам и второгодникам, по сводкам Информбюро нюхающим, как пахнет порохом? . . .»

Первая поездка с выездной редакцией «Правды» на период подготовки и проведения весеннего сева в Чкаловскую область состоялась с марта по июнь 1945 года. Поэт пробыл ровно сто дней в разных районах области и в МТС имени Вильямса.

Получив в Чкалове с помощью обкома партии тесный двухосный вагон для жилья, правдисты приступили к работе по принципу «гвардейского миномета» — выехать в один район, «отстреляться» и переехать в другой район. Такой принцип, как потом оказалось, был наиболее эффективен. Пункты избрали они в трех направлениях от областного центра — к югу (Акбулакский, Соль-Илецкий и Буранный районы), к востоку (Саракташский, Гавриловский), к западу (Сорочинский, Бузулукский и Грачевский районы). Эти пункты характеризовали всю обширную область — от ковыльных акбулакских степей до бузулукской лесной зоны.

За Сергеем Смирновым была закреплена четвертая полоса газеты, на которой из номера в номер стали печататься его сатирические юморески за собственной подписью и шутейными псевдонимами, вроде «Сережа-бригадир», «Сергей Местный» и т. п. Так начался второй фронт — хозяйственный, строительный, колхозный. И не просто фронт, а живые деятели его — строители и пахари, заводчане и лесоводы, руководители коллективов, партийные работники и беспартийные.

Важнейшим условием успешной работы редакции является оперативность в организации материала. Литературные работники разъезжались по району и стремились дать корреспонденции сразу же в номер. В большинстве случаев материалы передавались по телефону. Все работало напряженно. Сознание того, что выполняется важное и ответственное задание, вдохновляло каждого. Стихотворный лозунг, брошенный Смирновым, спрашивал:

Если ты еще не помер,
Что ты сдал сегодня в номер?

Он работал ежедневно, без выходных, с утра до подписания редактором номера в печать. В большинстве номеров газеты, если буквально не в каждом, начиная с первого и по восемьдесят пятый номер, печатались его стихи публицистического звучания, включая Победу над Германией, стихи о борьбе за хлеб (посевная), стихи о труженикахстроек и колхозов, стихи-посвящения конкретным героям трудового кипения, стихи сатирические о конкретных носителях зла (от рядовых до руководящих работников), стихи-частушки, раешники на конкретном материале, басни полнометражно-традиционного размера на самые злободневные темы трудового характера, «окна» для первой страницы газеты — четверостишия-призывы о севе, о предстоящей уборке и хлебосдаче, о строительстве на самых ударных участках.

— Я в эти годы был «каторжанином» выездных газет «Правды», — признается Сергей Васильевич. — Все это было на уровне «государственной марки» сочинительства. В этом я ручаюсь, и у меня вещественные подтверждения — газеты сохранились.

И действительно, если мы посмотрим подшивку выездной «Правды» за 1945 год, то увидим самые разнообразные материалы поэта, направленные на борьбу за урожай Победы. Вот, к примеру, катрены — четверости-

ших призывного плана с характерной для Сергея Смирнова перекрестной рифмой:

Мы на полях широким фронтом
Должны работать без помех.
Кто быстро справился с ремонтом,
Тот сев закончит раньше всех!

Коммунист и комсомолец,
Будь повсюду впереди, —
В МТС, в колхозе, в поле
За собой других веди!

Сорняки всегда снижают
Наш колхозный урожай.
Чтоб добиться урожая,
Сорняки уничтожай!

Сев закончил — не сиди:
Много дела впереди.
Чтоб чисты посевы были,
На прополку выходи!

Весна 1945 года была в Чкаловской области невиданной. После засушливой осени и бесснежной зимы наступил период непрерывных снегопадов, а затем дождей. Природа словно стремилась наверстать упущенное. До марта люди ездили на телегах. И вдруг засыпало снегом степь и все пути так, что ни верхом не проехать, ни пешком не пройти. Стало днем припекать, вот-вот должно было начаться журчание талых вод. Газета немедленно стала мобилизовывать колхозников на установку защитных щитов и окружение полей снеговыми валами, чтобы задержать на них талые воды и сохранить для посевов необходимую влагу.

Особенно много внимания в это время правдисты уделяли вопросам подготовки к севу техники, и прежде всего ее своевременному ремонту. «Как самолет к атакам новым, как танк в колонне головной, так трактор должен быть готовым к началу посевной!» — писал Сергей Смирнов, обращаясь к акбулакским труженикам.

Шестого апреля правдисты прибыли из Акбулака в Соль-Илецк. Стоял солнечный день. Отдельные колхозы начали выборочную пахоту. Газета рассказала о первой борозде. Но восьмого выпал глубокий снег. Не успел он растаять, как выпал свежий. И так в течение двух-трех недель. Затем начались непрерывные дожди. Уходило драгоценное время. На колесные тракторы ставились уширители, но и в таком случае колеса зачастую пробуксовывали, а наворачившаяся на них грязь срывала крылья. Из-за невозможности пустить сеялки колхозы проводили сев вручную.

В таких сложных условиях газете приходилось бороться и за соблюдение правил агротехники и в то же время мобилизовывать людей на быстрее проведение сева, т. е. ориентировать их на приспособление к сложившимся условиям. Журналисты почти постоянно находились в посевных бригадах и не только ежедневно давали для газеты материалы, но и выступали перед колхозниками как агитаторы-организаторы.

В Бузулукский район выездная редакция прибыла в начале июня, когда там весенний сев был уже закончен. Воспользовавшись некоторой передышкой в полевых работах, редакция побывала на знаменитой Бузулукской оросительной системе с двумя водохранилищами на притоках реки Бузулука, общим объемом сорок миллионов кубических метров, обеспечивающей полив 4200 гектаров посевов. Она нуждалась в капитальном ремонте. Газета все сделала, чтобы поднять колхозников и строителей на земляные работы на Домашкинской и Елшанской плотинах, общей длиной 1800 метров, которые были закончены за два с половиной месяца.

Работа «на злобу дня» заставляла поэта обращаться к разнообразным жанрам публицистического и агитационного характера, которые стали неповторимой летописью конца войны и первых послевоенных лет на трудовом фронте. Особенно удавались Смирнову ча-

стушки-коротушки мажорного тона, о чем говорят сами названия: «Акбулакские задорные», «Соль-Илецкие да буранные», «Артельные веселые», «Сорочинские критические», «Ремонтные», «Елшанские ударные», «Посевные завершающие». Всем им присуща публицистичность, обычно в сочетании с юмористической окраской. Некоторые частушки не лишены и сатирических стрел в адрес нерадивых работников:

Невеселые дела, —
Ты мне стала не мила:
Ты на курсах трактористов
Стажировку не прошла...

По какой такой причине
Стынет трактор на меже?
Потому, что он починен
И... испортился уже...

Бесполезны извиненья
И любая речь пуста,
Если нормы выполненья
У бригады ниже ста.

Все сильнее ощущавшаяся в творчестве Сергея Смирнова сатирическая мысль привела его и к так называемому малому сатирическому жанру — басне, эпиграмме. За одну только поездку в Чкаловскую область он написал свыше десятка басен. И основными объектами критики были оторвавшиеся от жизни руководители, чьи «бумажки и слова не улучшают дела» («Ученый Гусь»), лоботрясы, отлынивающие от работы («Орел и Соловей», «Два коня»), расхитители колхозного добра («Суслик»). Все они насыщены до предела морально-бытовой сатирой.

Главный прицел автора — простота без простоватости, цель — быть понятным всем и каждому, даже людям, не искушенным в так называемых тонкостях поэзии, постоянное стремление быть нужным и абсолютно понятным народу. Его биография складывалась на тех

же жизненных путях, что и биография его героев — советских людей, без громких фраз делающих свое будничное дело во имя процветания Родины. Они вошли в стихи прямо из жизни. Это люди труда, такие, как Федор Сальцев, «лучший тоцкий тракторист» («Слава мастерам»), как председатель колхоза Красенко, у которого «хозяйский глаз, боевая хватка» («Председатель колхоза»), как колхозный мальчик-возница одиннадцати лет, живущий интересами взрослых («Возница»), и многие другие безыменные труженики. Сергей Смирнов находится в тесной близости с ними, говорит их языком.

За сто дней — с 19 марта по 28 июня — выездная редакция «Правды» выпустила сто восемь различных изданий общим тиражом около 380 000 экземпляров. Было обслужено восемь районов примерно с четырьмя сотнями колхозов. Газета поступала почти на каждый колхозный двор, посылалась она и в остальные районы области. И то, что Чкаловская область, несмотря на чрезвычайно трудные условия, выполнила план весеннего сева, в этом была немалая организующая роль и правдивостов.

В 1946 году, с 8 мая по 7 октября, состоялась вторая поездка поэта с выездной редакцией «Правды» — теперь на восстановление Сталиногорской ГРЭС под Москвой, разрушенной фашистами. В связи с пуском третьей турбины перед строителями и монтажниками была поставлена задача восстановить электростанцию на мощность выше довоенной. Самоотверженный труд строителей получил достойную и высокую оценку — постановлением ВЦСПС и Министерства электростанций коллективу было вручено на постоянное хранение переходящее Красное Знамя Государственного Комитета Обороны. Это знамя как живое свидетельство трудового подвига рабочих, инженеров, техников и служащих в грозные дни Великой Отечественной войны навечно пе-

редавалось строителям, воодушевляя их на славные дела во имя Родины.

Отмечая, что вручение знамени на постоянное хранение не только оценка уже сделанного, но и призыв к еще более плодотворному и самоотверженному труду, Сергей Смирнов уже в первом номере выездной «Правды» отвечал от имени коллектива электростанции:

Пройдя войну по-взводно
и по-ротно,
Мы и на фронте мирного труда
Своих знамен священные полотна
Не осрамим нигде и никогда!

Снова пять месяцев выпуска ежедневной газеты, и в каждом номере или целая сатирическая страница поэта, или его отдельные стихи, частушки, эпиграммы, призывные плакаты и так далее. Вместе с другими журналистами и литераторами он оперативно откликнулся на все, что волновало строителей, — проблемы производства, быта, культуры, взволнованно писал о передовых людях стройки — стахановцах и ударниках, беспощадно бичевал лентяев, бездельников, бракоделов, чинуш, бюрократов, кто своим недостойным поведением позорил славное имя строителей-знаменосцев, кто мешал коллективу успешно решать поставленные перед ним задачи.

Гвардейцы в бою оставались гвардейцами и в труде, на них газета призывала держать равнение. Мастер отдела главного механика Сталиногорской ГРЭС Михаил Иванович Лимасов получил важное задание: в тринадцать дней отремонтировать опоры энергопоезда. Срок был необычайно сжатый. Работать пришлось и под дождем, и когда сыпал снег. Дули северные ветры. Расставляя рабочих на монтаже, в холодные дождливые ночи здесь, в Сталиногорске, в апреле 1946 года Михаил Иванович вспомнил переправу и бои у Одера. Вспомнил,

рассказал товарищам, и вся бригада в срок выполнила производственное задание.

Трудный боевой путь солдата в продолжении трех войн прошел механик строительного гаража Николай Чушкин. Вернувшись из армии, он приступил к восстановлению разрушенной немцами электростанции. Здесь он применил армейские навыки и привычки — быстроту, точность, аккуратность — и вполонину сократил сроки ремонта автомашин.

Орден Отечественной войны, четыре боевые медали на груди гвардейца Николая Ларева, прошедшего от Сталинграда до Берлина. Цех металлоконструкций можно назвать передним краем стройки. Нужно было создать совершенно новые станки для съема фасок и резки труб для поверхности нагрева котла. Через полтора месяца станки были сданы. За это время слесари бригады Николая Ларева выполнили трехмесячную норму.

Именно о таких людях Сергей Смирнов писал в стихотворении «Победители» в газете 9 мая 1946 года:

Мой друг, вокруг себя взгляни, —
В какую синь река одета,
Какие мирные огни
Горят до самого рассвета.
Как окна светятся в домах,
Как листья множатся на ветке,
Какая сила и размах
В дыханье новой пятилетки!
Таким, как мы, не мало дел,
Чтоб жить на свете лучше стало,
Чтоб каждый город молодец,
Чтоб вся Отчизна расцветала.
Мы в прах развеем силы тьмы,
Тому порукой наша слава.
Законно сказано, что мы
Владеть землей имеем право!

«Ток — Москве! Пустить турбину мощностью 100 тысяч киловатт — в сентябре!» — таково было задание пра-

вительства, за это боролись все. Но с повестки дня не снимались и вопросы организации быта, порядка и отдыха строителей. Здесь сатирику было раздолье, под псевдонимом «Котлов-Турбинкин» он безжалостно высмеивал плохих поваров («Обеденное слово Турбинкина-Котлова»), нерадивых прорабов («Про опоры и мусора горы»), мелких хулиганов («Факир на... 5 часов»), волокитчиков («В конечном итоге»), неудовлетворительную работу ОРСа, гостиницы («Мелкие размышления о крупных явлениях»).

В фельетоне «Законный вопрос» 13 мая 1946 года он рассказывает о грязи и мусоре в поселке, о кромешной тьме вечером на улицах. «Наш поселок — невеселый, между нами говоря, ведь у нас на весь поселок три несчастных фонаря», — заключает он свой фельетон и ядовито спрашивает ответственных за благоустройство: «И ночами видя это, проявляешь интерес, — почему же мы без света, если рядом наша ГРЭС?».

Особенно острыми и популярными стали материалы, печатающиеся в рубрике под названием «Ток в бок». В своем стихотворном вводном слове «Есть контакт!» Сергей Смирнов писал: «Наша основа основ — это в срок дать для Москвы ток!» И далее он продолжал: «В дело направим все силы и знания. Выполним с честью Отчизны задание!..» Ну, а если «будет болтаться болтун не у дел, будет вставать на пути бракодел, будут иные поглядывать косо, пробуя палки поставить в колеса, — мы не допустим! Найдем, проследим, током прохватим! Житья не дадим!»

В начале октября на стройке началось опробование агрегатов стотысячной турбины высокого давления, изготовленной ленинградцами. Сталиногорская ГРЭС — сердце энергетической базы Москвы и Московской области — готовилась сдавать турбину в эксплуатацию, Москва ждала тока.

Почти полгода длилось
наступленье,
 Был каждый шаг
Буквально с бою взят,
За агрегат высокого давления,
За все его сто тысяч киловатт, —

писал он в последнем номере выездной «Правды», веря в успешное завершение строительства.

Заехав ненадолго домой, Сергей Смирнов во второй половине октября 1946 года едет с выездной редакцией «Правды» в Алтайский край на хлебоуборочную кампанию. Весной следующего года поэт вторично выезжает в МТС имени Вильямса.

Это была интенсивная работа — ежедневная, конкретная, оперативная, работа, вмещающаяся в трудовые дела и явно помогающая им. Рабочие и колхозные читатели с живым интересом встречали его острые, колкие материалы. В предисловии к сборнику «Сто коротких басен» он вспоминает, как в редакции «Правды» ему просто заявили: «Мол, вот тебе 4-я полоса, действуй и давай в номер сатиру и юмор на высоком уровне. Я старался изо всех сил. У меня таких четвертых полос, пожалуй, не меньше, чем у сатирического зубра Безыменского. Бывали случаи, когда нашу «выездную» газету читатель начинал читать с четвертой полосы. Я в душе радовался, но виду не подавал, а то авторы других полос обидятся».

Многие материалы Сергея Смирнова публиковались не только в выездных, но и в центральной «Правде», в «Литературной газете», в «Крокодиле», не говоря уже о всякого рода местной печати. Адская, но действенная была работенка. Это сотни газетных сочинений, а строчкам тут несть числа. Это больше тысячи стихотворных строк, причем без единой приблизительной рифмы.

С декабря 1947 года в выездной «Правде» и «Литературной газете» Сергей Смирнов два месяца сотруд-

ничал на бумажном комбинате в Балахне в составе писательской бригады, в которую кроме него входили А. Безыменский, М. Луконин, М. Амшинский и А. Кронгауз. Стране и писателям нужна была бумага.

Балахнинский комбинат является гордостью страны. Это прекрасное предприятие, о котором в 1929 году Максим Горький писал восторженные очерки. На бумаге этого комбината печатаются «Правда», «Известия» и сотни других газет, которые несут в массу культуру, знания, распространяют опыт лучших людей нашей Родины. Это всегда ко многому обязывало бумажников, выпускающих продукцию огромной важности и участвующих в строительстве социалистической культуры.

Близился к концу 1947 год — второй год послевоенной пятилетки. Трудящиеся нашей страны с огромным подъемом встретили Постановление партии и правительства о денежной реформе и отмене карточек. Люди понимали важность этого исторического Постановления, способствовавшего дальнейшему укреплению народного хозяйства Родины, улучшавшего материальное благосостояние трудящихся.

В ответ на постановление передовые люди комбината, как и других предприятий страны, встречали наступление нового года трудовыми успехами, повышением производительности труда и улучшением качества бумаги. Досрочно закончил годовой план коллектив целлюлозного завода, получивший переходящее знамя комбината. Древесно-массный завод стал вырабатывать ежедневно не менее 321 тонны древесной массы отличного качества. Однако в целом комбинат не справлялся с производственным планом и своими обязательствами.

Бригада писателей активно включилась в борьбу за каждую тонну сверхплановой бумаги. Ее руководитель Александр Безыменский через газету комбината «Правдинский бумажник» обратился к рабочим со следующими словами:

Дружной семьею
родные всегда,
Мы, выполняя задание народа.
Ринемся вместе,
штурмуя года,
В бой за победу
на фронте труда
За пятилетку
в четыре года!

Стихи А. Безыменского, М. Луконина, А. Кронгауза, написанные на конкретном материале, делали свое дело. К ним прислушивались, их одобряли. А на коллючие юморески, фельетоны, эпиграммы Смирнова, публиковавшиеся в придуманной им рубрике «Бракомолка», приходилось давать объяснения соответствующим товарищам, которые несли ответственность за неполадки, чуть ли не в каждом номере газеты в разделе «По следам бракомолки».

Как бы там ни было, а помощь писателей ощущалась. Отстающие бригады подтянулись, повысилась культура и чистота в цехах, не стало простоя бумагоделательных машин по вине ТЭС, улучшилась в поселке работа сферы обслуживания. И не случайно подобная выездная бригада была сформирована в Ленинграде в начале февраля 1948 года и отправлена на строящийся комбинат в Кондопогу. В нее вошли Геннадий Фиш, Владимир Дмитриевский, Николай Клименко, Михаил Шур. Туда же был откомандирован и Сергей Смирнов с Балахнинского комбината как опытнейший публицист-организатор и поэт-сатирик, хорошо чувствующий пульс жизни производственного коллектива.

Сохранилась телеграмма, подписанная А. А. Фадеевым и направленная в адрес выездной редакции в Кондопогу. Приведем ее полностью:

«Кондопога, Карело-Финской ССР.

Выездной редакции советских писателей.

Союз советских писателей СССР шлет сердечный привет рабочим, служащим, инженерам досрочно вступившего в строй Кондопожского целлюлозно-бумажного комбината имени С. М. Кирова.

Горячо желаем вам, дорогие товарищи, больших производственных достижений в великом и почетном деле — снабжении высококачественной бумагой украинской и белорусской большевистской печати.

Желаем вам успехов в социалистическом соревновании бумажников Советского Союза.

Генеральный секретарь Союза советских писателей СССР Александр Фадеев.

Члены секретариата: Константин Симонов,
Николай Тихонов, Александр Корнейчук,
Борис Горбатов.

Москва, 11 февраля 1948».

Началась борьба за культуру производства, за выпуск 40 тонн бумаги в сутки. Насколько действенной была помощь выездной редакции в этом направлении, можно судить по фактам.

14 февраля газета «Ленинское знамя» широко подала материалы редакции о бригаде мастера Метелева, которая за смену накатала 15 тонн бумаги, выполнив задание на 112 процентов. Были сообщены и причины отставания других бригад, особенно плохо работала смена мастера Садовского, вырабатывавшая всего 7—8 тонн. В последующие дни под контроль редакции была взята работа всех трех смен. Дезорганизаторам производства, разгильдиям, пьяницам, прогульщикам был дан беспощадный бой, газета потребовала привлечения их к суровой ответственности. О соревновании между сменами стали выпускаться листки-«молнии». Вскоре комбинат набрал нужные темпы и вышел на плановые показатели — 40 тонн первосортной газетной бумаги в сутки!

И вдруг начались перебои с поставкой комбинату

целлюлозы из других мест. Владимир Дмитриевский и Николай Клименко немедленно направили телеграмму министру целлюлозно-бумажной промышленности СССР. Через несколько дней был получен ответ, в котором сообщалось, что «дано указание обеспечить комбинат целлюлозой из расчета ежесуточной выработки бумаги сорок тонн... Всего в феврале будет отгружено 300 тонн, в марте — 500 тонн, в том числе с комбинатов Иоханес и Кексгольм по двадцать вагонов». Далее, обращаясь к выездной редакции писателей, министр писал: «Уверен, что коллектив комбината, с вашей помощью, выполнит обязательство по ежесуточной выработке первосортной газетной бумаги в феврале не менее 40 тонн, а в марте — 60 тонн».

Свою работу сатирика-правдиста Сергей Смирнов сочетал с оперативной и постоянной работой в «Агитплакате», органе Союза писателей СССР и Союза художников СССР, и в издательстве ЦК КПСС «Плакат». С его участием выпущены сотни политических плакатов на острейшие политические события в мире, тематических подборок на внутренние и международные темы, альбомов к знаменательным датам. И все это в соавторстве с лучшими художниками — плакатистами и карикатуристами. Недаром дома у Смирнова висит плакат, где поэт изображен скачущим на Пегасе с авторучкой наголо. А на знамени, которое развевается над ним, написано: «Правофланговому издательства „Плакат“».

В эти годы поэтом были написаны такие замечательные стихи, как «У себя дома» (1945), «Звезда моя» (1945), «Шинель» (1945), «С добрым утром» (1947), «Зима в степи» (1948), «Степь» (1949) и другие. Гражданским пафосом наполнены его поэтические строки. Они полны дум о недавних боях, о радости возвращения домой, о завоеванном нелегкой ценой мире и его судьбах. Пронизанные любовью к современникам, помню-

ской четкости изображения, в котором переплелось трагическое и радостное.

С художественной силой убедительности запечатлен поэтом неповторимый миг свидания отвоёвавших людей с Отчиной в стихотворении «Воспоминание» (1945). В поезде, пересекающем границу, к возвращающимся домой воинам приходит воспоминание о тех местах, «где памятной зимою солдаты жили в пепельном снегу». С гордостью и удивлением смотрят они из вагонов на всю огромную, измеренную солдатским шагом и освобожденную ими в кровопролитных боях землю:

И поезд, скорость набирая,
Бросает дым на грудь земли,
И нет земле конца и края,
А мы ее
 пешком прошли!

Слова эти по мысли и выразительности перекликаются со стихами ленинградского поэта Александра Прокофьева, сказанными в поэме «Россия»:

Они идут, и сотни верст
Сломить их не смогли,
И если б путь их был до звезд,
Они б его прошли!

Пройдя войну и на своих плечах испытав все ее тяготы, поэт понял, как неизмеримо много значит для человека родной дом. «О хорошем, как правило, помнит любой», — говорит он. Он видел, как «оттаивали души» истрадавших на страшной войне людей, как теплели их взгляды, с какой радостью воспринимали они забытые уже маленькие житейские мелочи, о которых он писал в стихотворении «У себя дома», по-прежнему от первого лица:

Как смешно!
Давно ли, завывая,
Смерть меня искала невпопад,

А теперь читаю у трамвая
Надпись:
«Осторожно, листопад!»

И не шутки ради,
А скорее
Привыкая вновь нормально жить,
Я в зеркальном зале брадобрею
Говорю:
— Побрить и освежить!..

«Да, он вернулся с войны лириком, — писал о Сергее Смирнове Михаил Алексеев, — таким глубоким оказался родник его души, — много еще прольется на сердце читателя чистых и звонких капель из этого дивного родника». ¹

Послевоенные годы работы поэта — годы творческого расцвета, полные литературных замыслов и успехов. Он изъездил страну вдоль и поперек — от берегов Днестра до Малой Курильской гряды, от Мурманска до границы Таджикистана, весело и убежденно утверждая: «Человек без нового задания — все равно что печка без огня». Эти поездки по стране расширили горизонты художника. Он знакомится с Уралом, Сибирью, Дальним Востоком, работает на Курилах, в Средней Азии. Как журналисту ему приходилось внедряться в самую гущу жизни, человеческих взаимоотношений, изучать характеры людей.

Трудное послевоенное время ознаменовалось могучим напряжением сил народа, направленных на восстановление страны. Мирное небо, вера в конец всего жестокого, несправедливого, что принесла с собою война, поднимали людей на самоотверженный труд. И хотя сатирику-правдисту приходилось сталкиваться прежде всего с теньвыми сторонами жизни — воровством, бю-

¹ М. Алексеев. Гвардии поэт. — Октябрь, 1962, № 9, с. 210—211.

рократизмом, злоупотреблениями, — главным для него оставалось то великое и светлое, ради чего отдали на фронте жизнь его товарищи, — счастье мирной жизни в социалистическом Отечестве. Он видит, как из руин на глазах возрождаются и растут города и поселки, как зажигаются огни новых электростанций, как поднимаются хлеба на вновь вспаханных землях. . .

Сергей Смирнов очень точно передает пульс времени, который чувствует с особой остротой. Он стремится глубже осмыслить происходящие явления, в обыденном увидеть значительное содержание, раскрыть в стихах характерное для послевоенных лет. Но о чем бы он ни писал — будь то село, «где школа небогата», или Волга — «сердечной радости река», или дорога, «седая от пыли», или «родная степь», — во всем пронзительно звучит тема любви к Родине, тема преданности ей:

И пусть за мной несутся огорченья,
Я жить люблю с поднятой головой,
И потому любое порученье
От родины приму, как рядовой. . .

Чувством Родины и мыслью о человеке труда наполнены его стихи и поэмы, песни и путевые записки второй половины сороковых — начала пятидесятых годов. В них поэт развивает мысль о том, что все прекрасное рождается свершением трудового подвига народа. «Нынче мало Родину любить, — заявляет он, — надо, чтоб она тебя любила». И добавляет: «А таким не просто стать и быть!»

В конце 1945 года решается личная судьба поэта: Галина Николаевна Воинова, с которой он был в долгой разлуке и близкой переписке, наконец возвращается в Москву и вскоре становится его женой. О том, как складывался семейный уют в первые совместные годы с ней, Смирнов описывает в своем шутовском стихотворении «Откровенный разговор» (1948):

Ночь. Температура нулевая.
Город все огни свои зажег.
Дворникам пощады не давая,
Неустанно падает снежок.
На глазах у милиционера
Он в трамвай садится на ходу...

Я по незатоптанному скверу
Со своей единственной иду.
А она сердито мнет перчатки
И упреки сыплет то и знай:
Мол, примчался чуть ли не с Камчатки
И опять готов хоть на Дунай.
Дескать, я оседлости не знаю
И теряю к дому интерес.
То меня уводит посевная,
То ремонт какой-то дальней ГРЭС.
И выходит — будто путь далекий
Мне дороже нежности любой...

Конечно, на все эти упреки давались соответствующие разъяснения и клятвенные заверения, с которыми волей-неволей избраннице его приходилось соглашаться. Зато теперь, когда он возвращался из бесконечных командировок по стране в Москву, самой дорогой наградой за труд, за усталость была любовь его жены, ждали простые радости земного счастья, уют домашнего очага.

В автобиографическом стихотворении «Молодые» (1948) поэт поведал читателям, каким счастьем стала для него женитьба на Галине Воиновой. Радостная, светлая тональность не оставляет никаких сомнений в этом. Впрочем, легкая доза юмора надежно защищает все личное, неприкосновенное от нескромных взглядов, да и от возможного в таких случаях привкуса сентиментальности. В. Кочетков справедливо замечает, что «поэт с первых шагов свой лиризм прятал под маской иронии»,¹ и черта эта составляет одну из важнейших особенностей его поэзии.

¹ В. Кочетков. Служба поэта. — Молодая гвардия, 1974, № 12, с. 244.

Стихи, которые позднее составили лирическую подборку «Избранница» (1962), как бы впитали чувства многих тысяч таких же, как Сергей Смирнов, молодых и горячих сердец, жаждущих любви и сочувствия своих любимых, стремящихся получить их поддержку, свидетельства верности и любви:

Сердце,
 будто птица-невидимка,
За прекрасным гонится вослед
И на всех житейских поединках
Побеждает
 тридцать с лишним лет.
(«Признание», 1953)

Разговор о любви ширится и превращается в разговор о жизни в ее самых разнообразных проявлениях, и в первую очередь о том, что больше всего волнует поэта, — о творчестве. Отправленный от конкретного лица, образ женщины-друга в стихах Сергея Смирнова содержит ту меру обобщения, которая позволяет видеть в нем типический образ современницы. В ее чертах мы наблюдаем соединение женственности и силы, характера и интеллекта. Не боясь трудностей и лишений, такая женщина — человек все понимающий, готовый в любую минуту прийти на помощь другу. О том, как важно для человека, чтобы рядом с ним была надежная, любящая жена, говорят благодарные строки поэта, обращенные к ней:

Благодарю тебя за смелость
Делить со мною час любви.
За то, что лучше стать хотелось
От редкой близости с тобой...
(«Я уезжал и снова еду...»)

Галине Николаевне поэт посвящает свои лирические песнопения. Имя ее мы встречаем на многих страницах поэтических сборников. Ей первой он дарит свои новые книжки стихов с надписями. Переработал он с учетом

критики и свою первую поэму «На верхней Волге». Емче стали в ней образы Алексея и Галины, более аргументирован и их отъезд на Дальний Восток, на Сахалин, «где рабочие руки, как воздух, нужны». «Сахалин — это наша земля, и на ней, — говорит поэт, — ждет работа бесстрашных девчат и парней». Поэма в известной степени программна. Речь идет об утверждении Смирновым в лирике героя — гражданина, патриота и хозяина Родины.

В 1947 году Сергей Смирнов был принят в члены Союза писателей СССР и с этого времени полностью перешел на творческую работу. Годом позже свою работу над стихами поэт стал сочетать с преподаванием, получив партийное поручение от Секретариата Правления Союза писателей СССР возглавить творческий семинар поэзии в Литинституте.

В конце 1948 года выходят сразу два новых сборника стихов поэта — «От первого лица» в издательстве «Молодая гвардия» и «С добрым утром» в издательстве «Советский писатель». В них вошла вся лучшая довоенная лирика Сергея Смирнова, стихи и песни военных лет и послевоенные произведения 1945—1947 годов. Читатель вновь после почти десятилетнего перерыва получил возможность встретиться с творчеством поэта в его полном, объемном виде — около ста стихотворений он получил в свои руки, — количество вполне достаточное, чтобы составить представление о поэте.

Нужно сказать, что откровенная партийная позиция Сергея Смирнова в поэзии, с которой он убежденно и талантливо воспевал родную землю и свой народ-труженик, с отвращением отвергая мир мещан и пошляков, их увиливание от честного труда и увлечение всем чужеземным, не нравилась кое-кому из эстетствующих критиков и писателей. Они всячески стремились пре-

уменьшить значение оптимистической и принципиальной поэзии художника или замолчать ее.

Выход двух поэтических книг, идейно ясных, взволнованно и радостно отразивших современность и психологию героев, которые «заведуют цехами, рисуют, пашут, и куют, и занимаются стихами, и даже арии поют», позволил читателям почувствовать свежий и щедрый талант. Заметили его и большие мастера поэзии. Михаил Луконин, выступая на собрании поэтической секции Союза писателей в Москве с итогами 1948 года, сказал:

«В этом году в нашей лирике широко зазвучал нежный и веселый поэт Сергей Смирнов, пришедший с книгами «От первого лица» и «С добрым утром». В том, что для нашего читателя он прозвучал новым именем, или почти новым, в этом в большой степени виноваты те эстеты и космополиты в нашей критике, с которыми мы сейчас ведем борьбу. Их не устраивала простота и народность, чистота и высокая идейность этого вполне зрелого и совершенно самостоятельного поэта. Виновата и наша поэтическая среда, которая невнимательно отнеслась к скромному человеку. Его поэтическое начало еще больше десятка лет назад обратило на себя внимание читателя. Первая книга стихов Смирнова «Друзьям» была замолчена тенденциозно. Больше десяти лет Смирнов был без читателя, и только присущее ему мужество и поэтический дар не позволили ему растерять уверенности в себе...»¹

Слова Михаила Луконина о мужестве и поэтическом таланте Сергея Смирнова подтверждают еще раз старую истину, что только нелегкие испытания делают человека сильным и уверенным в своих способностях. Поэт скромно совершал свой подвиг, находясь среди солдат

¹ М. Луконин. Проблемы советской поэзии. — Звезда, 1949, № 3, с. 194.

и будучи сам солдатом, для них он писал, и они наградили его почетным званием «гвардии поэт», самым высоким званием, каким только мог наградить любимого поэта народ.

Основным достоинством Сергея Смирнова является его умение показать величие простого человека, оптимистичного, наделенного отзывчивостью и скромностью, так присущими русскому характеру. Как никогда, он задумывается о своем месте в жизни: «Вам не понять, что значит — все уметь, быть сыном лучшей Родины из родин, а на билете воинском иметь печать с обидной прописью — не годен. Его военная и послевоенная поэзия на редкость точно отражает и личные особенности автора, и родственную связь его духовного мира с живыми, насущными задачами переживаемого времени. Это и дало право Михаилу Луконину с писательской трибуны прямо и откровенно заявить:

«К нам пришел еще один хороший поэт, и мы радуемся этому. Критика должна испытать стыд за то, что такого поэта нет в антологии русской поэзии, например. Составители сборников «Стихи фронтовиков», «Земля молодости» и других украли у наших читателей настоящего поэта с чистым лирическим голосом, с мягким юмором русского человека, с великой любовью к родине. Этот поэт имеет полное право говорить от первого лица, потому что его мысли и чувства совпадают с мыслями и чувствами советских людей».¹

Не сразу Сергей Смирнов занял среди многих других поэтических имен свое заметное и резко отличающее его место. Постепенно складывался и развивался талант поэта, приобретая и остроту видения, и максимальную краткость, и ясность передачи мысли, и неумную задорность. С годами крепло его мастерство, от книги

¹ М. Луконин. Проблемы советской поэзии. — Звезда, 1949, № 3, с. 194.

к книге насыщаясь убедительными лирическими образами, вырабатывался индивидуальный почерк. Стремление к философскому обобщению и осмыслению эпохи направило творческий поиск Сергея Смирнова по трем направлениям: лирическому, юморо-сатирическому и эпическому. Тенденция работать в разных жанрах поэзии наметилась еще до войны. В результате сложился очень интересный и редкий у нас тип поэта, отличающийся широтой своих творческих возможностей.

ЛИРИК

В его лирике отразилась полувековая жизнь страны. Уже первая книга стихов поэта «Друзьям» была согрета ее дыханием, озарена ее светом. Тем, кто строил новую жизнь, он и адресовал свою книгу, рассказывая о безрадостном детстве и полной надежд юности, о красоте нашей земли и характерах настоящих людей, с которыми шагал по жизни светло и весело. Но пришла война и омрачилось небо над страной, а земля, истерзанная свинцом и огнем, была залита кровью его соотечественников.

Против смертного врага — полчищ Гитлера — встал народ от мала до велика. Вместе с ним был и Смирнов, он шел с боями на запад. Поэт слился с жизнью красноармейской массы. И здесь началось второе рождение Смирнова как армейского поэта, вкусившего радость победы и сладость возвращения домой. Пройдя через нелегкие испытания войны, он сохранил тем не менее юношески непосредственное восприятие жизни. Окидывая взглядом свое будущее, он запросто, с улыбкой заявляет:

Если смерть ушла как таковая,
Если я вернулся невредим,

Значит, будем жить, не уставая,
И себя в обиду не дадим!

«Человек неистребимой жизнерадостности, — писал о нем еще в 1946 году Павел Антокольский, — с легким характером, со светлым юмором, он как будто целью своей лирики ставит утешать и просветлять читателя в трудную для него минуту. К этому надо прибавить, что Смирнов изрядный мастер, он умеет дружить со словом, и строкой, и рифмой. Стихи складно сделаны, хорошо и крепко прилажены. У него хорошая выдумка и почти в каждом стихотворении есть зерно сюжета».¹

Окрыленный поддержкой товарищей по перу, Сергей Смирнов пишет и издает подряд еще два сборника стихов — «Наш дом» (1949) и «О самом сокровенном» (1950), говорящих о значительном росте поэта, углубленном и последовательном развитии лучших сторон его творчества.

О его стихах узнала вся страна. Узнала и полюбила, Навсегда. Сбылось предсказание Ярослава Смелякова, который вслед Михаилу Луконину, решительно поддерживавшему талант Смирнова, утверждал: «Читатель полюбит Смирнова за естественность интонации, за доброе остроумие, за то, что он говорит с ним простым, понятным языком, как писатель-товарищ, пожалуй даже не говорит, а беседует, за то, что обо всем пишет как хозяин, а не посторонний наблюдатель».²

В стихах поэт делится с читателем сокровенными мыслями и чувствами, радостно и гордо говорит о своем доме, где живет, подразумевая и страну в целом в ее послевоенном строительстве. В них — мечты и надежды Сергея Смирнова, пронесенные через грозные годы. Да-

¹ П. Антокольский. От первого лица. Рецензия. (Из архива поэта).

² Я. Смеляков. Простые и веселые стихи. — Лит. газ., 1949, 15 июня.

же слова, обращенные к маленькой дочке в лирическом стихотворении «Наташе» (1948), становятся словами гражданина, патриота, который уверенно смотрит в будущее и «державу на тысячи верст протяженьем он считает своим основным сбереженьем!».

Художник видит в жизни подлинную поэзию, которую и приносит в стихи. Ему все интересно, и потому героями стихов стали жизненно достоверные, простые люди самых различных профессий: энтомологи, сельские механизаторы, трактористы, агрономы, парикмахеры, бухгалтеры, печники и многие другие люди, поглощенные каждый своим, пусть небольшим, но нужным делом.

Чем же привлекли они внимание и симпатии Сергея Смирнова, что особенного он нашел в них? Ответ мы находим в самих стихах. Вот, например, скромный сторож лесопитомника Клим Лукич из одноименного стихотворения. Старик этот, увидев, что на прополку лесополос тратится много лишнего времени, остроумно придумал сажать «посреди дубков и кленов» бахчевые культуры. Результат превзошел ожидания:

Чуть колышется от ветра
Юный лес — зеленый друг.
Полосатые, как зебры,
Кавуны лежат вокруг.

А Лукич итожит вкратце:
— Во, какая благодать...
А ведь если разобраться —
Из Кремля ее видать!

Старик сторож дорог поэту и нам государственным подходом к делу. Запоминается он крестьянской смекалкой, сочным языком, колоритной фигурой. «Вот он, — говорит поэт, — руки под бока. Бородища Льва Толстого и фигура бурлака». В его рассуждениях чувствуется ум, характер, личность.

Умение найти и изобразить яркие натуры людей,

одержимых трудом, принципиальных в решении жизненных вопросов, является большой заслугой Сергея Смирнова. Легко заметить, что, опираясь на главный критерий в оценке людей — на их кровную заинтересованность в общественной пользе своего труда, поэт сам испытывает истинное счастье, рассказывая об активной созидательной деятельности граждан. Но отсюда — не только удачи, но и промахи.

Труд в отдельных стихах предстает слишком опозитизированным, лишенным жизненных трудностей. В некоторых стихотворениях («Весна в степи», 1949; «Хозяйственная женщина», 1949) картины сельской жизни имеют идиллический характер. В других стихах можно заметить «крен» и в другую сторону. Когда поэт начинает вникать в детали отдельных трудовых процессов, чем грешил иногда и раньше, стих оказывается перегруженным подробностями, интересными разве что специалисту («Культурная вспашка», 1949; «Уборка хлеба», 1949). Постигает Смирнова неудача и тогда, когда он отступает от своих принципов и пытается специально посмешить читателя, впадая в эстрадность и теряя чувство меры, как, например, в стихотворении «Званный гость» (1948).

Мы приводим эти примеры, чтобы показать искания поэта на следующем этапе его творчества. Вступив в долгожданную мирную явь, он обращается к новым темам, ищет свои средства отображения советского образа жизни. Не сразу обретает он необходимое равновесие между вдохновенным полетом романтических чувств и земным притяжением реализма. Однако вскоре естественное взаимопроникновение реализма и романтики, каким характеризуются особенно образы его поэм и публицистических стихов, составило одну из примечательных черт поэзии Смирнова.

Удивительно тонко и остро поэт подмечает детали нового уклада жизни, те перемены, которые произошли

в послевоенном быту. Леонид Ершов в статье «Суровая доброта», раскрывая особенности творческой личности поэта, показал, что «с самого начала своей деятельности Сергей Смирнов чутьем уловил новое, перспективное направление в лирике», избрав объектом поэзии обыденное, ведя «поиск необычного в простом и обычном». Именно этот путь, говорит критик, привел поэта к открытию «целого пласта жизненных явлений», поэтических объектов, помог ему найти в творчестве и передать «исторически сложившийся русский национальный характер»,¹ которому чуждо все показное, кричащее.

Особое внимание Сергей Смирнов уделяет изображению послевоенного поколения. Молодые герои его стихов наделены также высоким чувством ответственности за судьбу Отчизны и человечества. В стихотворении «Утро синее-пресинее...» (1950) в обобщенной символической форме выражается уверенность в том, что молодежь, идущая на смену ветеранам, не подведет, окажется сильной и жизнеспособной:

Поглядишь на них — и верится,
Что сумеют на пути
С бурей силами померяться,
Где не хожено — пройти...

В стихотворении «Русалка» (1949) молоденькая девушка приезжает в район, чтобы «создавать пруды и водоемы». Интересно отметить, как поэт через необычный штрих в биографии девушки рисует комическую ситуацию, делая стихотворение сюжетным и интригующим: «Не в реке, не в омуте бездонном, где ютятся щука да карась, нет, на суше нашего района юная русалка завелась». «Вы откуда?» — спросили девушку. «Я со дна морского!» — ответила она, к удивлению всех. Оказалось же в конечном счете все просто. Родилась

¹ Л. Ершов. Суровая доброта. — Нева, 1963, № 5, с. 145—153.

она «в городе Мологе, — ныне море Рыбинское там». Вот ее и прозвали Русалкой. Благодаря энергии и убежденности она добилась того, что вскоре стали везде видны плоды ее труда.

Другая энтузиастка из стихотворения «Хозяйственная женщина» — Татьяна Львовна — всей душой предана делу озеленения бесплодных степей, и ее стараниями среди песков возникли оазисы. А вот еще пример симпатичного героя стихов Сергея Смирнова — летчика-испытателя, беззаветно преданного своему важному делу:

Он выше всех
 наполнил небо гудом:
Мелькает, как гимнаст на турнике,
Он метеором падает оттуда
И, сея страх, выходит из пике!
Ему земля дорожку стелет гладко.
Моторы песню кончили свою.
И тут —
 благополучная посадка.
Все ждут его, как главного судью...

(«Испытатель», 1950)

В деятельности подобных людей, в их неуспокоенности послевоенная жизнь приобретает неповторимую окраску. Герои Смирнова — это созидатели по своей сути. И из этой сути вытекают моральные основы их жизни.

Нужно отметить, что ощущение подлинности, документальности никогда не покидает читателя при знакомстве с лирикой Смирнова. Эта близость к подлинным фактам подчеркнута открыта, конкретна, не отягощена художественным домислом.

Стихотворение «Точка зрения» (1949) подводит нас к вопросам человеческих отношений, воспитания социалистической морали, проблемам воспитания личности. Решающее слово поэт предоставляет не педагогу, не юристу, не психологу, а человеку не менее благородной профессии — лесоводу, который все плоды своих трудов

посвящает будущим поколениям. Увидев уничтоженные кем-то сажены, лесовод хоть и сокрушается и «сердито крутит уникальные усы», однако не предается мстительному чувству, не грозит преступнику штрафом, у него для воров другая кара. В своем суждении он опирается на общее благо:

Виноватого к ответу
Привлекай и так суди:
Срезал деревце — за это
Сотню новых посади!

Поэт не ограничивается простым показом духовных ценностей человека. Он понимает, что нравственные силы воспитываются в противостоянии жизненным трудностям, в борьбе, порою в конфликтных ситуациях. Без навязчивой дидактики, подчеркивая лишь самое существенное в случившемся, Сергей Смирнов умеет выделить главное: совесть, честь, достоинство, если их разбудить в человеке, дают такие добрые всходы, каких не добиться никакими наказаниями. Собственно, об этом и стихотворение «Случай местного масштаба» (1949).

Чтобы написать небольшие сюжетные стихотворения, отличающиеся искренностью и непритязательностью, насыщенные добродушным балагурством, нужно было не столько умом, сколько сердцем разглядеть человека, понять его жажду жизни, рвение к труду, к творчеству, его увлечения и слабости. Сказался опыт журналистской работы, понимание самых разнородных забот страны, общества. Интересы к отдельной личности в творчестве лирика ничто не заслоняет, он воспринимает народ как сложное единство, состоящее из индивидуумов.

Опираясь на народный язык, на понимание нравственной атмосферы, в которой жил и трудился человек в послевоенные годы, Смирнов в стихах сумел отобразить многообразие времени, настроения людей, новые

ростки и течения. В этом истинное новаторство художника.

Конечно, как и у любого поэта, даже самого крупного, у Сергея Смирнова тоже не все стихи можно отнести к числу значительных поэтических удач, но тем не менее все они убеждают своей жизненной достоверностью и лиричностью, как мы уже говорили. Что же до взгляда во внутренний мир героев, то глубина его выражается раскрытием характеров в действии, в труде, в жизненной обстановке, а это немаловажно и является достоинством всякого поэта, только не у всякого получается. Умно и тонко используя словесные контрасты — обычного и необычного, великого и мелкого, комичного и драматичного, он щедро воссоздает жизнь в ее повседневности и величии.

Известно, что дорога рождает стихи, поэмы, книги... У Сергея Смирнова немало путевой лирики, есть циклы стихов, посвященные его встречам с обширной родиной, с дальними странами, чужими краями... Сильное впечатление на поэта произвела поездка на Дальний Восток, на Сахалин и Курильские острова.

Огромный путь, проделанный в экспрессе через всю страну «от Москвы до восточной границы», получил интересное поэтическое воплощение в стихотворении «Москва—Владивосток», небольшом, но ярком по живописи и свежем по мысли. Написанное анапестом, с добавлением безударного слога в конце первой и третьей строк, оно как бы вторит мерному перестуку колес. И, вплетаясь в этот ритм, перед читателем то появляется «кипящее золото ржи и пшеницы», то возникают «гранитные кручи Урала», то «степь за квадратом окна». А за перевалом — Сибирь, в золоте хлебов, и тайга, тоже золотая. Над Байкалом — «восходящее солнце червонно сверкало на граненых штыках пограничных

солдат», сам же Байкал «в щетине лесов, как старик, бородат». Вот и Забайкалье, и снова меняется природа: «Дремучая цепь Акатуя. То обрыв, то скала, наводящие страх». Чередование контрастных по окраске и настроению картин, освещенных солнцем, завершается к концу путешествия перспективой раскинувшегося во всю ширь Великого, или Тихого, океана:

И в местности той
Встала бухта подобие синего рога, —
Эту синюю бухту зовут Золотой.
Побежали огни
 на прибрежные взгорья,
Воедино сливаясь, манили они...
И казалось,
 что рядом с огнями Приморья
Продолжались
 Москвы
 золотые огни

Дальний Восток с его экзотикой, первозданной красотой природы пробудил в воображении поэта немало богатых художественных образов, зажег самые яркие краски на его поэтической палитре — синюю, червонную, золотую, зеленую. Оригинальные метафоры, как драгоценности, умело вкраплены в стихи этого цикла: «Вода с разбегу прыгает ко мне, недолговечный жемчуг создавая» («Дальневосточное утро», 1950), «Ударят волны острову в бока, да так, что пробуждаются вулканы и лавой прошибают облака» («На дальней границе», 1950).

Зримо и заманчиво раскрывает свой первозданный мир уссурийская тайга, «и чудится — здесь только что Арсеньев прошел с ружьем и книжкой записной» («В тайге Приморья», 1948). Художник реагирует на шорохи дикой тайги, пропитанной влажным океанским воздухом, самыми разнообразными струнами своей души. Впервые с таким богатством лирического восприятия он передает свежесть и девственность окружающего мира:

Здесь тигры об деревья точат когти,
Вынюхивают тайны ветерка.

Крадутся волки за кабаньим стадом.
Почуяв мед, медведи пчел зорят.
Олень, пятнистым хвостая нарядом,
С оглядкой щиплет дикий виноград.

В низину скачет речка голубая.
На дальних кручах первый снег залег.
Товарный поезд, гору огибая,
Везет дальневосточный уголек. . .

Стихи о Дальнем Востоке будоражат, зовут за собой в путь. . . Реальное стображение действительности сочетается в них с романтической приподнятостью. Помимо художнического видения окружающего мира природы, которое никогда не покидает Сергея Смирнова, пристальный взгляд поэта-гражданина все время заинтересованно всматривается в жизнь людей этих далеких от Москвы краев. . .

Результатом наблюдений является вывод, что и «на краю материка» жизнь кипит столь же напряженно, как и в центре России. Со всех концов страны сюда едут по зову сердца люди, решив «жизнь начать сначала». Это переселенцы-добровольцы, «их путь на Южный Сахалин». И поэт с интересом присматривается к ним, вспоминая невольно, как много человеческого горя увидели в переселенческом движении известные русские писатели Глеб Успенский и Иван Бунин.

Около ста лет тому назад Глеб Успенский, побывав в местах переселения крестьян, с глубокой тревогой писал в своих записках:

«...Растративши все свои силы, все свои недостатки, надорвавши все силы молодого поколения с самого раннего возраста и окончательно потерявши малейшую возможность к чему-нибудь приложить свои руки, они, наконец, и летят на ковче-самолете в неведомые им места.

Мчит их ковер-самолет, робких, испуганных неизвестностью, оборванных и изнуренных, в большинстве совершенно неимущих и в лучшем случае увозящих на ковре-самолете, кроме пяти ребятишек (всегда без шапок и сапог) да пяти пудов сухарей, много-много пуда два «имущества» на всю семью». ¹

Голод, лишения, каторжный труд ожидали этих людей. А сколько их умирало в дороге, не выдерживая ужасных испытаний. Успенский рассказывает, как одну молодую женщину «постоянно связывали веревками всякий раз, как она выходила из вагона или парохода... так как она только и думала, чтобы убежать домой». ²

И вот теперь, в советское время, люди снова, расположившись табором на берегу, ждут парохода для переправы на Южный Сахалин. Они не испытывают ни малейшей тревоги за свое будущее. В строчках стихотворения «Хозяева» (1948) Сергей Смирнов воссоздает атмосферу спокойного ожидания и домовитости, которая окружает этот «отряд хозяйственных людей». Перед поэтом не запуганные крестьяне, а истинные хозяева страны, он спокоен за судьбы этих переселенцев, и строки посвященного им стихотворения дышат уверенностью и жизненным оптимизмом:

Мальчишка дует на золу,
Другой — лежит на мягкой шали.
А их отцы вострят пилу
И проверяют: хороша ли?

Зевает бабка над шитьем.
Смеется девочка в панаме.
Сидят влюбленные вдвоем,
Звенит гитара над волнами...

Так, познавая правду жизни, два художника отобразили в своих произведениях переселенческое движение

¹ Г. Успенский. Собр. соч., М., 1957, т. 8, с. 276.

² Там же, с. 287.

ние, один — во второй половине XIX, другой — во второй половине XX века, в царской и социалистической России. Благодаря историзму их творчества, мы имеем возможность сопоставить судьбы народа на разных этапах развития общества. Выводы напрашиваются сами и не нуждаются в комментариях.

Неиссякаемый интерес к важнейшим приметам времени — наиболее характерная особенность творческой личности Сергея Смирнова. Сама жизнь настоятельно выдвигала требование глубокого художественного обобщения новых процессов современности, происходящих в мире. Тень холодной войны угрожающе распласталась над землей, обстановка вновь накалилась политическими противоречиями между лагерем социализма и империалистическими державами — вчерашними союзниками в войне. Завоеванный столь дорогой ценой мир снова оказывался под угрозой. Мотив беспокойства за мир явственно слышен в стихах Смирнова, посвященных Дальнему Востоку.

Прибегнув в стихотворении «Великому, или Тихому» (1948) к приему олицетворения, поэт обращается к «океану-работяге» с приветствием, полушутливо изумляясь второму названию «Тихий»:

Но скажи мне на милость:
Зачем тебя Тихим назвали?
Если в шутку — понятно,
А если всерьез, то едва ли. . .

Причина сомнений поэта, как оказывается, не только в строптивом нраве океана, в оглушительном грохоте прибора. В большей мере — это «пушки фортов», готовые в любую минуту «заговорить», темнеющая «на рейде плавучая крепость из стали», ««специальные „уши“» на утесах, «не ради забавы» дежурящие солдаты «на суше». Начинаясь легко и шутливо, стихотворение с каждой строкой звучит все напряженнее, заканчиваясь тревожной строфой:

Сергей Васильев в статье «Утверждение верности» особо остановился на этом стихотворении, видя в нем несомненную творческую удачу поэта, в которой сказалось присущее дарованию Сергея Смирнова «чувство отбора не только в сфере изобразительных средств, но и в ряду социальных ракурсов». Сергей Васильев назвал это стихотворение «графически броской картиной», в которой выразилась «беспощадная правда политической сути двух противоположных миров». ¹

Действительно, лирика Сергея Смирнова вытекает непосредственно из идейных позиций поэта, опирается на предметное видение мира, на конкретный метафоричный язык, и это придает его стихам особую выразительность и, я бы сказал, действенную агитационность. Чувством ответственности за судьбы людей проникнута вся его политическая лирика. В ней тревога за будущее нашей планеты.

Как человек, который знает, «что такое пепелища и огонь передней полосы», Смирнов считает своим долгом выступить в защиту мира, свободы и независимости. Подобно циклам стихов Н. С. Тихонова 1950—1951 годов «Два потока» и «На Втором Всемирном конгрессе мира», поднимающих тему братского сочувствия к народному горю и страданиям людей капиталистических стран, книга Смирнова «Откровенный разговор» также отличалась высоким гражданским накалом. Она вышла в 1951 году в Гослитиздате и рядом с указанными циклами большого мастера советской поэзии стала интересным поэтическим явлением.

Несмотря на богатство и глубину путевых впечатлений, определивших многоцветность образов цикла «Два потока» и его жанровое разнообразие, Н. С. Тихонов был подвергнут Анатолием Тарасенковым резкой кри-

¹ С. Васильев. Утверждение верности. — Правда, 1971, 4 янв.

тике. Во многом критик был, очевидно, не прав, но были у него и заслуживающие внимания замечания. По сравнению с синтаксической усложненностью поэтики Тихонова, его склонностью в данных стихах к прозаизации отчетливо выявляется структурная простота лирики Смирнова, ироническая нота в ее интонации, непосредственность обращения к читателю, органическая связь лирики гражданской и интимной.

Если в стихотворении «Друзья» Николай Тихонов увлекает нас пафосом развернутой живописной картины мира («Сказочность земли, что может лишь присниться, звездный хвост павлиний полночью над ней...»), на фоне которой идет подробный рассказ о людях Пакистана, о крае, «что так унижен», то в остропублицистическом стихотворении Смирнова «Слово мира» искреннее возмущение поджигателями новой войны прорывается зримо и резко, как слова-«железки» Маяковского. Обозначив силы реакции словосочетанием «старый мир», поэт обрушивает на этот мир все накопившееся негодование:

Ты на юность
нахлобучил каски,
Людам чести приказал молчать.
По твоей расчетливой указке
Сеет бурю
желтая печать...

Опираясь на традицию советской поэзии двадцатых годов, используя ударную, смысловую рифмовку, в рельефных образах-символах, с сатирической заостренностью Сергей Смирнов разоблачает империализм. Выразительно и гневно говорится о церковном поджигателе войны:

Папа Пий беснуется,
а в лапах
Держит крест и доллар золотой.
Чем земле иметь такого «папу»,
Лучше стать ей круглой сиротой!

Страстный публицистический тон стихотворения усиливается контрастами, на которых, собственно, оно построено. Поэту есть что противопоставить проискам реакции. Политика мира, проводимая Коммунистической партией Советского Союза, обрела сторонников. В этом Смирнов видит главный залог мира на земле:

На смертельный атом водорода
Ты глядишь с надеждой старика,
А с ладони моего народа
Голубь мира
Мчит под облака...

Стихотворение «Слово мира», написанное в 1950 году, и по сей день звучит актуально, так же как и стихотворение «Последние известия», созданное годом раньше. В них Сергей Смирнов одним из первых, можно сказать, вместе с Самедом Вургуном («Европейские воспоминания», 1950) и Константином Симоновым («Друзья и враги», 1948—1954) поставил проблему отношения к СССР, проблему друзей и врагов нашего государства и сделал попытки создать обобщенный образ заокеанского поджигателя войны, «где ржавеет статуя Свободы, повернувшись к гражданам спиной». Именно там зарождалась угроза миру. Негодованием наполняется обличительное слово поэта:

Я гляжу,
и нет сомненья в этом,
Недруг появляется вдаль,
Замахнувшись бомбой и каскетом
На рабочий профиль всей земли.

Нужно обладать большим умением, чтобы создавать такие художественные обобщения. Они говорят о требовательности к слову, умении найти точную метафору и сделать стихотворение ударным. Такие стихи не спутаешь со стихами другого поэта. В них Сергей Смирнов от первого лица заклеил нынешних поджигателей войны, присоединяя свой страстный голос к голосам дру-

И запасы данного металла
Для других намерений храним.

Пусть оно
Как ряд железных нитей
В каждый шлюз вплетается скорей.
Пусть оно
 в бетоне и граните
Держит воду
Созданных морей!..

В 1949 году во Львове был злодейски убит буржуазными националистами — прислужниками Ватикана — известный украинский сатирик и памфлетист Ярослав Галан. Возмущенный этим преступлением, Сергей Смирнов откликнулся гневным стихотворением «Поединок». Ему достаточно одной фразы, чтобы перед нами зримо возник образ писателя-борца:

Тишина,
 и ничего не слышно,
Кроме скрипа острого пера..

В рассказе о трагической гибели украинского патриота образ светлого, отзывчивого, радушного Галана противопоставлен не убийце, который в стихотворении как послушный исполнитель чужой воли не имеет своего лица, а главному виновнику — «чместнику бога» на земле, тогдашнему папе римскому, «сатане в сутане», как метко охарактеризовал его поэт: «...это он всечасно, неустанно замышляет темные дела».

Страстным обличением в стихотворении звучит призыв ко всем людям доброй воли противостоять враждебным акциям врагов мира и прогресса, вдохновляемых мракобесами Ватикана и их американскими хозяевами. Гневное и впечатляющее своей трагедийностью, точно выверенными психологическими характеристиками персонажей, оно подводит читателя к важному выводу:

Нам не только
белый голубь
нужен, —
Нужен меч
И нужен острый глаз!

Невольно приходят на память стихи военной поры, в которых звучал клич о мести за погибших. Это новое качество в лирике пятидесятых годов — еще один шаг на пути совершенствования поэтом формы политического стиха. Отчетливо бьется пульс поэта-гражданина, вставшего грудью за гуманизм и право на свободу мыслей. Откровенный разговор ведет он с читателем в своих произведениях. В них проявился наступательный характер лирики Смирнова, воспринявшего и продолжившего революционные традиции поэтов первого призыва — Владимира Маяковского, Демьяна Бедного.

Улавливая пульс времени, новые качества людей, новые их взаимоотношения, поэт создавал в стихах конкретную, неповторимую картину жизни страны, еще во многом трудной, но и приносящей немало радостных минут. Сказать об этом — значит сказать многое, а это свидетельство силы и зоркости художника.

В пятидесятые годы весь народ находился в состоянии великого творческого подъема, им была охвачена вся страна. Одновременно с восстановлением разрушенного хозяйства идет и созидание нового. Поэт с волнением следит за строительством каналов, соединяющих Москву, Волгу и Дон, проезжает по всем стройкам и отзывается рядом интересных стихотворений («Подарок», 1951; «Теплоход покинул Химки», 1953; «Встреча на Волге», 1952; «Открытие», 1953; «Море Цимлянское», 1953). Светло и радостно льется лирическая песнь выросшего на Волге поэта перед простором пяти морей, раскрывшимся теперь перед Москвой.

Сопричастность к политической и трудовой жизни страны, широкий взгляд на действительность, своеоб-

разный творческий метод в восприятии и передаче окружающего придают стихам Сергея Смирнова остроту поэтического высказывания. Живость и энергия мысли, присущие натуре поэта, передаются в полной мере его стихам, всегда богатым по содержанию.

Придя в послевоенную поэзию человеком со сложившимися представлениями о прекрасном, открывая свои идеалы в труде и борьбе простых тружеников за мир, за хлеб, за коммунизм, Сергей Смирнов находит созвучие мыслям и чувствам в неиссякаемой прелести родной русской природы. Деревенское детство, увлечение живописью определили тонкое понимание поэтом внутренней гармонии родного и близкого его душе мира:

Опять дорога стелется,
Клубится пыль прогретая.
С цветами пчелы делятся
Весенними секретами. . .

. . . Гуляет стадо рыжее,
К земле
 губами тянется,
Да ельничек подстриженный
Бежит к товарной станции.
Да солнца блеск неистовый,
Да синь воды за кущами,
Да ровная и чистая
Пшеница, в рост идущая!

(«Весна», 1949)

В гармоническом строе этих стихов заключен пластичный образ русской земли, слышна простая и задумчивая песнь о ней, которая сродни народной. Сравнение напрашивается не случайно. Все творчество Сергея Смирнова имеет глубинную корневую связь с родной почвой.

Напевные лирические строфы поэта характеризуются еще и органическим сплавом лиризма и публицистичности, хорошо передающим пульс советской жизни. И еще, что характерно для Сергея Смирнова, это по-

вествовательность и ритмичность поэтического почерка. Не случайно стихи поэта переложены на музыку композиторами Блантером, Будашкиным, Мокроусовым и другими.

Живой разговорный язык, естественность, обыденность создают сердечную интимность между поэтом и читателем и заставляют иногда забывать стихотворный строй произведения, как, например, в стихотворении «Солнце» (1952), показательном для почерка художника:

Ты рано встаешь
и, умывшись волнами,
Спешешь сквозь туман,
чтобы встретиться с нами.
Вступаешь с границ, сухопутных и водных,
В Союз Нерушимый Республик Свободных...

Глядя на мир с открытой, доброй душой, поэт создает реалистические зарисовки с натуры, из жизни, которые вошли в разные сборники его стихов, но особенно полно впервые представлены в книге «Друзьям-товарищам», вышедшей в 1954 году в издательстве «Детская литература», и во втором, дополненном издании книги «Мои встречи» (1955). Они охватывают широкий круг тем, но главной по-прежнему остается родная Россия.

Сыновняя благодарность отчизне и чувство ответственности за родную землю пронизывают не только стихи, но и «Лирическую повесть» — вторую поэму художника, написанную им в 1953 году. В ней раскрывается история одной чистой и драматической любви, разрушенной войной. Поэма решена в характерном для Смирнова лирическом ключе, она сюжетна, с четким ритмом, с удачно найденными рифмами, и все же — нельзя не согласиться с критикой — достаточной глубиной она не отличалась. Тем не менее она явилась следующей вехой на пути поэта к эпике.

Большинство стихов этого времени («Утро», 1951; «Дождь», 1949; «Жаворонок», 1951; Предзимье», 1951; «Бабье лето», 1952; «Страсть особая одна», 1952; «Елка», 1953; «Осеннее», 1953) одухотворены глубоким чувством художника, его философскими размышлениями, помогающими нам даже в капле увидеть целый мир («Капля», 1954). Или еще одна ассоциация — жаворонок. Маленькая голосистая пташка, но стихотворение о ней, отличающееся само по себе редкой безоблачностью, сразу же вызывает в нас воспоминание о лете, о солнечном, жарком дне, о запахах нагретого поля.

Большой искренностью чувства полнятся стихи, навеянные обаянием минуты, например стихотворение «Дождь». Казалось бы, это просто этюд с природы, но столько динамики, такой всплеск чувств в его строках, что в них можно услышать, как ликует душа поэта. Сюжет стихотворения — гроза — развивается чрезвычайно быстро. Только что притихла, насторожилась природа (первая строфа), и вот уже «над степью просвистала слепящей молнии стрела». Еще не отгремел гром — и так же быстро (вторая строфа) «простерлась туча грозовая, и хлынул самый проливной». Темп стихотворения как бы отражает быстроту настигающей человека в степи грозы:

При вспышке молнии повторной
Шофер сказал:
— Вот это да! —
Дорога сразу стала черной,
На пашне вспенилась вода.

Сам дождь занимает в стихотворении всего одну строфу, раскрывающую это первозданное чудо буквально двумя строками:

И для него,
для проливного,
Казалось, не было преград. . .

А вместе со следующими строками к нам приходит почти физическое ощущение совершенной необходимости прошумевшего ливня, после которого с новыми силами раскрывается все живое, как раскрылось сердце поэта, как бы омытое, освобожденное от давящих пут тяжелого военного прошлого. И теперь вместе со всей природой он может с такой силой радоваться солнцу и самой жизни, что все кажется созвучным его настроению:

Возникла радуга такая
На фоне тучи и леска,
Что паровоз, вдали мелькая,
Не удержался от свистка.

Природу поэт всегда постигает в ее быстротечности, изменчивости, смене явлений, умея не только передать свое настроение, но и обобщить его. Щемящее чувство боли вызывают строки об отлетающих птицах:

И журавли
на юг уходят клином,
Как жест прощанья — каждый взмах крыла.
И чувствуется в крике журавлином,
Что и для птиц чужбина тяжела...

(«Бабье лето», 1952)

Радость, печаль, чувство юмора переплетаются в стихах Сергея Смирнова столь же органично, как и в живом человеческом сердце. При этом присущий ему художественный такт никогда не позволяет впасть в крайности при выражении своих эмоций. Не желая показаться сентиментальным в каких-либо трогательных сценах, каких немало в его стихотворениях, поэт прибегает к небольшим юмористическим или ироническим штрихам, «заземляющим» всколыхнувшееся чувство.

Поэт любит неожиданные повороты мысли, заставляющие «заиграть» стих. Многие пейзажные стихотворения решались им в задушевном лирично-жанровом клю-

че. Несколько строчек — и создается объемная картина русского сельского уголка, все в ней живет, волнуется, радуется, как, например, в стихотворении «Синица» (1953):

Дождь висит, как дымчатые пряди,
На шесте пустует птичий дом.
А синица в праздничном наряде
Щеголяет прямо под дождем...

... Вот бесцеремонно суетится
Возле человеческого жилья:
Мол, на смену знатным певчим птицам
В гости к вам пожаловала я.
Вот на тонком прутике малины
Так забавно спела ягоза,
Что с вершины дуба-исполина
Покатился желудь, как слеза.

Поэтический язык Смирнова не спутаешь ни с чьим другим. Его стихотворная фраза обладает редким даром непринужденности, будничности, вызывая в читателе ответное чувство интереса и большого доверия. Разговор с природой поэт ведет подчас обстоятельно, неторопливо, раздумчиво:

Родная степь! Как широка она!
Который день
От солнца нет отбоя!
Бескрайная пшеница.
Тишина...
А небо голубое-голубое...

Рисую спокойную картину русской степи с «бескрайной пшеницей» и «птичкой-невеличкой» над нею, создавая образ нашей земли-кормилицы, поэт естественно напоминает читателю и о тех, кто защитил эту землю, о страданиях и жертвах народа в минувшей войне, которые никогда не забудутся. Нет села, на краю которого не возвышался бы монумент героям или не осталась бы от войны «братская могила, не тронутая временем».

И к ней
По праздникам приходит вся станица
Погибшим за Отчизну поклониться...
Отсюда
Пережитое видней!..

(«Степь», 1949)

Этим строкам о кровной связи с прошлым страны веришь, ценишь их искренность и сердечность. Разговорная же интонация, которую часто использует в своих стихах Сергей Смирнов, помогает ему говорить обо всем просто и выразительно. Любовь к разговорной речи возникла именно из тесного общения с жизнью, в основе ее лежит наблюдательность и житейская мудрость.

Образная система поэта отличается экономностью средств, ясностью, неперегруженностью нарочитыми сравнениями и эпитетами. В то же время она убедительна и точна, органически включает в себя и вечно прекрасный мир природы, и сегодняшний день страны. В одном только стихотворении «С добрым утром» (1947) мы совершаем как бы экскурсию в чудесную сказку, «где лес и дух смолистый, ювелирно светлая роса, птицы, как заправские солисты, в ход свои пускают голоса», где «крот, листву приподымая, удаляет землю из норы», где «просека прямая и ручей — отрада детворы», и знакомимся с такими понятиями, как «радиопобудка», «события за сутки», «подножка трамвая», «вспышки автогена», блеск ЗИСов, «пульс завода», «конструкторское бюро», «ватманские полотна», «сборочный цех», «самолет на крыльях быстролетных»...

Все большую тягу испытывает Сергей Смирнов к созданию лирической миниатюры, содержащей философское обобщение. Это особенно проявилось в шестидесятых годах, но успешное начало закладывалось уже в пятидесятых. Например, можно назвать его стихотворение «Елка», написанное еще в 1953 году. В нем хорошо сочетается лирика с высокой патетикой:

Молчат деревья оголенные,
Они листву покорно сбросили.
А рядом елка, вся зеленая,
В штыки встречает время осени.

Не отступает перед стужей,
Не клонит голову под тучею...
Ее краса,
Ее оружие —
Неувядаемость колючая!

К пейзажной лирике близко примыкают стихи о Москве. К Москве поэт с юности «прирос» душой и, объездив всю страну, пройдя Европу, остался однолюбом. Тема Москвы — одна из самых обширных в творчестве Смирнова, ибо, куда бы ни забросила его беспокорная судьба, он везде ощущает дыхание родного города, слышит его голос. Особую гордость поэт испытывает от сознания, что он не только «законный житель», но и строитель Москвы. «Она моя! — говорит поэт. — Она трудом досталась, и потому она еще родней».

Всякий раз, спускаясь в метро, он чувствует себя снова метростроителем. В 1948 году поэт посвятил стихотворение Комсомольской станции. Признаваясь, что она «сердцу ближе всех», Сергей Смирнов вспоминал, как он и его товарищи «в качестве шахтеров... шли навстречу пловунам, сообща сворачивали горы». Не каждый из поэтов может сказать о себе такое. За скупыми строчками — многодневный труд, преодоление усталости, надежды молодежи тридцатых годов:

И когда гляжу на эти стены,
Говорю, волненья не тая:
Блеск и скорость метрополитена —
Это юность наша и моя!

Напряженная жизнь Москвы, ее непрерывный рост, обновление — все это мы находим в стихах Смирнова, который внимательно ловит малейшие перемены в ее облике. Заметив около своего дома молодые, первый

раз перезимовавшие деревья, «людским согретые теплом», он откликается сердечными стихами, в которых радуется преображающейся жизни («Молодые деревья», 1952).

Москва постоянно дарит поэту минуты радости и вдохновения. Она предстает полной прелести, света и движения в стихотворении «На ранней зорьке» (1951) — вся в новостройках, энергичная, устремленная ввысь. Рано поутру он увидел «лицо столицы в чуть заметной дымке», но пролетел миг, и вот уже она вся в сверкающих лучах утреннего солнца, свежая и нарядная, «такая молодая, что просто не с чем сравнить ее».

Московские зарисовки Сергея Смирнова отличаются особенной легкостью и подвижностью. Они хорошо передают темп бурной жизни города, головокружительные его скорости. Обычно это небольшие стихи, в которых благодаря глаголам несовершенного вида создается ощущение непрерывного движения. Снег в стихотворении «Первый снег» (1950) «летит», «вьется», «припадает», «стелется». Сопряженность изобразительных средств с сюжетом позволяет поэту достигнуть эффекта динамики зимнего пейзажа — летит снег, сверкают огни, мчатся машины, снуют пешеходы, резче ощутимы на морозе запахи (живо подмеченная деталь: «запахло хлебом свежее испеченным ничуть не хуже ландышей и роз»).

Москва для Сергея Смирнова — не только источник очарования. Москва — и это главное — большая патристическая тема, связанная с именем Ленина, с деятельностью коммунистической партии:

Москва — мое могущество земное.
С ее высот грядущее видней.
Она со мной, она передо мною...
Я днем и ночью думаю о ней...

Смертельная схватка с фашизмом показала, что ленинское учение и созданное на его основе государство

оказались прочными, сильными, жизнеспособными. Битва была выиграна под решающим руководством партии. На фронте и в тылу люди внимательно прислушивались к ее слову. Не случайно в послевоенные годы советская поэзия, как и вся литература, вошла в русло гражданственно-публицистической темы.

О чем бы ни писали советские поэты, все проверяется ими заветами Ленина, требованиями партии. Мужество человека, отстаивающего ленинские нормы партийной жизни и принципы социалистической законности, воспевает в своих стихах Александр Решетов. Он спрашивает: в чем «краса и сила жизни?» И отвечает:

В том краса и сила жизни этой,
Чтоб везде, как в Горках и Кремле,
Ленинские верные приметы
Людам видеть на своей земле.

(«Ленинские верные приметы», 1957)

«Готовность на все испытанья» народа на его историческом пути к коммунизму, «на встречу с грядущим своим» невозможны без ленинской правды, утверждает Александр Твардовский. «Великая сила народа и вера мне видится в ней», — пишет он в стихотворении «Памяти Ленина» (1949).

Образ вождя пронес через всю юность вместе с комсомольским билетом и Сергей Смирнов. Он еще мальчишкой сожалел, «что не в селе, не в городе у нас, а у Кремля, под крышей Мавзолея, он Ленина увидел в первый раз» («О самом сокровенном», 1949).

Задушевный лиризм строк о «самом человеческом из людей» подчеркивается житейскими деталями создаваемого поэтом образа вождя: простотой поведения, внешностью, одеждой. Поэт не забывает упомянуть «следы от пуля» на пальто его, которые «зашила Надежды Константиновны рука» («Владимиру Ильичу», 1951). Облик Ленина в стихах Сергея Смирнова земной и близкий каждому, и это не мешает воспринимать его как

очертаниях образ вождя, не обволакивая его расплывчатой дымкой, а стремясь к широкой и емкой конкретности. Строчка из «Интернационала» влилась в стих как его органическая часть, заняв свое достойное место.

Поэт хорошо знает, как важно для людей строить жизнь на великих образцах. Отсюда трепетное отношение его ко всему, что связано с именем, деятельностью, личностью Ленина. В этом он видит судьбы народов, шаги истории, — мысль, которая нашла наиболее полное преломление в стихотворении «Не объять его деяний поле...». Для поэта, так же как для любого советского человека, важны не только его свершения государственной важности, но и чисто человеческие черты, к которым тянутся люди, «играющие дети», «след на царственном паркете от худых лаптишек ходака», ибо каждый имел доступ к вождю и для каждого находил он время. В этом-то и заложена притягательная сила вождя — в отзывчивости и любви к народу. Прикосновение к жизни и делам такого человека помогает нам, его последователям, ощутить себя причастными к тому великому, что было начато им.

Поэт-жизнелюб, поэт-непоседа — так называла Смирнова послевоенная критика, считая его неутомимым и интересным рассказчиком, веселым и нужным спутником в жизни, который всегда ободрит уставшего словом, рассмешит затосковавшего хорошей шуткой, привлечет любящего поэзию голосом подлинной и чистой лирики, поразит меткой афористичностью. Умение увидеть красоту вокруг себя, подметить достойные качества в человеке и поэтически передать все это в своих произведениях отмечали многие у Сергея Смирнова.

В июле 1953 года, получив отпуск от всех дел, Сергей Смирнов вместе с Николаем Грибачевым, Александром Кривицким и несколькими сопровождающими их товарищами из Москвы и Брянска совершил увлекательное путешествие на лодке по красавице Десне,

самому значительному левому притоку Днепра. Результатом явилась книга этих трех авторов — «Десна-красавица», (1955, переиздание — 1956), не похожая ни на одну из книг о путешествиях.

Наряду с записями о дорожных хлопотах и приключениях, о красоте родных мест, по непонятным причинам обойденных туризмом, мы найдем в книге и блестящую новеллу о первой любви, и шуточные стихи по разным поводам, и воспоминания о героическом прошлом России, и острый памфлет, и критический фельетон, и полезный практический совет. Течет среднерусская река, катит свои светлые и быстрые воды к Киеву, задушевно и непринужденно льется рассказ обо всем увиденном и пережитом. Бегут мимо золотые пляжи, сбегаящие к самой воде леса и рощи, поля и луга, — многоцветьем бурлят и кипят, переливаются заметки о путевых встречах.

«Это книга о том, как мы проводили свой отпуск, — писали в предисловии к книге авторы. — Мы полагаем и полагаем, что об отпуске писать можно и нужно, как и о труде, тем более что нигде на свете нет лучших условий для отдыха человека, чем у нас. Мы убеждены также, что, если бы наши туристы хоть понемногу написали о красоте мест, по которым они путешествуют, о себе и своих друзьях, о приключениях, которые выпадают на их долю, получилась бы богатая и увлекательная книга о безграничной любви к своему Отечеству, о духе дружбы и товарищества, которые так присущи нашим советским людям».

Маршрут плавания по Десне лежал мимо величественных массивов вековых брянских лесов, желтеющего безбрежья хлебов среднерусской равнины, молодых колхозных садов, мимо славных древнерусских и украинских городов. Путешественники собрали и увлекательно живописали на страницах книги немало интересных сведений об историческом прошлом и сегодняшнем дне Труб-

чевска, стольного града с XII века, ополченцы которого сражались впоследствии на поле Куликовом; Новгорода-Северского, воспетого в «Слове о полку Игореве»; Чернигова, которому византийцы платили дань с 907 года... Все это талантливо и оригинально преломилось в книге, так же как и те встречи с самыми разными людьми, с которыми авторам довелось встретиться.

На привалах путешественники с наслаждением жарились под солнышком на золотом пляже или, завалившись в душистое свежескошенное сено и «опьянев от ароматов лесной опушки», начисто забывали, что нужно двигаться дальше. Капитану приходилось «железной рукой подавлять бунт» то одного, то другого разнежившегося лирика. Ну, а что до рыбалки, то на Десне раздолье рыболовам. В широкой луговой пойме, в низинах — толстые лини и «жирные, сияющие золотом и бронзой караси», в самой реке гуляют язи и щуки, заглядывая и в небольшие протоки, «и окунь, зол и полосат, как уссурийский тигр, шныряет меж плотвичных стад, прореживает их». Серебряные подусты с красными петушиными перьями подходят к песчаной отмели, а в темных омутах переворачиваются, будто бревна, уса-тые сомы, наводя «страх на тучи мелюзги».

Вечером у костра, когда сваренная «уха обжигает губы, дышит ароматом, зовет всех к «столу», а столом служит живая трава-мурава, на которую поставлены свежевывмытые миски и горой наложен крупно нарезанный хлеб», каждый начинает понимать, что «уха без поэзии — это просто рыбный суп». Незабываемы эти вечера с рассказами друг другу случаев из жизни, смешных и грустных историй, воспоминаний о героических делах народных мстителей на Брянщине...

«Отныне приобщен ты к добровольному бездомничеству, к длинным блужданиям по низинам, к дыму трескучих костров, к пороху, к музыке рассветов и ти-

хому пламени вечерних закатов», — пишет Сергей Смирнов и продолжает:

Хорошо проснуться рано-рано.
На ракетах — отблески зари.
С бакенов, за космами тумана,
Бакенщик снимает фонари.
Повсеместно стелется прохлада,
Дым костра в ракетнике густом.
А пастух, гоня коровье стадо,
То и дело хлопает кнутом.
Тянутся озера за кустами,
Где осока в янтарях росы.
Для таких, как мы с тобой, настали
Самые желанные часы...

Сергей Смирнов в походе не только исправно нес службу поэта-лирика, но и давал целые куски прозы. Интересно отметить, что и в прозе он остается отчетливо выраженным лириком. Вот одна из его светлых и неизменно радостных зарисовок, в данном случае — о палатке: «...А как хорошо в палатке, если невесть откуда ползет сизая туча. Ветер упругим плечом толкает палатку под бочок, а она стоит, ухватившись веревочными корнями за теплую землю, и — ни с места! Один бегом тащит сюда одеяла из лодки, другой — хлеб и посуду, третий — ведро ухи или кастрюлю дымящейся каши, четвертый — зачехленные ружья с пудовыми запасами патронов. Туча надвигается. Гром опрокидывается на притихшую землю, на журавлиных лапах бегут первые капли дождя, а следом за ними налетает седая лавина и давай стегать по траве, по листьям, по влажной парусине палатки, звонко, словно барабан; хочешь — любуйся ливнем, хочешь — чисти ружье, хочешь — просто лежи на мягкой подстилке: палатка делает свое дело, стоит, как терем-теремок, где в меру прохладно, просторно и уютно...»

Книга «Десна-красавица» вся искрится юмором, оптимизмом, любовью к отчим местам, уважением к труду

советских людей. Не случайно ее авторы в конце книги призывают нас всех: «Плывите по родным рекам, идите по отчим местам, отдыхайте на опушках рощ, ловите рыбу, выходите на охоту, загорайте, набирайтесь сил и новых впечатлений, встречайтесь и беседуйте с людьми, чтобы пела от радости душа, чтобы виделось далеко во все стороны света, чтобы высоко парила мысль на крыльях гордости за свое Советское Отечество и любви к нему!» Бакенщик Калибаба говорил путешественникам: «Я во многих странах побывал... повидал немало и вот убедился: лучше наших мест нету нигде».

Нужно заметить, что способность Сергея Смирнова мгновенно схватывать суть вещи, выполнять добротное любое дело, преодолевать любые трудности распространялась во время путешествия буквально на все: на творчество, на рыбалку, на охоту, на поиски грибов, на кулинарные экспромты, на всякие поделки и ремонтные работы...

Известный поэт Сергей Васильев, знавший Смирнова давным-давно, без малого четыре десятка лет, как-то рассказывал о нем: «Надо видеть, чтобы оценить по достоинству, как поэт Сергей Смирнов со свистом закидывает спиннинг, как насаживает на крючок живца или мотыля, как поразительно проворно разводит костер даже в дождливую погоду, как «собачьим нюхом» выискивает под жухлой листвой белый гриб или подберезовик, как на почтительном расстоянии от цели, след в след посылает пули из пневматического ружья в облюбованный трепещущий осиновый лист!

Очень рано, приняв на мальчишечьи плечи груз житейских невзгод, вырастая без матери, подражая трудолюбивому отцу, Сергей Смирнов с первых шагов приучил свою музу к многотерпению, к преодолению трудностей. Какие же это трудности? Трудности добычи единственно верного слова, желание и умение работать при любых обстоятельствах, пусть они на первый взгляд

кажутся немислимыми. Поэзия Сергея Смирнова — это оптимистическая летопись нашей советской жизни со всеми ее радостями и горестями, революционными порывами и взлетами, стремительным размахом, удачами и непредвиденными трудностями».¹

Вот эта громадная работа по «добыче единственно верного слова», умение синтезировать наблюдения и мысли в краткой, отточенной строке и выливаются в лаконичные по форме, оригинально передающие суть образа произведения. Ясность и доходчивость образа достигается при помощи точно найденной выразительной детали. Приведем несколько отдельных строк из разных стихотворений:

Спит Наташа, как ромашка в поле...

(«Наш дом», 1948)

Великий, или Тихий, как матрос,
Проснулся в неотглаженной тельняшке...

(«Дальневосточное утро», 1950)

Яблоньки,
На цыпочки вставая,
По-ребячьи тянутся к нему...

(«Утро», 1951)

И дятел шлет кому-то телеграмму
О том, что наступает листопад...

(«Бабы лето», 1952)

Не случайно критика считала лапидарность одной из отличительных черт творческого почерка Сергея Смирнова, определившегося в первые же послевоенные годы. Образы поэта всегда безупречно свежие, емкие, пронизанные чувством здорового юмора.

Поиски новых впечатлений, новых материалов, стремление больше увидеть и познать все время толкают Сергея Смирнова в путь. Взять хотя бы один 1956 год —

¹ С. Васильев. Зрелость. (Из архива поэта).

он весь из поездок: сначала — Литва, Осетия, Дагестан, затем — вокруг Европы (Греция, Италия, Франция, Голландия, Швеция). Сразу по возвращении — предложение ехать с бригадой ЦК КПСС на целину в Алтай. Как не поехать, если в сибирском миллиарде алтайский вклад — 350 миллионов пудов зерна! Да и поездка соответствовала задуманной работе: к сорокалетию Советской власти Смирнов готовил книгу новых стихов «В гостях и дома».

Снова листовки, обращения, радиопереклички, сатирические фельетоны и лирические стихи, а на будущее для себя — записи в дневнике. Сегодня страницы его пожелтели, но не утратили интереса. Приведем одну из них: «Люди Алтая замечательны, они работают, как на войне, и падают от усталости после 24-х часов работы, чтобы чуточку отдохнуть и опять за работу. И умирают, как на войне... Люди Алтая — это благодарные слушатели. Я провел там двадцать с лишним литературных вечеров — и везде видел внимательные лица, везде слышал сердечное «спасибо»... Эта поездка — богатая, она богата потому, что работа была конкретной, полезной, мы там были не сторонними наблюдателями, а участниками войны за хлеб. Я думаю, что эта поездка даст мне в книгу «В гостях и дома» стихи, где жизнью будет веять...»

Романтика современности, созидательный труд людей волнуют поэта так же, как идеи, которые их одухотворяют. Четкая гражданственность, зрелость мысли и умение выразить живые чувства, настроения лирического героя, которого отличают глубокая народность и высокие нравственные качества, делают лирику Смирнова необходимой людям. Она столь же задушевна, как и его разговор о родной природе. И в той и в другой теме содержанием поэзии служит не только сам предмет стихов — окружающий мир, но в равной мере и личность поэта, его лирическое «я». С любовью говорит

художник о простых тружениках — творцах всех богатств, строителях коммунизма, отмечая прежде всего их положительные черты.

«Понять лучшее в человеке, — говорил великий Роден, — в этом смысл и радость моей жизни». То же самое мог бы сказать о себе и Сергей Смирнов, поэзия которого вся пронизана стремлением постичь красоту человеческой души и родной России. В его стихах горит неугасимый заветный огонек, который «во всяком деле есть начало всех начал». И для него нет другого желанья, кроме того, чтобы

Жить,
шагая в ногу с веком,
Делать вещи на века
И являться человеком,
Не лишенным огонька!

**КОМАНДИР
НАСТУПАТЕЛЬНЫХ
СТРОК**

Известность Сергея Смирнова как лирика распространилась по стране, приобретая все новых почитателей. На Украине, в крупнейшем киевском издательстве «Художественная литература» в 1956 году был издан

том его избранных стихов на украинском языке с участием лучших переводчиков. В 1958 году в Москве вышел однотомник в Гослитиздате, в который было включено около 130 лучших лирических стихов. Вслед за этим стихи поэта перевели в Грузии: в 1960 году в Тбилиси в издательстве «Накадули» появился его сборник «Жизнь впереди» с иллюстрациями художника Н. Хинвели.

Все говорило о том, что лирический талант Сергея Смирнова прочно устоялся и впредь будет покорять читателя своей проникновенностью, чистотой и сердечностью. А что касается насыщенности его стихов теп-

лым юмором, ироническим смехом, то это воспринималось читателями и людьми писательского круга как составная и отличительная часть его лирики. И вдруг поэт показывает себя в новом качестве: в 1957 году в газетах и журналах появляются саркастические «короткие басни», а немногим ранее, начиная со сборника «В литературной галерее» (1956), — лаконичные ударные эпиграммы.

«Сергей Смирнов, разумеется, превосходный лирик, — замечает Михаил Алексеев. — Так о нем все и говорили — и критики и товарищи по литературному ремеслу. Лирик, да и только... Но это что же такое: «Сергей Смирнов. Короткие басни»? Поначалу думалось: у Сергея Смирнова появился поэт — одноименец и однофамилец. Что ж тут такого удивительного, когда сам товарищ лирик свидетельствует:

Не говоря о тezках новых,
В родной деревне у меня
Живет четырнадцать Смирновых,
Моя родня и не родня.

Однако автором невиданного доселе жанра — короткие басни — оказался **наш** Сергей Смирнов, и мы вдруг увидели, что лирик, во-первых, может быть чрезвычайно язвительен в отношении того, что ему зело не нравится, а во-вторых, в нужное время он может наступить на горло собственной песне, которая в борьбе со всякого рода несимпатичными личностями может оказаться не самым грозным и не самым внушительным оружием. Не лучше ли выковать для такой цели вот эти короткие и острые, как клинок, басни?». ¹

Обращение поэта к открытому сатирическому жанру было подготовлено всем строем «веселого характера»

¹ М. Алексеев. Гвардии поэт. — Октябрь, 1962, № 9, с. 210—211.

его лирики, язвительным тоном порицания всего враждебного или вредного нашему укладу. Последний мотив особенно усилился в его творчестве после поездок по стране, после работы в выездных редакциях «Правды», в бригаде ЦК КПСС в Алтайском крае на целине с августа по октябрь в 1956 году. После же путешествия вокруг Европы на теплоходе «Победа» летом того же 1956 года, когда поэт побывал в Греции, Италии, Франции, Голландии, в его лирике усилились острые, публицистические ноты, направленные против политических врагов Советской России. Чувством ответственности за судьбы людей проникнута вся его политическая лирика. В ней тревога за будущее нашей планеты. Странички из путевого дневника говорят о его творческом поиске. Поэтическое кредо Сергея Смирнова четко и ясно:

Среди земель и океанов

Шагать

на поиски

строки.

Не для того,

Чтоб, хищно глянув,

Перемигнулись знатоки,

А для того,

Чтоб кто-то, где-то,

Наивный пусть,

Безвестный пусть,

Ее —

строку —

как нитку света,

Ловил и помнил наизусть.

Поэтому не случайно в зарубежном публицистическом цикле «Вокруг Европы» поэт ни минуты не был восторженным туристом, который любит красотами. Он все время ощущал темные и мрачные Дарданеллы с немигающими черными глазницами стволов пушек на неприветливых берегах; «пепел партизанского костра» и «цветок гвоздики», который «держал в руке» перед

расстрелом Никос Белояннис; «дыхание Мадрида тридцатых годов», «на детских лицах тень многотерпенья, гроши — на дне протянутого блюда»; обветшавшую Стену Коммунаров на кладбище Пер-Лашез среди пышных надгробий богачей — «лишь — цветы перед ней, как сердца перед скромной святыней»... Политическая злободневность, соединенная с сатирическим пафосом, уже превалируют здесь над свойственным Смирнову теплым лиризмом. А уж если говорить о завершающем цикл стихотворении «Общее впечатление», то это настоящая короткая сатирическая миниатюра:

Европа.

Европа.

Европа...

А в ней —

Вершины искусства с вершинами зодчества,

Конвейер машин,

пешеходов,

огней

И — круглое одиночество.

Все сильнее ощущавшаяся в творчестве Сергея Смирнова сатирическая мысль привела его в конце концов к так называемому малому сатирическому жанру — басне, пародии, эпиграмме. О том, как это произошло, поэт с улыбкой рассказал в предисловии к вышедшей в 1959 году в издательстве «Советская Россия» книге «Сто коротких басен».

В те годы молодого энергичного поэта-коммуниста сильно загружали общественной работой в писательской организации Москвы. Отсутствие свободного времени, рецензирование килограммовых рукописей поэтов, особенно начинающих баснописцев, раздумья над их длиннущими басенными муляжами и подтолкнули руку пробуждающегося сатирика взять поэтическое стило и показать, на что он способен, то есть написать ряд сверх-

коротких басен без традиционной описательной преамбулы и вялых диалогов зверей и вещей. Но тут оказалось, что написать такую басню далеко не так легко, как может показаться с первого взгляда. Простота ее обманчива. «Над двумя-четырьмя строчками по несколько дней мучаешься, прежде чем каждое слово встанет на свое место», — жаловался поэт. Однако, написав все же первые басни, которые сразу же были напечатаны в газетах, Сергей Смирнов почувствовал, что сел на своего конька.

Короткие басни молодого сатирика о существенных явлениях сегодняшней жизни получили признание. Впервые они были объединены в цикл «Шило наголо» и опубликованы в поэтическом сборнике «В гостях и дома» (1958).

Живое, народное слово басни, напряженность сюжета, яркая сатирическая направленность, возможность вплотную подойти к самой сути человеческого бытия — все это прочно приковало к ней внимание Смирнова. Постигая дисгармонические моменты развития общества, анализируя их источники, баснописец имеет возможность максимально приблизить к читателю волшебное зеркало, заставить увидеть себя в нем со всеми пороками, шрамами и гримасами. И потому, отвечая особенностям творческой природы Смирнова, басня закономерно явилась этапом его эволюции, отражая результаты осмысления современной ему жизненной практики.

Во все времена обличение зла и пороков, осмеяние их, нравouchение остаются главным содержанием басни. Выбор же сюжетов отличается большим разнообразием в зависимости от исторической эпохи, от условий социального развития общества, и в связи с неисчерпаемостью жизни, в которой рядом с разумным уживается нелепое, добро соседствует со злом, печальное с комичным. «Рассказ и цель, — подчеркивал В. Г. Белин-

себе эти миниатюры еще не являются баснями, они могут быть просто-напросто эпиграммами или каламбурами, шутками и тому подобной «сатирической россыпью». Но когда в них действуют типизированные персонажи, одним-двумя жестами или репликами проявляющие особенности своего характера, образа, — тут появляется басня, и не просто басня с ее медленно-традиционным развитием сюжета, а басня короткая, короче, как говорят, воробьиного носа, но несущая в себе характернейшие приметы старой, проверенной веками басни, чтимой и читаемой народом, активно действующей в повседневном общении людей, а значит, и нужной людям».

Возрождение жанра басни в послевоенные годы было связано с определенными социальными конфликтами, которые большая литература за более неотложными делами оставляла до времени вне своего поля зрения. Сатирики уже тогда поставили перед собой цель бичевать, искоренять всевозможные язвы и недостатки, еще бытующие в действительности.

От внимательного взгляда Сергея Смирнова, много ездившего в послевоенные годы по стране, не могло укрыться, что порою в укромных уголках заводится некая «плесень», «нос возносят» разного рода «долгоносики», подвизаются «влюбленные в крупу мыши» и даже «крысиные лидеры», готовые изгрызть все, что попадаетея им на зуб. Приходилось ему сталкиваться с возмутительными случаями взяточничества, бюрократизма, невежества и пьянства. Требовали обличения всевозможные формы мещанства — антипода социалистической морали. Для этого нужны были поиски новых форм, средств, рифм и ритмов, конденсация содержания, «пружинистость» строки, стремление минимальными средствами «объять необъятное» или проникнуть в сокровенную суть явления.

Лучшими короткими баснями Сергея Смирнова стали те, что по-прутковски «смотрят в корень», метко попадая в разные неприглядные «родимые пятна». Они сразу же пришлись по душе читателям и слушателям, запоминались. Все увидели в произведениях поэта впечатляющие сатирические характеры, выхваченные из самой современности и взятые им на острие пера. «Уж очень приелись читателю, — заметил он однажды, — застандартизированные носители зла, отличающиеся друг от друга только по именам и являющиеся бледными попытками комментирования официальных документов».¹

В зависимости от тематики короткие басни Сергея Смирнова можно условно разбить на четыре вида: басни, поднимающие вопросы морально-этического плана; специально насыщенные басни, обнажающие недостатки административного аппарата; басни политические на международные темы и басни на темы близкой поэту литературной жизни.

Разнообразие сюжетов, свидетельствующих о пристальном внимании поэта к нравственному облику современника, соответствовало велениям времени, так как стирание классовых граней выдвигало на первое место морально-этические ценности. Вооружившись басней, так же как и Сергей Михалков, Сергей Смирнов выступил против рецидивов мещанской психологии, пробудившейся вместе с ростом благосостояния среди людей недостаточной культуры. Вирусы стяжательства, бездуховности, подхалимства, потребительства нашли подходящую среду в прослойке обывателей. В басне «Ценитель прекрасного» метко показано одно из проявлений этой психологии:

Он
это лето
проводил в Крыму.

¹ С. Смирнов. Оружие сатиры. — Лит. и жизнь, 1958, 28 февр.

Прекрасный Лавр
 понравился ему.
— О, боже! — изрекли его уста, —
Как много здесь...
 лаврового листа!

Комический эффект достигается здесь тем, что высское понятие — «Прекрасный Лавр» — автор обращает в кулинарное понятие — лавровый лист. При помощи одной, но характерной детали поэт сразу проясняет сущность образа. Элемент прямой речи, введенный как в этой, так и в других коротких баснях, сообщает сатирическим портретам индивидуальную окраску и реалистическую убедительность. Трудно короче и сильнее сказать, например, о ханже XX века: «„Я — за!“ — в глаза сказал Ханжа, а за глаза зарезал... без ножа». Другой порок — предательство, чуждое нормальному советскому человеку, — заклеямен в басне «Знакомое насекомое»:

Наивный Шмель
 по коренным вопросам
Переметнулся
К полосатым Осам...
И лишь одной детали не учел:
Что он
 лишился
 уваженья Пчел.

Условные образы и сценки проникнуты воинствующей гражданственностью. Поэт счастлив, что живет на советской земле, дышит родным воздухом, трудится на ее благо, улыбается каждому новому дню. «Вся жизнь впереди, а не сзади осталась», — оптимистично и верно замечает он. И поэтому клеймит все пакостное и мешающее в этом движении вперед, в том числе и анонимщикѡв-мерзавцев в басне «Сороконожка аноним»:

Насекомое вставало
Каждый день не с той ноги...

И писать не уставало,
Что вокруг одни враги.

Сергей Смирнов рано понял, что обыватель, обособившийся в мелком мирке узко личных дел и забот, вовсе не так безобиден, как может показаться на первый взгляд. Злобной завистью, пошлостью, отвращением ко всему новому, неистребимым эгоизмом, беспринципностью, стяжательством он, как чумой, заражает окружающее. С сатирической беспощадностью, я бы сказал, с ненавистью борется поэт с бездарностью и наглостью этого приспособившегося к новым условиям обывателя.

Лаконичные, острые, насыщенные горечью строки смирновских басен звучат прямым обличением хамства («Коротко и ясно», «Хам-карьерист», «Крупные животные»), пьянства («Медвежье оправданье», «Жрец и пьец», «Костыль-симулянт»), подхалимства («Бобик», «Налим-подхалим», «Пудель»), тунеядства («Агрегат-тунеяд», «Домашний вузник», «Папина дочка»), низкопоклонства («Зуб с апломбом», «Птица Какаду», «Павлин-стиляга»), воровства («Вечная любовь», «Темная магия»).

Однако не все социальные болезни общества лежат на поверхности жизни, и нужен поистине острый глаз сатирика, чтобы распознать и вскрыть то, что скрыто в глубине. Поэт в своих баснях неоднократно подчеркивает, что современный мещанин научился скрывать внутреннюю пустоту за внешним показным блеском. «Явный пшик, а любит шик», — говорит он о таких лощенных обывателях. С горечью предостерегает он читателя от поспешного суждения о людях по их внешности:

Шикарно
Но... Книга переплетена,
в переплете
вся
ее цена.

Даже набравшись чужого ума и кое-каких знаний, современный мещанин, этот, говоря словами В. Маяковского, «поразительный паразит», остается тупым, чванливым и ограниченным эгоистом. Наглядно, в обобщающих образах-символах поэт доказывает, что, вознося себя над окружающими людьми, подобные дутые величины на деле — невежественные и ограниченные снобы, противопоставляющие себя трудовому народу. Особенно характерна в этом отношении басня «Наивная Планета»:

«Я выше всех!» — подумала Планета
И даже где-то
Подчеркнула это.
А на нее с улыбкой поглядела
Вселенная,
Которой нет предела.

Поэт недвусмысленно дает нам понять, что если подобная ущербная мораль получит в обществе достаточно широкое хождение, то это может стать тормозом его развития. Стереотип мышления мещанина, его стремление к покою, комфорту, материальному благополучию, к застойной тишине «морального уюта», став самоцелью существования, прямо противоположны пульсу жизни, мешают дышать:

Стоит под Солнцем Старая Скала.
Она себе Тепло и Свет взяла.
Но полагает,
Что свою тенью
Жить помогает
Каждому растенью.

Особенно злому осмеянию подвергает сатирик в баснях хулителей советского уклада жизни и поклонников всего чужеземного. Такой тип людей, как замечает он в басне «Неблагодарный астроном», «живет под Солнцем знатно, благодатно... а вот на Солнце видит только пятна». Отношение к своему, родному является пробным камнем моральной ценности человека.

Сатирик нетерпим к тому, что находится в разладе с социалистическими идеалами, потому он и бросает открытый вызов культу мнимой интеллигентности, удобного приспособленчества. Корни зла он усматривает в проблемах воспитания. Прививая своему детищу потребительский взгляд на мир, обыватель внушает ему одновременно фанатическую страсть к благополучию, к занятию выгодного положения в обществе, он не жалеет для этого ни материальных, ни моральных издержек. «На папины средства — размах и кокетство», — говорит поэт в басне «Папина дочка».

Концентрируя внимание читателей вокруг вопросов воспитания личности, Сергей Смирнов стремится активизировать общественное самосознание советского человека. Раскрывая в баснях проявления обывательской психологии, поэт вплотную подходит и к проблемам социальной жизни.

Вполне закономерно нравственная несостоятельность и своекорыстие приводят определенную категорию людей к убеждению, что каждый «сам себе хозяин». Безнаказанность, хамство, хищения, бюрократизм, вельможное высокомерие, низменные инстинкты — вот далеко не полный перечень «цветов зла», распускающихся на кустах «цивилизованной» обывательщины, с которыми мы встречаемся в сочинениях баснописца.

Мастерски используя звучание слова, каламбур, выполняющий роль комической затравки, сатирик с предельным лаконизмом добивается ударности сатирической строки. В этом можно убедиться хотя бы на примере басни «Вельможа». Она отличается характерным для поэта остро отточенным графическим рисунком:

Руководил —
Рукой водил:
Мол,
Мы — умы,
А вы — увы!

Прием этот, воспринятый Смирновым из литературного наследия русских классиков XVIII века, помогает ему находить интересные и неожиданные каламбурные «ходы», особенно в концовках многих басен.

Словно пыль, обывательщина и бюрократизм проникают в жизненные поры нашего социалистического организма, в том числе и в мозговой центр, рядясь в благообразные одежды. И важно не только сорвать с бюрократа эти одежды, высмеять его и представить в глупо-унизительном виде, но и типизировать эти явления, раскрыть их социальный вред, растлевающее воздействие на ближайшее окружение.

В басне «Гнилой Орех» правильно говорит поэт о таком бюрократе-обывателе: «Он — на виду и даже в силе, пока его не раскусили». Разве не беспринципность толкает зарвавшегося пройдоху и плута, которого поймали с поличным, на заискивание с теми, кого он до сих пор не замечал:

— С чего — не понимаю, хоть убей! —
Сказал ошеломленный Воробей, —
Вдруг —
Сам Индюк! — мне... руку пожимает?
Его, наверно, с должности снимают?!

(«Верная примета»)

А вот «номенклатурное» ничтожество, запущенное чьими-то руками в верха и по инерции продолжающее вращаться на руководящих должностях, бездельничая и сваливая работу на других. И поэт справедливо ставит вопрос:

В кресле
Вряд ли нужен
Сам,
Если
Все решает
Зам.

(«Сам и его Зам»)

Отмечая хлесткий сарказм коротких басен поэта, один из наших популярных сатириков Сергей Васильев писал: «...стих обжигает, мораль, вывод в большинстве случаев вытекают сами собой...». «Да, — подчеркивал поэт, — в том и заключается удача С. Смирнова, что в лучших своих «коротких баснях» он достиг единства тонкой, трудноуловимой формы и богатого содержания». ¹

Интересно, что строки и строфы многих коротких басен Смирнова становятся новыми поговорками и получают постоянную прописку в разговорном обиходе. Однажды поэта обрадовало письмо одного охотника, который прислал в охотничий журнал, где он был членом редколлегии, несколько новых поговорок, услышанных в народе, и среди них была ставшая поговоркой только что приведенная выше басня «Сам и его Зам».

Тонкое чувство языка делает Сергея Смирнова мастером советской сатирической миниатюры. Успех многих басен предопределен и словесной игрой — излюбленным поэтическим приемом Смирнова, и точным выбором метафоры, и, наконец, емким ироническим словообразованием заглавия, которое даже само по себе становится крылатым выражением. Например, басня «Кот-валерьянец» — о пьянице-ротозее, которому лишь бы напиться, а там «трава не расти» — все спустит, ибо такому народное добро не дорого: «Ему усы отгрызла Мышь, а он поет: „Шуме-ел камы-ы-ыш!..“» И название и сама басня превращаются в органический сплав, бьющий не в бровь, а в глаз.

Иногда сатирическая миниатюра Сергея Смирнова ближе к афоризму, иной раз перед нами самый явный стихотворный каламбур. Особенно это относится к политическим басням поэта. Для такой его басни характерен особенно выпуклый рисунок карикатурного изо-

¹ С. Васильев. Сто басен С. Смирнова. — Правда, 1959, 30 авг.

бражения. Так, преступные авантюры американского империализма под видом «помощи» другим странам поэт характеризует как «волчью милость» в басне под этим названием. А вот сатирическая миниатюра — «Вредность роста». Лучше и не назовешь басню, в которой осуждается гонка атомного вооружения. Пять слов потребовалось для этого автору: «Бахвалился Вирус, что творчески вырос». Жало другой басни направлено против американского образа жизни:

Любил Шакал
свой собственный
оскал.

И лучших идеалов
Не искал.

(«Себялюбец»)

Адресат в этих баснях, как видим, прямо не назван, а тем не менее благодаря сатирическому подтексту все ясно: и сущность империализма выявлена, и устремления его очерчены. При широте обобщений политические басни Смирнова отличает афористичность и острота высказывания. Поэт-сатирик справляется с врагами советского строя, с агрессорами всех мастей презрительной, уничтожающей насмешкой: «„Ах, почему я одинок?“ — грустит бандюга Осьминог» («Позиция силы»). Эта насмешка подчеркивает непопулярность у народов Запада политики с позиции силы и наращивания военной мощи, которую проводит Пентагон.

Убедительна басня «Оса» о зарубежной прессе, занимающейся подтасовкой фактов и всякого рода вымыслами о социалистических странах и попадающей в неловкое положение после неопровержимых улик, которые сообщает ТАСС:

Она жужжала,
Обнажала
Жало,

А встретила
Шмеля —
И хвост поджала.

Нужно обратить внимание на филигранную инструментовку строки, которая особенно заметна в этой басне, передающей жужжание осы, так же как и в другой миниатюре — «Змея», в которой обрисован характер и шуршащее движение по камышу ядовитого пресмыкающегося:

Ползет
и шепчет даже камышу:
— Дружи со мной!
Иначе... укушу.

Политические басни — большая творческая удача поэта. Они злободневны благодаря умению поэта увидеть и подчеркнуть суть обычаев и нравов западного мира, оценить позиции наших политических врагов. Это их религия — эгоизм, враждебный человечности, захватнические устремления ценою крови и страданий миллионов, алчность и себялюбие.

Благодаря тому что поэт исходит из позитивного взгляда на жизнь, из своей активной, действенной любви к людям, в создаваемой им картине нравов нет безысходного уныния. Сергей Смирнов с радостью отмечает в жизни гармонию труда и взаимоотношений людей. И те сильные личности, которые способны противостоять любым жизненным трудностям и чужеродным влияниям, уподобляет кристаллу:

Не в ту среду
попал
Кристалл,
Но раствориться в ней
не стал:
Кристаллу
не пристало
Терять черты кристалла.

Стойкость и принципиальность — вот черты истинно кристальной личности советского человека. Он не стремится к легкой жизни, всегда подставляет плечо под самую трудную ношу.

Объектом постоянного пристального изучения поэта является и литература как один из источников духовного развития общества. Сергей Смирнов крайне нетерпим ко всему, что набрасывает даже малейшую тень на честное звание советского литератора, ко всему, что может тормозить поступательное развитие духовной жизни народа.

Предметами сатиры в баснях Сергея Смирнова являются многие несообразности в современном литературном кругу. Главное место в его баснях занимает обличение приспособленчества, дяляческих настроений, безыдейности, начетничества, подражания чужим образцам, формалистических выкрутасов.

Аллегорические образы зверей, птиц, насекомых, символизирующие писателей, издателей, критиков, деятелей искусства, отличаются большой пластичностью. Ситуации, представленные в карикатурно-шаржированном плане, в действиях героев басен, отображают реальное положение в литературе на определенных этапах ее развития.

Проследившая в баснях Сергея Смирнова тему литературной критики в пятидесятых годах, мы встречаемся с критиком-злопыхателем, стремящимся разбивать все и вся. Участь такого «дубиноносца», как метко его назвал поэт, весьма печальна:

С критической дубиной
канул в Лету.

Мораль:
не делай из людей котлету.

Особенно распространенным в те годы было и такое отрицательное явление, как начетничество, вскрытое должным образом советскими сатириками С. Швецо-

том она», писатели-администраторы, пробравшиеся в члены правления, названные сатириком «дроздами правления», среди которых царит «мания взаимоподымания». И все это — не улыбки скептика, насмешливо критикующего свой круг. Басни Сергея Смирнова выверены четкой нравственной позицией поэта-коммуниста, сознающего гражданский долг перед родной литературой.

Как борец за чистоту своего цеха, Сергей Смирнов не может проходить мимо проявлений кумовства и круговой поруки, несправедливого присуждения лауреатских званий, издательских «комбинаций» и прочих неблагоприятных делишек. Особенно хороша басня «Мирный и мыльный» о незаслуженном возвеличивании дутых авторитетов и пренебрежительном отношении к настоящим талантам:

Расщепился мирный атом
И... не стал лауреатом.
А пузырь не виноват,
Если он лауреат.

Народу дороги и близки лишь те художники, которые разделяют с ним радости и беды, со всей правдивостью и страстностью борются за его счастье. Басня «Зарубка на память» лучше всего передает собственное отношение поэта к искусству:

Есть
для каждого
творца
Аксиома на века:
— Без Тернового венца —
Нет Лаврового венка!

«Мне кажутся беспредметными рассуждения о том, какими должны быть образы, создаваемые писателями сатирического направления, — писал Сергей Смирнов, — ...действенная, глубокая любовь к советской Отчизне, к партии Ленина, к народу-трудолобу были,

Благодаря краткости и выразительности сатирических зарисовок, аллегорические образы Сергея Смирнова легко распознаются в жизненной обстановке, надолго сохраняются в памяти. Многие басни стали ходячими. В них талант и неиссякаемая изобретательность художника раскрываются с полной силой.

Среди привычных аллегорий (глупость в образе осла или козла, злоба в образах волка, змеи, осы, бездарность в образе попугая или комара) мы встречаемся с самыми неожиданными авторскими находками, свидетельствующими о его природном остроумии: то перед нами Зуб, которому «причиной для апломба служила импортная пломба», то Костыль, прикидывающийся нищим, «а от него разит винищем», то Бородавка, выросшая «у начальника на носу» и считающая себя высокопоставленной особой, то изящный Ноготок, свидетель изнеженности его обладательницы — Руки. Образ в этих баснях всегда накрепко спаян с ведущей мыслью автора.

Используя богатства русского фольклора — пословицы, поговорки, присказки, поэт тем самым привносит в свои басни народный юмор, мудрость. Так, в басне «Породистый брехун», используя пословицу «Собака лает, ветер носит», он по-своему показывает нам болтуна. Изменив в поговорке «С миру по нитке» слово «нитка» на «нотка», сатирик в басне «Попугай-композитор» разоблачает «творческий метод» композитора-плагиатора.

Подобных примеров использования поговорок, крылатых выражений в баснях Смирнова можно привести множество. Не менее удачны и собственные афоризмы поэта. Не будет преувеличением сказать, что почти в каждой басне есть афористическая находка, образец иронической меткости. Многие настолько кратки и выразительны, что как бы заменяют жест: «Осел Ослу помочь бессилен в приобретении извилин» («Мораль»),

«Удалось Червяку лист подъехать на веку» («Итог жизни»), «„Я — не менее Гения!“ — говорит Самомнение» («Самомнение»)...

Исходя в своих зарисовках из собственного эмоционального восприятия окружающего и, как истый баснописец, руководствуясь бесспорно целями воспитательного характера, поэт тем не менее никогда не морализирует. Он часто смеется, порой издевается, иногда грустно улыбается. В этом проявляется личностный момент басен Сергея Смирнова. Автор не позволяет себе поучать читателя с высоты своей позиции, он как бы постоянно находится рядом с нами. Мораль же басни заключена вроде между строк.

Особая роль принадлежит концовке в короткой басне. Обычно в ней сосредоточена вся соль миниатюры. Отличительной чертой концовок Смирнова является их неожиданность, а подчас и парадоксальность, в чем заключается особый смысл — заострить внимание читателя на высмеиваемом явлении:

Пылало Вдохновенье —
и погасло:
В него подлили слишком много Масла.
(«Плоды захваливания»)

Поэт прекрасно умеет использовать озорной каламбур, основанный на полярности подбираемых значений однокорневых слов, а также слов, близких по звучанию (омонимов). Герой басни «Самонадеятель» считает себя «в Главном Калибре, а калибр-то Калибра Колибри». Или в «Саморекламе»: «Из кожи лезет Вобла: — Я раньше тоже во! — была!..» Хам-карьерист в одноименной басне, построенной тоже на каламбуре, «осуществил свой замысел, — к одноХамильцу в замысел». Подобным же образом на развернутом каламбуре написана и басня «Гиена»: «Ее устремления к Падали не падают и не падали, ...»

Новаторски используя в короткой басне прозаизмы и газетно-канцелярскую лексику, Смирнов добавляет комические черты, современный штрих, чем и добивается остроты сатирического рисунка. Богат и разнообразен в его басне набор рифм. Поэт часто использует внутреннюю рифму: *полезно — полезла*; в кресле — *если*; ветра в поле — в «Метрополе»; за разговором — *ворон...* Часто служат ему и ассонантные рифмы: где-то — по секрету; своя — муравья; соблазна — заглазно; грязь — искрясь; алмаз — масс; природе — миниатюре; не менее — самомнение; занес — заноз; восторг — итог.

Опираясь на известные литературные приемы, смело вводя свежие краски, поэт-сатирик открывает новые возможности старого жанра басни, делает шаг вперед на пути его развития. Осмысляя злободневные проблемы современности в сатирических миниатюрах, он выводит басню на передний край литературы.

Отсюда та почетная и ответственная задача, на службу которой поэт поставил свой талант и которую, по признанию большинства критиков, решает в лаконично-экспрессивной манере с присущим ему мастерством. И не только короткая басня занимает значительное место в сатирическом арсенале Смирнова, но и эпиграмма, пародия, шутка, живущие и действующие благотворно на души наших современников. «Это сила, — подчеркивает поэт в предисловии к своему итоговому сборнику «Сатирички», — которая бьет прямой наводкой по Тьме и Злу... и надо честно признаться, что таких мишеней на голубой планете Земля еще хоть отбавляй... Значит, да здравствуют Сатира и Юмор, да процветают целенаправленная Ирония и все разнообразности «здорового» смеха, если они служат доброму делу и уважаются добрыми людьми!»

Со времен раннего расцвета сатирической мысли в России в XVIII веке среди поэтов повелось высказывать

были даны его стихотворения, поэмы, короткие басни и, наконец, впервые собранные воедино семнадцать эпиграмм и пародий под общим названием «С чувством локтя и ложкой дегтя». Через год под этим же названием в «Библиотеке „Крокодила“» отдельной книжечкой появилось еще двадцать пять литературных пародий поэта с дружескими шаржами Иосифа Игина. В 1962 году в издательстве «Молодая гвардия» с шаржами того же художника вышел сборник «Добро обжаловать», где уже помещено около пятидесяти пародий, эпиграмм, шуток Сергея Смирнова, из которых двадцать три были новыми. В аннотации к этому сборнику сообщалось: «Читатели найдут добродушную и злую, не скрываем, сатиру на многих известных поэтов, прозаиков и критиков. Хочется надеяться, что книга понравится им».

Свой опыт в басенном жанре поэт творчески переносит на эпиграмму, пародию, шутку, экономно пользуясь и здесь речевыми средствами, сознательно сгущая сатирическую мысль и увеличивая емкость портрета. В эпиграмме и пародии подход сатирика к задаче несколько иной, чем в басне. На смену иносказанию приходит конкретная зарисовка, добродушная либо язвительная. Сатирик должен добиться максимального приближения к оригиналу, узнаваемости адресатов. И надо сказать, что после пародий Александра Архангельского на современных писателей Сергею Смирнову успешно удается передать стилевую манеру письма пародируемого литератора, выделить наиболее яркие положительные или уязвимые его особенности. Например, в пародии «По стране обо мне...» на Сергея Васильева, обыгрывая его строчки «Эх, сколько мною пройдено, — и все вокруг мое», Смирнов высмеивает стремление поэта скорее напечататься, даже если стихи и не удались, говоря от его имени:

— Едва лишь песню сделаю,
Хотя бы скороспелую, —
Досрочно и умело я
Печатаю ее.
Ах, сколько мною издано! —
О том известно издавна.
Эх, сколько переиздано!
«И все вокруг — мое!»

В шуточном портрете Ольги Берггольц облик блокадной поэтессы, у которой «мировой характер ленинградки», «в жилах кровь задиры и бойца: сто процентов чистого железа, остальное — красные тельца», вполне узнаваем даже без указания ее имени («Автопортрет»). А вот дружеская, написанная с тонкой иронией эпиграмма на прозаика Сергея Антонова «В чем дело?»:

Полистаешь твой том
И увидишь из одного,
Что —
сам Чехов Антон
Сочинял под...
Антонова.

Веселый, задорный юмор пародий и эпиграмм в значительной степени теснит сатирическую злость. Критика Сергея Смирнова большей частью выливается в форму товарищеской шутки, дружеского пожелания, но, конечно, не без определенной доли иронии, что и придает соответствующую остроту его произведениям.

В умелых руках сатирика эпиграмма и пародия дают хорошие результаты для индивидуализации героев, а кроме того, они придают стиху юмористическую экспрессию. В результате, подметив наиболее излюбленные приемы художественного творчества адресатов сатиры и искусно имитируя их с присовокуплением некоторых биографических штрихов и черт внешности, Сергей Смирнов достигает поразительного сходства с оригиналами. Такова, например, пародия на Александра Прокофьева «Парень хоть куды», в которой отра-

зились сила и самобытность замечательного поэта и, хоть в шутовском ключе, сказалось уважительное отношение к нему автора пародии:

...Пишут
лесенкою
люди
В нашем песенном краю.
Я, как яблочко на блюде,
Моде противостою.
Колья, жерди, вица, донник,
Буерак, болото, луг,
Сто и более гармоник, —
Посередке — я сам-друг.
А когда не те словечки
Во стихах заколготят,
Я тащу их прямо к речке
И топлю их, как котят...

Пародии и эпиграммы Сергея Смирнова понятны не только узкому кругу литераторов, они имеют общественное звучание, так как поднимают вопросы современной литературной жизни с ее спорами, обсуждениями проблем, говорят о творческих позициях писателей. В этом принципиально новое, отличающее почерк Сергея Смирнова от других сатириков. Внимательно приглядываясь к хорошо известной ему писательской среде, сатирик отмечает все, что мешает развитию литературы, что уводит ее с путей социалистического реализма на окольные пути-дорожки.

Явное осуждение у поэта вызывает зазнайство и отрыв писателя от читательской аудитории. С разновидностями зазнайства мы сталкиваемся в пародиях «Лукоморье-Мухоморье», «Вниманье, граждане!», «Угадайка!» и ряде других. Упоенный собственной гениальностью, в своем гротесково-хвалебном монологе герой как бы не замечает «подсунутого» ему эпиграмматистом иронически-смешного каламбура, построенного на обы-

рывании фамилии героя («Вниманье, граждане!» — на Анатолия Поперечного):

Я — личный
И типичный,
Отличный
И эпичный,
И поэтично-
Вечный,
И встречно-
Поперечный!

Чаще всего, как выясняется, для высоких самооценок нет достаточных оснований, так как вслед за самоудовольствием обычно приходит приостановка самосовершенствования автора. «Сам себе герой!» — такова аттестация самоуверенного поэта в эпиграмме-пародии «Угадай-ка!», адресованной Сергею Островому. Сочные, просторечные глаголы — «просочился», «нагрохал», «лажу», «складываю» — прицельно бьют в «парня с головой», каким считает себя герой-сибиряк.

Комический монолог Сергея Михалкова по поводу своего знаменитого дяди Степы в пародии или, правильнее быть может, в эпиграмме «Верзилки из „Мурзилки“» оборачивается также довольно ядовитым каламбуром о его дальнейшем творческом росте:

Я писатель. Он матрос.
«Кто же выше?» — вот вопрос.
Я расту, но дядю Степу
До сих пор не перерос...

Гражданственному духу Смирнова органически чужда сентиментальная патетика элегических песнопений. Разумеется, это не означает, что он отрицает любовную лирику. Однако пользующиеся порой у читателя успехом мелодраматические декламации любовных переживаний и выливающиеся в такие строки, как «Все будет: слякоть и пороша...», «Стал придавать значенье снам», «Пускай я прахом стану навсегда», задевают его вкус,

и тогда появляется пародия. Насмешливо перепевает он «неземные» чувства популярнейшего лирика Степана Щипачева в пародии «Сроки любви»:

Пусть я седой, но волосы ерошу
И думаю о лунных вечерах.
Люблю тебя, и слякоть, и порошу,
И пыль, и тлен, и даже пух и прах.

Люблю. Мне чувство ревности знакомо.
Сам бог любви прислуживает нам.
Я на тебя, секретно от парткома,
Молюсь и... придаю значенье снам...

Любые проявления поэтического мелководья, прикрытые мнимой значительностью, как и псевдонародную стряпню, подкрашенную фольклорной лексикой, Сергей Смирнов последовательно и беспощадно подвергает юмористическому анализу, подобно римскому сатирику Персию Флакку, приглашая: «Внутрь себя углубись и познай, как бедна твоя утварь» (Сатира четвертая, Пер. Ф. Петровского). Особенно показательна в этом отношении пародия «Бреду в бреду» на Семена Кирсанова, отдававшего дань стихотворному трюкачеству и часто забывавшего, как говорит сатирик, «что количество — не качество». В пародии на Леонида Мартынова «Лукоморье-Мухоморье», обыгрывая его известные строки из стихов, сатирик подсмеивается над излишней изощренностью и выпренностью мартыновского поэтического стиля.

Темой, всегда дающей богатую пищу сатире, служат крайности в различных литературных направлениях. Как узко прямолинейные последователи классических традиций и всего патриархального, так и авторы, претендующие не в меру на новаторство своими формалистическими изысками, или так называемые «деревенщички», считающие себя полпредами деревни, которую видят из окон городских квартир, то и дело становятся

ся мишенями пародий и эпиграмм Сергея Смирнова («Аромат... супони...» — на Виктора Бокова; «Экстра-эрудит» — на Василия Захарченко; «Лешенька и клякса» — на Алексея Маркова; «Встреча в Сандунах» — на Бориса Слуцкого; «На „во“ и на „о“» — на Владимира Солоухина и другие).

Беря на вооружение пародию, сатирик умеет вскрыть слабые места своих персонажей как бы изнутри. Так, например, гротесковым наивом передает он упрощенно воспринятые тем или иным поэтом жизненные явления, вкладывая в их уста прутковскую «мудрость»: «Если закисает молоко, значит, скоро будет простокваша» («Правда жизни» — на Николая Глазкова); «Не забывай, что дважды два — четыре, что мы умрем с тобой на склоне лет» («Сроки любви» в той же пародии на Степана Щипачева); «А недавно видел инкубатор — боже мой, какой прогресс труда! — шумно вылупляются цыплята из яиц, заложенных туда!» («Экстраэрудит» — на Василия Захарченко).

«Литературная практика последних лет, — пишет М. Синельников, — не знает пародий или эпиграмм подобного характера. Может быть, поэтому кое-кто упрекал Сергея Смирнова в резкости, даже в... прегрешении против этики. Но право же, совсем бесполезно иной раз проверить «чувство локтя» «ложкой дегтя» — в интересах дела, в интересах выяснения истины! И о каком же нарушении этики можно говорить, если автор пародий четко и нелицеприятно выражает свои позиции, ведет спор, что называется, с открытым забралом? ...»¹

Духу сегодняшних споров о поэзии отвечают эпиграммы, задевающие авторов, нарочито затемняющих мысль замысловатостью «дефицитных» слов, изощрен-

¹ М. Синельников. Осязаемая близость. — Москва, 1962, № 5, с. 196—197.

ностью формалистических изысков. «Будь славен искус твой», — обращается не без ехидства сатирик к Андрею Вознесенскому («Завязтому новатору») и продолжает: «Шуруй! Неистовствуй!! А с тарабарщиной — не перебарщивай!!!» В другой эпиграмме поэтесса Юнна Мориц, пишущая «сложного сложней», восклицает: «Какого же рожна я — даже для себя — сложна?» («Плод... придумки»).

Смеясь над подобными «интеллектуалами», Смирнов убедительно показывает, что часто вся эта завуалированная словесными выкрутасами «мудрость» «банальной камня в... почке» и легко укладывается в следующую эпиграмму:

Сварили щи
И съели щи,
И — где же щи???
Ищи — свищи!!!

(«Философема»)

Ничтожность объекта философствований служит ключом для осмеяния ложной мудрости. Данная шутка говорит о том, что помимо портретных зарисовок, сделанных остро, логично и скупно, автор обращается и к другому приему сатирического высказывания, когда в основе миниатюры лежит не образ, не характер, а ситуация, явление. Такова эпиграмма и на Роберта Рождественского «Про качество строкачества»:

Эфир — ему...
Экран — ему...
Печать — ему...
Бессрочны сроки...
Эх, хорошо б к сему всему
Ему —
Покачественней строки!

Немало упреков, как уже отмечалось, Смирнов адресует авторам, не поспевающим за временем. Подобных эпиграмм, вносящих весомую лепту в литературно-об-

шественную борьбу нашего времени, множество. В них мы находим черты хорошо известных и любимых читателем писателей, к которым и сатирик, высказывая свои упреки, относится с большой симпатией. Вот, например, комический портрет одного из них:

Шумел
И значился в былом
Как кровно связанный с селом.
Да,
 он —
 все тот же...
 А оно —
Ушло вперед
Давным-давно.
(«Он и оно». Владимир Тендряков)

Взявшись за нужную и крупную тему, некоторые поэты, вместо того чтобы достоверно и зримо отразить в стихах щедрую красоту родной земли, созданную трудом и старанием рачительных земледельцев, скатываются подчас на подробное описание техники, превращая тем самым свои стихи в неудачные «прицепы». Не вдаваясь в теоретические дискуссии относительно правомерности внедрения техницизмов в литературные произведения, поэт просто дает свою, сатирическую оценку слабым, безликим, без собственной художественной «тяги» стихам («Лирическая тяга». Анатолию Жигулину).

Под сомнение он ставит также прочность успеха и долговечность модных псевдонародных поделок, ибо видит в них не жизнь народа, не его душу, а лишь поверхностное владение фольклором, местными обычаями и наречиями, взятыми за образец для подражания.

Прекрасно отличая подлинную народность от стилизации под нее, Сергей Смирнов подчеркивает, что такие авторы часто теряют вкус и чувство меры, перебарщивая в игре народным словом, пытаясь создать нарочито

оригинальную манеру и «приблизить» свое творчество к деревне. В результате такой автор «то и се умеет понемногу, но — отнюдь не все — с эпохой в ногу», как остроумно заметил сатирик в эпиграмме «Кустарь-самоучка» на Николая Глазкова.

У эпиграмматиста закономерно возникает вопрос к поэтам-современникам, вольно или невольно уходящим в дремучую старину и забывающим о том, ради чего они это делают. «Как же так?!» — обращается он к Игорю Кобзеву, имея в виду и всех его однопевцев:

Ты, сочинитель, не протак.

Но в чем же дело?

Как же так! —

Всю Русь —

жар-светом облучили,

А ты вздыхаешь об лучине.

Структуру атома разъяли,

А ты милуешься с... князьями.

Ракеты мчатся в небеса,

А ты поешь

про туюса!..

Уместно здесь привести слова Л. Ф. Ершова о благотворном влиянии сатиры на литературный процесс, ибо они имеют прямое отношение к работе Сергея Смирнова: «Эпиграмматист, раскрывая недостатки и слабости в целом прогрессивных литературных направлений и течений, приносит тоже немало пользы обществу, формируя подлинные высокие эстетические вкусы и этические нормы. Произведение такого рода тем действеннее, чем раньше разгадана природа шумного и модного поначалу явления, чем искуснее воплощено содержание в парадоксально-остроумной форме».¹

Эпиграммы Смирнова охватывают обширный круг тем: поэзию, прозу, критику, перевод. Зримо и образно

¹ Л. Ершов. Сатирические жанры русской советской литературы. Л., 1977, с. 49.

Б. Соловьев

сидят

с... А. Блоком

И спор
О вечности
Ведут.

Несколько иная оценка исследовательской деятельности чувствуется в эпиграмме на Ираклия Андроникова «Знато́к-архивешатель». В ней содержится намек на чрезмерный интерес литературоведа больше к раскапыванию самых отдаленных родственных связей великих русских поэтов, нежели к постижению их творчества.

Значительный ущерб для литературы сатирик усматривает в уходе критической мысли от современности. В эпиграмме «Классический подход», адресованной Виктору Перцову, исследователю творчества Владимира Маяковского, сатирик прямо называет причину — так спокойнее. Зачем ломать копыя в сегодняшних литературных битвах и получать «тумаки и шишки»? Пусть другие это делают:

Я современность знаю близко,

Но...

обожаю жить без риска:

Пишу про классиков-творцов —

И все в порядке!

В. Перцов.

В менее резкой форме выражена та же мысль и в эпиграмме «Взаимовыручка», обращенной к есениноведу Юрию Прокушеву. Здесь комизм построен на игре местоимения «ты нам», «а он тебе», которые вызывают ассоциации с какой-то негоциантской подоплекой: «Ты нам — Есенина воздравил, а он — тебе дорогу дал».

Итак, классика — это спокойное прибежище от суеты сует современности взамен отмирающего начетничества. Но в современной критике появились и другие тенденции, не встречающие симпатий. Например, пристра-

Через шарж и гротеск портретных зарисовок отчетливо проступают трудности жанра, связанные с его противоречивой сутью. Сложные требования, предъявляемые к художественному переводу, — бережно сохранить национальное своеобразие оригинала и в то же время ввести перевод в отечественную литературу как ее родное детище требуют от переводчика таланта, мастерства, добросовестности и, по мнению Смирнова, чувства и знания языка. В том случае когда нарушается невидимое равновесие этих качеств, репродуцирование высоких образцов других национальных литератур приводит не столько к обогащению нашей литературы, сколько к дискредитации оригинала. Особенно часто это случается тогда, когда за дело берутся ремесленники, которым все нипочем, как замечает сатирик, вкладывая в уста одного из них убийственные, полные сарказма строки:

Если даже с языком
Я не очень-то знаком, —
Ой, не стой
На виду,
А не то...
Переведу!

Как никакой другой сатирический прием, ирония требует от читателя встречной тонкой остроты восприятия, ума, ибо ирония несет в себе элемент некоторой двусмысленности, недосказанности. Адресат вполне может сделать вид, что не понял скрытой насмешки в посвященных ему строках. Эпиграммам иронического характера особенно много внимания сатирик стал уделять в последние годы. Начиная с книг «Веселый характер» (1963) и «Сатирическая россыпь» (1964) они росли в геометрической прогрессии и вылились в настоящую симфонию сатиры и юмора в изданной в 1975 году в издательстве «Советский писатель» книге «Други-однополчане (в специфическом плане)» с дружески-

ми шаржами Наума Лисогорского. В нее вошло около двухсот эпиграмм, обращенных к литераторам России и всех союзных республик, — от шуточных посвящений до убийственно иронических миниатюр.

Большинство эпиграмм Сергея Смирнова носит подчеркнуто дружественный характер, в чем нетрудно убедиться, познакомившись со следующими произведениями этой итоговой книги: «Зажиточные тезки» (Григол и Ираклий Абашидзе), «Хай буде так!» (Микола Бажан), «Вперед, а не наоборот!» (Василий Белов), «Надпись на... надписях» (Расул Гамзатов), «Братское спасибо!» (Семен Данилов), «Довольство без самодовольства» (Карло Каладзе), «Так держать!» (Мустай Карим) и многими другими.

Отдавая дань расцвету многонациональных литератур Советского Союза, Сергей Смирнов почти каждому заметному художнику сумел сказать доброе, шутовое, небидное слово, дабы ни коим образом не поколебать «нерушимого и заслуженного авторитета своих собратьев по перу», как он заявил в предисловии к данной книге. Поэтому в ней не меньшее место, чем эпиграмма, занимают шутки и посвящения, обращенные непосредственно к друзьям поэта, к тем, кем он особенно дорожит. И в каждом шутовом посвящении метко подмечено то лучшее, что преобладает в труде и характере каждого, найдена верная и выразительная деталь, делающая образ ясным и доходчивым. Примером тому может служить хотя бы шутка «Вологда, да еще Вологда!», посвященная Сергею Викулову:

В лоне Вологды возник,
Взвился вроде сокола,
А от викуловских книг —
Аж Москва

заокала!

Чрезмерная занятость видных литераторов всякого рода делами, не имеющими к творчеству прямого отно-

ливых, вызывая их на творческую активность своими колкими стрелами. Поэт-сатирик поистине неистощим, и все оттого, что он искренне убежден в действенной силе сатиры и юмора во всех сферах их применения. Ведь недаром говорится: «Смех — дело серьезное». И действительно, велика его оздоровительная миссия: он бичует, ниспровергает, убивает то, что заслуживает уничтожения, он вызывает и улыбки на лицах, поднимает настроение.

Как-то еще в начале творческого пути Сергея Смирнова Ярослав Смеляков сказал о его стихах: «Веселый стих должен вызывать у читателя не только смех, но и чувство радости и гордости. Этого Смирнов достигает».¹

То, что отличает юмор и сатиру Смирнова от юмора и сатиры его крупных и малых современников, — это мгновенная реакция на совершающиеся события, повышенная эмоциональная экспрессивность жанра, стремление сатирика преобразенно передать пульс собственного сердца, охваченного то чувством восхищения зримым миром, то чувством гнева и сарказма. Способность же осмысливать и отображать видимое в лаконичной форме стало итогом его социально-эстетических исканий, стремлением к усилению сатирического обобщения, к открытию новых тем. В этом новом строе поэтического мышления, в новом ладе культуры сатирического жанра и заложены основы новаторства сатирика.

Однажды Сергей Смирнов заметил: «Обстановка переднего края мне дороже позиций в тылу». Не случайно поэт стал признанным «командиром наступательных строк». И его сатирическая поэзия продолжает наступать, подобно речке Ключевой из его стихотворения,

¹ Я. Смеляков. Новые стихи Сергея Смирнова. — Лит. газ., 1949, 28 дек.

«она кипит, она струится, уносит муть, штурмует тьму и ключевых своих позиций не уступает никому».

ЛИРИК + ЭПИК

Как-то поэт, восхищаясь стихами Василия Кулемина, сказал: «...это исповедь, это признание в любви к жизни, к родной земле, к любимой женщине. Это подлинно сердечный разговор о самом сокровенном...»¹ То же можно сказать и о произведениях самого Сергея Смирнова. На протяжении более четырех десятилетий творческого пути им написано множество стихов в различных жанрах, но по-прежнему главной для него остается лирическая форма. Именно лирика стала его лебединой песней о любви к Отчизне, к человеку творческого подвига, в ней — национальный русский колорит, раздумья о любви и труде, о смысле жизни.

В стихотворении «Самочувствие» (1961) он признавался, что когда к нему «приходит муза — от зари и до зари», то душа полнится лирическим волнением, а строка — «ударной силой слова». Последнее особенно характерно для Смирнова, который ставит главной задачей поэзии служение родине, партии, народу. Ударная сила слова помогает поэту проникнуть в суть социальных процессов, активно воздействовать на них. И критика правильно отмечала, что его поэзия проникнута оптимистическим духом нашей действительности, радостью утверждения нового, воплощая ведущую тенденцию современности.

О том, что муза Сергея Смирнова неразделима со своими героями — творцами нового общества, свиде-

¹ Лит. газ., 1963, 9 апр.

тельствует множество стихотворений, посвященных разным лицам, которые привлекли его внимание. К ним примыкает и небольшая поэма «Владычица морская» (1958), написанная в результате поездки поэта на Дальний Восток и посвященная бывшему капитану рыболовного судна «Шторм» В. Я. Орликовой. Сергей Смирнов выходил на нем в море и с восхищением наблюдал трудную и опасную работу рыбаков. «Прекрасные люди — моряки», — отметил он по возвращении на берег.

В этом небольшом, но емком произведении показаны мужественные люди, может быть на первый взгляд и огрубевшие внешне от тяжелой работы, но их нельзя не полюбить, потому что мысли и чувства неунывающей «братвы в матросских робах» красивы и направлены во имя блага народа, их дела. Живо и увлеченно, с доброй и мягкой шуткой по отношению к друзьям и взволнованной публицистичностью по отношению к недругам раскрывает поэт перед нами картину похода, непосредственно-поэтически отображая окружающий мир.

Поэт не любит неопределенности образов, туманных сравнений, всяких длиннот, — все у него просто и точно, конкретно и реально ощутимо. В стихах много ярких, красочных находок, например — о китах:

А там, средь синевошной маеты,
Подобием живых подводных лодок,
Тараня воду, двигались киты. . .

Или о фашистских налетах во время войны: «И «юнкеры», от злобы сатанея, бомбили так, что корчилась вода. . .» Один штрих — «корчилась», и читателю легко представить и почувствовать, как вода становится живым существом, ранимым и стонущим от боли.

Его сравнения подчас просто необыкновенны по своей оригинальности и точности. Так, изменчивая природа в одном месте поэмы саркастически сравнивается с неосновательностью критики:

Неизгладимые следы пережитой войны отразились в литературе второй половины XX века глубоким осмыслением исторических событий, потребовавших от нее масштабных эпических полотен. Расцвет этого жанра ознаменовался столь значительными произведениями, как «За далью — даль» А. Твардовского, «Середина века» В. Луговского, «Строгая любовь» Я. Смелякова, «Суд памяти» Е. Исаева, «Проданная Венера» В. Федорова, «Любава» Б. Ручьева, «Иди, сержант» Н. Грибачева и др.

Богатую, незаурядную натуру воспел и Сергей Смирнов в поэме «Русская красавица» (1959), романтически-влюбленно представив нам обаятельный образ медицинской сестры времен Отечественной войны. Корни избирательного, сочувственного отношения к теме прежде всего заложены в биографии поэта, мать которого в первую мировую войну, повязавшись краснокрестной косынкой, ушла сестрой «в солдатский строй, в пекло схваток и лишений». Во время второй мировой войны поэт сам увидел и познал благородный труд медиков, терпеливо ухаживающих за ранеными «с материнским блеском глаз, с дорогим теплом ладоней, с обожаньем без прикрас».

Однако, раскрывая образ героини, поэт не рассматривает ее лишь как носительницу благородной профессии. В лице Марины Соколовой прежде всего находит конкретное преломление идея изначального стремления человека ко всему доброму и прекрасному.

В понимании поэта Красота и Доброта — понятия двуединые. Героиня, поставившая Красоту на службу окружающим, по идее автора, нравственно подготовлена к выполнению своего гражданского долга. Русская красавица в поэме Сергея Смирнова — цельная, мужественная натура, одинаково способная найти свое место как в общении с природой, так и в человеческом коллективе, в кипении драматических событий. В трудные

дни гитлеровского нашествия на Москву она без колебаний влилась в ряды медицинских работников.

Особенностью творческого мировосприятия Смирнова является то, что он, повинувшись внутренней необходимости, от событий, с виду ничем не примечательных, повседневных, переходит к раздумьям о высоких качествах русского характера, к широким обобщениям. В поэме «Русская красавица» перед нами обыкновенная женщина, скромная медицинская сестра, но рамки бытия героини далеко раздвинуты за пределы ее профессиональных интересов. Особая поэтичность этого трогательного образа состоит в том, что в жестокую реальность госпитального бытия, где царил «свинцово-стойкий запах крови и тепла, вперемежку храп и стоны, кашель, потные чубы», она привнесла уют и красоту, т. е. свое эстетическое восприятие жизни, придав этим силу людям в их борьбе со смертью, страданиями.

Романтический образ медсестры Марины Соколовой сохранил свою притягательность до наших дней, как нестареющий тип подлинно гармонической человеческой натуры, женщины из народа. «Не за тот ли труд усердный сам воспрянувший герой дал ей званье милосердной, окрестил своей сестрой?» — спрашивает поэт и, характеризуя красоту русской женщины, утверждает: «Человечна, величава, неустанна и проста, это ты дала начало жизни Красного Креста».

В 1961 году в издательстве «Советский писатель» вышла «Книга посвящений», развивающая традиции лирической публицистики и интересная своей прямой направленностью к современникам, даже и тогда, когда идет речь об оставивших заметный след в жизни людей прошлого. Все стихи этой не совсем обычной книги имеют посвящения.

Среди адресатов на первом месте — «не в броню закованный, а просто человек, стоящий на броне», — Ленин и далее герои-космонавты, знатные труженики,

люди искусства, писатели, товарищи, родные... Строки о Ленине отличаются сердечностью и верой в бессмертие идей вождя, несущих в мир «дух единства» и «окрыленность на века». Со свойственной поэту простотой выражения самых заветных чувств он утверждает, что образ Ленина всегда и «повсеместно будет жить в народе» как образец революционной стойкости, человеческой доброты и мужества:

Вождь,
 провидец
 и просто Ленин...
Одержимость
И свет ума.
Революция... Обновленье...
Мы
 и с нами его тома...
Эстафета за эстафетой...
Узы братства,
 как суть всего...
Ленин —
 это
 сама планета,
Продолжающая его...

Развивая традицию «лирического полпредства», Сергей Смирнов выходит на главную магистраль поэтического поиска. Добиваясь хороших полнзвучных рифм, точных сравнений, красочных лирических находок и внутренних созвучий, он никогда не поступает главным в стихе — смыслом, идеей, ради чего он пишет. И посвящения продолжают эстафету, начатую Пушкиным. Достаточно вспомнить его «Послание в Сибирь», вызвавшее ответный отклик декабриста Одоевского, строка из которого — «Из искры возгорится пламя» — стала революционным лозунгом ленинской коммунистической газеты «Искра».

Стихи, непосредственно связанные с судьбами современников, с жизнью, со всем передовым, что делается

сегодня в мире, с историей, волнуют самобытными характерами, отражают типичные черты советского человека. Полнокровна и разнообразна гуманная деятельность страны дерзновенных свершений, «она громогласней весеннего грома, она для агрессоров вроде разгрома, она безраздельно уже завладела сердцами борцов за рабочее дело». И основа всего — труд во имя мира, во имя победы коммунизма.

Герои стихов-посвящений, привлечшие внимание поэта, — люди щедрого сердца, деятельной мечты, беззаветного служения высоким человеческим идеалам:

Парни с чистыми сердцами,
Все
как есть
мы строим сами,
И храним, что сами строим,
И гордимся
Нашим строим.

(«Мастера»)

Высокий тон, присущий этому стихотворению, неразделим со смыслом, подчеркнут четкой фразировкой хореической четырехстопной строки, звонким раскатистым «р», ритмом, вторящим стихотворному размеру. Пафос его, как и многих других посвящений, рожден влюбленностью в жизнь, выверенностью чувств, верой в советского человека, не останавливающегося ни перед какими трудностями.

Мирная политика партии для поэта, бывшего солдата, — это та главная и единственная Правда жизни, которая нужна всему человечеству. Такая правда — главный аргумент в диалоге между советским и капиталистическим строем. «Светит людям наша правда, ясная, советская», — пишет Сергей Смирнов в стихотворении, посвященном поэту, драматургу и публицисту Анатолию Софронову. Четырехстопный хорей придает стиху мажорный тон,

В стихах, посвященных собратьям по перу, единомышленникам, друзьям, наставникам, Сергей Смирнов как бы проводит переключку писателей разных поколений и дарований, таких, как М. Шолохов, М. Исаковский, В. Кочетов, Я. Смеляков, Л. Соболев, С. Васильев, Н. Грибачев, В. Федоров и др., которых объединяет большевистское жизнеутверждающее начало, неиссякаемая молодость духа в борьбе, в труде, в личных взаимоотношениях. «Нам расставаться не пристало с такой обворожительной порой», — с улыбкой заявил от имени товарищей по перу Сергей Смирнов в стихотворении «Молодость наша», посвященном Сергею Орлову. И это не просто шутка. Поэт глубоко убежден, что вдохновенное слово писателей, для которых социалистическое бытие стало воздухом творчества, не канет в Лету, а прочно войдет в жизнь, в сознание современников.

Особенно интересное художественное воплощение эта мысль нашла в стихотворении «Поэту», посвященном Владимиру Луговскому, близкому Смирнову по духу своим романтическим отношением к жизни. Оно вылилось из-под пера стихотворца под живым впечатлением от посещения родного города Ялты, в котором совсем недавно оборвалась жизнь замечательного поэта. Несмотря на то что стихотворение обращено к умершему другу, оно звучит светло и оптимистично. На фоне «мажорной симфонии красок и света», ликующего, буйного цветения юга из небытия возникает образ Луговского. Кажется, что он властвует повсюду в окружающем мире, в звуках моря, в облике гор («в старой скале, под кустом бересклета, стучало бессонное сердце поэта...»). Метафорический смысл, заключенный в стихотворении, раскрывается в концовке, которая утверждает превосходство жизни над смертью, искусства над небытием:

Мой добрый наставник,
Наш дядя Володя, —

Началом всех начал для Сергея Смирнова всегда был и остается труд, без громких слов, без фанфар, труд обыденный и привычный, как сама жизнь. Порою он бывает страдным, напряженным. В стихотворении «Старому товарищу» (М. Луконину) поэт говорит об этом, однако рядом со словом «страда» мы находим и слово «пенье», так как даже страдный непреходящий труд приносит радость человеку. Незримыми нитями труд связывает между собой в стихах Смирнова людей далеких, на первый взгляд, профессий — хлопкоробов, виноделов, шахтеров, писателей, ученых, садоводов...

Творчески воспринимая братский союз людей труда, художник переводит свое видение жизни в образный мир поэтического слова. Тогда реальная деталь как бы выходит за рамки обыденных устоявшихся представлений, вырастая до символа. Примером такой трансформации вещественного объекта может служить обыкновенная шахтерская лампа в одноименном стихотворении сборника посвящений. Полученная в подарок от шахтеров далекого Шураба и прочно водворившаяся на письменном столе, она стала залогом дружбы и единства поэта с рабочим классом, талисманом, дающим ощущение силы: «Таких, как мы, никто не свалит с ног». А это естественно вызывает ответный творческий отклик, который звучит в стихотворении как присяга на верность:

И всей душой
на вас держу равнение
И берегу
Шахтерский огонек.

Накрепко связанный всеми жизненными и творческими нитями с народом, Сергей Смирнов воспринимает народность именно как полное слияние, растворение писателя в жизненных проблемах трудящихся. Мысль эта с большой силой обобщения воплотилась в стихотворении «Щедрость», посвященном Михаилу Шолохову.

Поэт приглашает художников черпать вдохновение для творчества из могучей реки народной жизни, вытекающей из толщи земных «угольных пластов», как это делает крупнейший писатель современности Шолохов:

Бескрайна степь.

Над нею

высь бездонна.

Струится Дон в объятия морей.

И сколько бы ни черпали из Дона —

Он с каждым годом

чище и щедрей.

Метафора охватывает масштабные категории бытия: бесконечность жизни, неоглядность ее перспектив, неисчерпаемость национального народного гения. Автором найден нужный тон — взволнованно-патетический, отображающий своеобразие художественного видения мира и роли писателя в нем, захватывающий искренностью чувств.

Образ щедрой, полноводной реки, олицетворяющий творчество, идущее от народа и возвращающееся народу, характерен для Сергея Смирнова и не раз встречается в его стихах. Он как бы продолжает размышления И.-В. Гёте, одного из своих любимых авторов, который как-то сказал: «Все мы, по сути, коллективные существа, что бы мы о себе ни воображали... За долгую жизнь я, правда, кое-что создал и завершил, чем можно было бы похвалиться. Но, говоря по чести, что тут было собственно моим, кроме желанья и способности видеть и слышать, различать и избирать, вдыхать жизнь в услышанное и увиденное и с известной сноровкой все это воссоздавать...» Воссоздавать именно для народа, ибо, как продолжал гениальный мыслитель, «существует и продуктивность деяний, и во многих случаях она стоит превыше всего».

Сергей Смирнов не верит модным и шумным «потокам», они пронесутся, как вешние воды, и не оставят

Чутко и нежно относясь к живой природе, особенно к жизни растений, Сергей Смирнов улавливает в них нечто родственное поэтическому порыву — в их стремлении к свету, в цветении, в увядании. В стихотворении «Над Черным морем...» из того же цикла поэт воссоздал образ одного из самых жизнелюбивых растений — винограда, перекликающийся с более ранним образом шиповника в одноименном стихотворении. Крымский виноград предстал перед художником в облике внешне немощного «узловатого творенья», в котором он прозрел «настырных почек взрывчатую силу», «глубинную хватку подлинных корней». Образ глубоко символичен, ибо, как в природе, так и в человеческой жизни постоянно действует добрая созидательная сила, которую и прославляет Смирнов.

Особенно ярко тема «взаимоотношений» и «взаимопомощи» человека и природы прозвучала в цикле «Матушка-Русь», в который вошли и лучшие стихи из книги посвящений. Этот большой цикл стал заглавным в итоговой книге стихов «Веселый характер», вышедшей в издательстве «Советская Россия» в 1963 году, к пятидесятилетию поэта. По нему можно проследить эволюцию философских и эстетических взглядов Сергея Смирнова.

По сравнению со стихами пятидесятых годов образы русской природы в его лирике стали более свободными от излишних бытовых подробностей. Оставив разъездную корреспондентскую работу, поэт укореняется в городе, однако от этого природу он чувствует едва ли не еще острее, чем прежде, исповедуя нерасторжимое единство с нею человека. Вот, в уснувшем подмосковном лесу прогремел выстрел («Выстрел». Ивану Баукову), и поэт реагирует на него, полный беспокойства. Он чутко прислушивается к умолкшему вдруг лесу, где «сразу стих соловей на опушке», «онемела в овраге вода», «замолчали сигналы кукушки и беспечная флейта дрозда».

волненье, привязалась именно она», — откровенно признается Сергей Смирнов в стихотворении «Красота», «Немая жажда созерцанья» создает, по его мысли, настроение, отчетливее и резче позволяет увидеть богатство окружающего мира, его неувыдаемую поэзию:

Красота
красуется неброско
В простоте, царящей тут и там,
И в улыбке девочки-подростка,
Посвященной собственным летам,
И в снегу черемуховой кисти,
И в резной рябиновой тени,
И верхом на реактивном свисте
Мчит она сигнальные огни...

Все пишущие о Смирнове отмечают многогранность его лирики, охарактеризованную Михаилом Алексеевым как «многоликость». Но немногие заметили, как подчеркнул Леонид Ершов, возрастания в его стихах шестидесятых — семидесятых годов искусства «высветления коренных начал русского человека». ¹ И не только человека, но и природы именно русской, родной, близкой, священной!.. И это прежде всего относится к прочувствованным стихам о «Матушке-Руси». В них раскрывается душа поэта во всей своей неисчерпаемости, мы можем прямо заглянуть в его сердце, то взволнованное, потрясенное, то улыбающееся, то озабоченное, то нежно-задумчивое. . .

Осень
русская,
синяя,
Озимь —
хрусткая,
в инее.

¹ Л. Ершов, Суровая доброта, — Нева, 1963, № 5, с. 147.

Сколько грусти
И прелести
В этом хрусте
И шелесте...

(«Русская осень», П. А. Радимову)

Это не что иное как задушевный пейзаж-настроение, искусно выписанный мастерской рукой поэта, подводящий нас к осознанию идентичности русской осени с душевным состоянием человека. А вот совершенно иной по образной структуре пейзаж, передающий сугубо современное ощущение природы своими ассоциациями:

Волга буквально меня поразила —
Какая в ней воля,
Какая в ней сила!
Прошла по стране,
Отгудела в турбинах
И снова полна устремлений глубинных,
Штурмует империю мертвого зноя,
Ведет на пески наступленье сквозное,
И светится, в старое море впадая,
И жаждет размаха,
Как жизнь молодая.

(«Нижняя Волга», 1961)

Как мы видим, не только лирическую, но подчас и социальную окраску придает поэт образам русской природы. В этом стихотворении, посвященном Михаилу Алексею, восхищение Сергея Смирнова мощью реки в низовьях вылилось в уподобление ее личности, но не той, что, пройдя огромный путь по Руси, «греет на солнце усталое тело», а неутомимой могучей труженице.

Бесхитростно и просто рассказывает поэт о самом дорогом, с чем в его жизни связано имя великой русской реки. Он благодарен судьбе за то, что рос и мужал в раздольных приволжских местах Ярославщины, где «распахнутые пажити, где Волга, лес да зеления». Волга — это река его детства и юности. С нею связано для русского человека историческое прошлое («Волга, Вол-

га, ты определенно помнишь все, что было в старину...», «Подарок»). Но в еще большей степени в ней видится поэту огромное будущее страны — гидроэлектростанции, оросительные системы, навигационные сооружения, цветение земли. . .

Особенно близки Сергею Смирнову люди, выросшие на Волге, его земляки, связавшие с этой рекой свою жизнь. Так, герой стихотворения «Петька Первый», отчаянный парнишка, каких немало подрастало на берегах Волги, осиротев, нашел в ней свою кормилицу («приютился Петька на буксире и надел спецовку волгаря»). Вообще, Волга — это такое место на земле, где, по словам одного из героев стихов Смирнова («Старый знакомый»), русскому человеку хочется «жить до смерти». Так, до самой смерти и жили на Волге все родичи поэта, в том числе отец. И пока он был жив, поэт часто мечтал: «Я на Волгу к тебе загляну» («Отцу»). С Волгой связано все самое дорогое для него — родные, друзья, любовь. . .

Я все, что было, вспоминаю,
Объемлю сердцем все, что есть.
О Русь —

 юдоль моя земная,
Твоих красот не перечести!
Ты для меня душа и разум
И досяганье до планет.
Ты никогда не бросишь фразы,
Что стихотворца «в списке нет».
Моя реальность дорогая,
Мое равненье на мечту, —
Тебе на верность присягаю,
Тебя навек люблю и чту. . .

(«Верхневолжский монолог»)

Не сразу пришел поэт к собирательному образу России, не сразу почувствовал он великую и могучую силу родной земли за шумной сутолокой послевоенных буден. Но, придя, он привлек и нас к пониманию истин-

но прекрасного чувства преданности и верности родной земле. Человек, семья, родина — триедины, взаимосвязаны. От того, насколько крепка эта связь, и зависит счастье жизни. Не случайно поэма «Избранница», выстроенная Сергеем Смирновым из отдельных стихотворений, написанных в разное время и объединенных вдохновенным чувством любви и нежности к женщине, и воспевающая, казалось бы, личное счастье, перерастает в лирическую песню о родной матушке-Руси с ее неброской, но такой притягательной для каждого русского красотой:

Для меня посвистывают птицы.
И тепло струится по земле.
Так и тянет
 низко поклониться
Низко наклонившейся ветле.
Так и хочешь позвать березку,
Расспросить —
 откуда ты и чья?
Подарить ей модную расческу
И достать кувшинку из ручья...

Если в начале своего литературного пути Сергей Смирнов чутьем уловил перспективное направление в поэзии — воспеть великое и обыденное «рядового гражданина» Страны Советов, то в пятидесятые годы он четко сформулировал свою эстетическую программу. В одном из ответов на анкету журнала «Москва» поэт пишет об А. П. Чехове, о значении его традиций в наши дни: «Чехов для меня — это умение в обыденном видеть глубокое, человеческое. Чехов — это настолько совершенное мастерство, что его не ощущаешь, это — сама жизнь и это — великая надежда на грядущее нашей родины».

Светлая вера в человека, вера в грядущее заставляет поэта быть требовательным не только к своему творчеству, но и к работе товарищей по перу. Только те стихи могут тронуть человеческую душу, которые про-

пущены сквозь сердце. Именно в этом он видит залог успеха каждого художника, достоинство настоящего лирического произведения. Своих учеников в Литинституте Сергей Смирнов учил писать ясно, образно, весомо и современно, учил умению видеть и взволнованно говорить о прекрасном.

Известно, что не только руководитель поэтического семинара отбирает себе учеников, наиболее интересных творчески, но и ученики, т. е. молодые поэты, выбирают себе в руководители наиболее близкого по духу, по творческой манере поэта-наставника... И не случайно именно из поэтического семинара Сергея Смирнова вышли такие разные и самобытные лирики, как Егор Исаев, Сергей Орлов, Николай Анциферов, Владимир Федоров, Надежда Попова, Владимир Топоров, Любовь Ваганова, Миклай Казаков, Фаусат Балкарлова, Анна Ковусов, Кадрия Темирбулатова, Иван Варрава и многие, многие другие из всех республик Советского Союза и даже из социалистических стран.

Свое пятидесятилетие поэт встретил в полном расцвете творческих сил. Его поэзия выдержала испытание временем. Сотни читательских писем и телеграмм пришли с искренними поздравлениями в адрес юбиляра. Ему писали строители Московского метрополитена имени В. И. Ленина, земляки-хлеборобы с Ярославщины, однополчане-панфиловцы, многие известные деятели литературы и искусства. Особенно дорогой для Сергея Васильевича стала телеграмма с «тихого» Дона:

«Торжественно поздравляю и обнимаю бурным пятидесятилетием и одновременно Новым годом дорогого друга, уже поехавшего с ярмарки тихой трусцой, советую надежно окопаться в этом не последнем рубеже и стоять почти насмерть, случае, если годы будут напирать неудержимой яростью, отходить с боем, защищая

каждую пядь, завоеванную славным прошлым — твой Шолохов».

Такой же светлой и радостной явилась и телеграмма выдающегося поэта, старшего товарища Смирнова по перу, Михаила Исаковского: «Дорогой Сергей Васильевич в день Вашего пятидесятилетия искренне приветствую и поздравляю Вас одного из самых хороших и талантливых русских поэтов тчк Шлю Вам сердечное спасибо за тот большой вклад который Вы внесли в сокровищницу нашей родной поэзии и за все то что Вы еще несомненно сделаете для нее тчк Желаю Вам долгих лет жизни здоровья счастья и новых больших творческих успехов = М. Исаковский».

Тепло, душевно поэта поздравили Константин Федин, Михаил Алексеев, Сергей Васильев, Сергей Островой, Владимир Фирсов, Борис Соловьев, Леонид Ершов, Ал. Михайлов и др. Приветственную телеграмму направил юбиляру и Союз писателей СССР, в которой говорилось: «Дорогой Сергей Васильевич! Горячо поздравляем Вас с днем пятидесятилетия. Ваши талантливые произведения завоевали народное признание, найдя живой отклик в сердцах читателей. Желаем Вам доброго здоровья, отличного творческого настроения и успехов».

За заслуги в развитии советской литературы поэт Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«Все это обязывает к еще большей духовной мобилизованности, действенной партийности и хозяйственному расходованию сил, — записал он тогда в дневнике. — Захотелось заново оценить пройденное и целеустремленной шагать дальше освоенного рубежа. Какая-то неохватная широта, полная солнца, размахнулась перед духовным взором и зовет, зовет вперед, как в юности. . .»

И нужно сказать, что в последующие годы поэт достойно справился с поставленными задачами, написав и выпустив одну за другой новые поэтические книги.

ность происшедшего, помогает с помощью тропов, близких народным представлениям, противопоставить понятие добра и зла в заключительной строфе.

Одна из метафор стихотворения — «сердце вышло на орбиту» — особенно полно отобразила душевное состояние поэта, вместе со всем народом восторженно встретившего полет первого космонавта. Вскоре, в 1965 году, под тем же впечатлением, усиленным дальнейшими шагами в освоении космоса, Сергей Смирнов выпустил новую книжку стихов, которая называлась — «Сердце на орбите».

Центральным произведением книги стала «Заздравная ода», посвященная первой женщине-космонавту Валентине Владимировне Терешковой, совершившей свой полет в июне 1963 года на «Востоке-6». Прямое обращение, некоторая стилизация языка, выражающаяся в приподнятом образном строе, придают произведению необычный, праздничный оттенок. Читая оду, нетрудно убедиться, что достаточно громкие словосочетания, такие, как «державная площадь Москвы», «эпохальная высота», «обветренные вежды», «устремление в века», «дерзость нашего народа», «романтичность наших дней» и др., вполне соответствуют торжественности случая, вводя произведение в русло одического прославления космонавта «номер Шесть».

Однако лирическая устремленность поэта к личности воспеваемой героини уводит его от создания парадного портрета. Прорывающееся сквозь помпезность жанра неподдельное половодье чувств легко опускает легендарную «Чайку» из «заорлиных» высот на взрастившую ее родную почву, в верхневолжскую полосу:

Изда.

На окнах занавески.

Ступени грустного крыльца.

И — «смертью храбрых» в той повестке,

Где речь касается отца, . . .

... И сколько б слез ни проливали,
Не возместить иных утрат.
Все это вам известно, Валя,
А вашей матери — стократ...

Так основная тенденция творчества Сергея Смирнова — актуальность — превращает исторический факт полета землячки Ярославны в важную характеристику времени. Радость этого свершения, утверждает поэт, в первую очередь, торжество всего трудового народа, вынесшего на своих плечах невзгоды, и, конечно, торжество самого поэта — «трубадура советской власти», как хорошо он сказал о себе.

Действительность как бы предстает под новым углом зрения перед художником с момента освоения человеком космического пространства. С большим своеобразием передает он ощущения, охватывающие человека перед лицом мироздания. Под пологом морозного ночного неба поэту видится, что островерхая ель, своим «конусообразным острием» нацеленная «к несметным звездам неба», словно ракета, ожидает сигнала к отправке в далекие миры («Ты посмотри — какая красота!...»).

Удачно найденный лирический образ-символ русской ели вызывает ассоциацию с Родиной, устремленной в будущее. Это уже сама по себе интересная художественная находка, но дело не столько в частных случаях таких формальных удач, сколько в способности поэта сливаться с миром природы, трепетать жаждой разгадок ее тайн.

Космическая эра вызвала к жизни немало новых проблем. Освоение вселенной, мощь ядерной энергии вдохнули в человека веру в свои силы и возможности. Однако у некоторой части человечества они пробудили необузданное желание поработить себе подобных. Радости и тревоги времени закономерно вошли в лирику Сергея Смирнова («Романтика», «Мать Земля» и др.).

«не хлебом единым жив человек», столь же необходимы нам и мечта, поэзия, вдохновение. . .

Говоря о поэтах более старшего поколения—о В. Маяковском, Н. Тихонове, А. Суркове, М. Светлове, Б. Корнилове, — критика точно отмечает, что «они — романтики по «духу», по мироощущению и реалисты по творческой манере, по стилю». ¹ То же можно сказать и о Сергее Смирнове, поскольку в его образной системе обычное не перерастает в сверхъестественное, мистическое и творческой манере не свойственны модернистские тенденции.

В своем стремлении к познанию законов природы поэт пытается, как говорится, своим умом дойти до разрешения тайн мироздания, самостоятельно их осмыслить, поэтому не все ему понятно, да и не со всем он должен соглашаться как поэт. «Могу представить землю тленной, — естественно, просто признается он. — Но бесконечности вселенной никак представить не могу». Нужно еще учитывать и законы поэзии, я имею в виду обаяние стихотворной строки, ее музыкальность, ее лиризм, ее воздействие прежде всего на чувства, поэтому некоторые вопросы и утверждения художника нельзя понимать как вопросы, на которые он требует тут же четко обоснованного наукой ответа, они могут иметь и чисто риторическое значение, работающее на настроение читателя, как, скажем, в стихотворении «Таинства» (1972), где он спрашивает: «зачем луна озвучивает тьму?» и в чем смысл того, что «над землей сгорает астероид?».

Сергея Смирнова волнуют вопросы связи макрокосма — Вселенной с микрокосмом — человеком. В стихотворении «Сигналы» он высказывает смелую мысль о человеке, не только как о сыне своей планеты Земли, но

¹ А. Эльяшевич. Единство цели, многообразие поисков в литературе социалистического реализма. Л., 1973, с. 369.

вавшие художника особенно в середине шестидесятых годов и вылившиеся в энергичные, ясные и остроумные лирические строки, привлекли внимание известного болгарского поэта-переводчика Марко Ганчева. В его переводах в серии «Библиотека советской поэзии» вышли избранные стихотворения Сергея Смирнова в Софийском издательстве «Народная культура» (1966). Творческая работа поэта стала известна и болгарскому читателю, строителю нового социалистического мира.

Стремясь на основании отдельных фактов увидеть общие явления нашей жизни, преследуя цель сделать современника добрее, отзывчивее, выше, Смирнов с большой страстностью и несомненным тактом поднимает вопросы нравственного порядка. Об этом говорят его новые поэтические книги: «Наедине с прекрасным» (1966), «Давайте радовать друг друга» (1966), «Стихи» (1967), «Таврида — родина моя» (1968). В них — рассказ о самом сокровенном и дорогом для автора — о современности, о том, что запало в душу, взволновало и обрадовало его.

Подчас осторожно, без назидательности, как, например, в стихотворении «Наставник», он указывает на необходимость видеть рядом с заметным, бросающимся в глаза, являющимся привычной истиной («что в командном первенстве и в личном устают спортсмены-мастера») и то, что находится на втором плане, неприметно на первый взгляд. Желая, чтобы в человеке физическое и духовное начала находились в гармоническом сочетании, он призывает тех, кого венчают лаврами как победителей, оглянуться на своих наставников, находящихся в тени: «Присмотритесь пристальней, ребята, как сегодня тренер ваш устал». Тактично, без нажима поэт преподает в стихотворении урок чуткости.

Особенно открыто и непримиримо выступает Сергей Смирнов против равнодушия, той ржавчины, которая особенно опасна для человеческой души в век техники,

творение «Раненье словом» имеет еще иной, литературный план. Гротесковая форма, проявляющаяся приподнятостью лексики («раненье» вместо «обида», «незаживающая рана», которая «сочится желчью, ядом», «питает месть»), подчеркивает, какое значение придает поэт такому оружию, как слово, и какая огромная ответственность, на его взгляд, лежит на каждом, кто владеет словом. Василий Федоров в стихотворении «Нелегко рожденному в Сибири...» о слове и его тяжести высказал аналогичную мысль: «Иль оно пригнет к земле поэта, иль поэт им недруга убьет».

Точно различающий друзей и недругов, Сергей Смирнов умеет дать меткую оценку, верную характеристику всему увиденному и пережитому, твердо зная, чего он хочет, чего добивается каждой поэтической строкой. «Я пришел к заключению, — вспоминает он, — что стихи становятся действенными и впечатляющими, если само содержание их, интонация, сердечность, образы волнуют, будоражат, впечатляют тебя самого. Холодным сердцем не озаришь и не согреешь других сердец... Поэзия — это общение душ, а поэт — это душа, открывающая и воссоздающая нашу революционную новь бытия. Без этого нет поэта советского».

Обладая неиссякаемым творческим беспокойством, подлинным душевным горением, доверчивостью к людям, Смирнов всегда ратует за торжество добра как могучей движущей силы. Своеобразным запасом душевной стойкости и прочности художника является юмор, именно он играет первостепенную роль в смертном бою за «кристалл» внутреннего «я» человека. «Чувство юмора, ты светишь, входишь в замыслы и в быт, — говорит поэт, — ты с души снимаешь ветошь мелкотравчатых обид».

Цельность и простота философского мировоззрения художника в шестидесятые годы отражается в стихах,

Стихотворение «Еду я на вечное прощанье» может служить одним из примеров глубокой лирической передачи темы смерти близкого человека поэтическим словом. Стихотворение построено на контрастах. Спящая в купе молоденькая девушка-затейница, спокойная «косность» вагонного быта, мерный ход поезда — как бы на одном полюсе, а на другом — охваченное бессонной скорбью по умирающему отцу сердце поэта. Композиционно оба мотива составляют единый сплав, подчеркивая одиночество человека перед лицом смерти. В то же время присутствие девушки с ее «некомканой душой» и счастливым ожиданием одного только «солнца впереди» вносит оптимистический штрих в атмосферу горя. Драматизм переживания героя подчеркнут образным строем, построением внутреннего монолога героя. Нарочитая негладкость, включение вульгаризмов («ей начхать», «плевать ей»), перемежающихся возвышенной лексикой («перед ее беспечными очами полыхает счастьем бытие»), служит раскрытию тяжкого душевного смятения.

Высокие нравственные принципы как основа эстетических исканий объединяют советских поэтов, современников Смирнова. Разве не о той же способности видеть красоту не внешнюю, а сокровенную сказал Н. Заболоцкий в стихотворении «Некрасивая девочка»: «...что есть красота и почему ее обожествляют люди? Сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде?» Ту же мысль утверждает и А. Решетов, отрицая все поддельное в искусстве, как бы оно красиво ни было: «Я не люблю бумажные цветы с их лживую красотью бездушной».

Н. Рыленков, А. Твардовский, Я. Смеляков, С. Васильев, Б. Ручьев, К. Симонов, В. Федоров — каждый по своему утверждает красоту морального облика советского человека, его скромность, отзывчивость, доброту. Афористически кратко сформулировал эти особенности Сергей Смирнов в стихотворении «Убежден и повто-

ряю...». Опровергая старую поговорку «Наша хата с краю, ничего не знаю», он утверждает противное: «Наша хата — посредине, дело — в самом центре дел!» Поэт вкладывает в эту фразу суть новой социалистической морали советского гражданина, его отзывчивость, готовность прийти на помощь другим. В этом смысле переключку поэта можно установить почти с каждым из его современников. М. Светлов, например, в стихотворении «Чувства в строю», рассуждая о любви, дружбе, братстве, спрашивает: «Какое чувство сделать генералом?» и со спокойной убежденностью отвечает: «Такое, что заботится о малом».

Святою назвал Н. Старшинов свою неграмотную мать за то, что она посреди будничных, неусыпных забот о пропитании детей сумела внести в их жизнь свою чистую веру в высокие нравственные принципы: «Вырастут и в этой жизни серой будут мерить самой строгой мерой, будут верить самой светлой верой дочери и сыновья». Почти каждый из сверстников Смирнова мог бы, подобно уральской поэтессе Л. Татьяничевой, сказать о юности: «Прошли сквозь молодость мою года тяжелые, как танки». Танки в прямом смысле прошли через жизнь многих. Обращаясь к С. Орлову в стихотворении «Молодость наша», Сергей Смирнов иронически назвал ее «обворожительной порой», с которой расставаться «противопоказано». И, вспоминая об этой молодости, отнятой войной, он заканчивает задумчиво:

Ты с нами — угловатыми, горелыми —
С конца войны идешь по всей стране.
А может быть, осталась под обстрелами
И прикипела
К танковой броне?

Отсюда — активная, выстраданная гражданская позиция, которую занимает поэт. Особенно определенно высказал он стремление русского человека быть всегда на переднем рубеже борьбы за мир в стихотворении «Совет-

ский воин», посвященном создателю памятника в Берлине Е. Вучетичу. Всего в двух строфах четырехстопных ямбических стихов Сергей Смирнов передал свое чувство гордости за доблесть и гуманизм советских вооруженных сил:

Ему, солдату, нипочем
Угроза смертного пожара.
Стоит с ребенком и с мечом
Он посреди земного шара.

Стоит на главном рубеже,
На страх любому сумасброду.
Готов помочь одной душе,
А то — и целому народу!

Душевная щедрость делает для читателя ясным духовный облик лирической поэзии Сергея Смирнова, его социальную активность. Его герой всем сердцем прирос к родной русской природе, к Волге, к «месту основной своей прописки» — Москве. Это человек постоянный в привязанностях, ценящий в людях превыше всего скромность, трудолюбие, честность, доброту и мужество.

Каждый шаг, пройденный по земле, одаряет художника чем-то новым, несравненным, поистине прекрасным. Высокая эмоциональная культура зрелого мастера проявляется во всем — в умении видеть мир в его разнообразных оттенках, в выборе поэтических сюжетов, в передаче неповторимых по красоте и особому настроению российских пейзажей.

Лирическое ощущение современности — это одна из особенностей подхода поэта к теме природы. В свой разговор о ней поэт решительно и умело вплетает сегодняшние представления о мире. Будто с космического корабля смотрим мы на нашу планету через призму лирической миниатюры о дожде:

Ливень —
 бешеный,
 стозарядовый —

Открыла мне тропинку к шалашу
И, убегая дальше, прошептала:
— На поиски прекрасного спешу!

И сам поэтический рассказ Сергея Смирнова о родной природе напоминает быструю луговую речку, в водах которой то заблестит луч солнца, то отразится летучее облако, то зреющие хлеба, то современная техника... Поэт весь в движении, его талант развился и развернулся в полную силу.

Тому еще одним доказательством послужила автобиографическая поэма «Свидетельствую сам», написанная в 1967 году и вышедшая впервые в том же году в октябрьском номере журнала «Москва» (отдельной книжкой она издана в 1969 году в издательстве «Советская Россия»).

Задуманная и осуществленная как лирический монолог, она стала поэтической исповедью автора перед своим временем. Нелегко с открытым забралом, не прикрываясь даже подставной фигурой лирического героя, предстать перед судом читателя. Однако именно такая «поэма писалась всю жизнь» автором в его творческом воображении и, получив наконец литературное воплощение, определила всю полноту чувства ответственности поэта перед народом.

Сейчас, когда художник подошел к своему семидесятилетию, можно сказать, что жизнь его чиста, как кристалл, о котором он писал в одной из коротких басен. И поэма «Свидетельствую сам» отражает этапы, на которых кристаллизовалась личность автора, шлифовалась, закалялась. Честно, с обнаженной откровенностью рассказывает он свою биографию естественными, «незапрограммированными» строками, дабы предстать перед людьми в обычном, неприукрашенном виде. «Хоть умри, а сам собою будь» — главный девиз поэта.

Сергею Смирнову не приходится стыдиться за прожитые нелегкие, но увлекательные по жизненной напол-

ненности годы. Силу и уверенность голосу поэта-рабочего, поэта-солдата, поэта-коммуниста придает осознание себя частицей могучего многомиллионного народа. На всех путях-перепутьях он делил труды, боевую страду, радости побед и свершений со своими соотечественниками и потому хорошо знает, как «привольно дышится, когда и твоя, хоть капельная, доля есть в амбаре общего труда».

Используя простой ритмический прием (пятистопный хорей), подчеркивая лишь интонационно подъемы, Сергей Смирнов рассказывает о себе и своем народе с документальной последовательностью. Гражданственная страстность, равно как и снайперски точное слово делают поэму произведением большой социальной значимости.

Раздумывая непрестанно о своем месте в жизни, поэт то и дело обращается к читателю с вопросами, умо-заклечениями, выступая одновременно и как лирик, и как публицист, и всегда как твердый поборник партийных идеалов, политики правительства. Вся она как бы дружественно обращена навстречу людям — единомышленникам и патриотам.

Это доверие к читателю выражается и в языковом строе произведения, за который он подвергся ожесточенным нападкам критика Григория Березкина в «Новом мире» (1968, № 10). Впрочем, это одностороннее оценительное истолкование на страницах журнала «Новый мир» не было поддержано другими литераторами и критиками. Выступившие в печати Михаил Алексеев, Николай Доризо, Николай Якушев, Владимир Туркин, Григорий Соловьев, Алексей Мигунов и другие единодушно оценили поэму как большое и примечательное явление в советской поэзии. Они убедительно доказали, что умение обращаться с прозаическим материалом придает особое очарование поэзии Сергея Смирнова, некую легкую юмористическую окраску, помогающую ему в осу-

писания свой юбилейный пятидесятилетний путь. Она отмечает как бы историческую веху в движении к коммунизму и раскрывает процесс формирования характера советского человека в трудных условиях становления нашей страны.

Строго и точно описывает Сергей Смирнов те моменты жизни, когда для людей и государства решались судьбоносные вопросы выстоять, победить или погибнуть, когда каждое зернышко отдавалось для будущего урожая победы. Перед лицом таких жертв святотатством кажется поэту брюзжание отдельных отщепенцев, которых он клеймит безжалостно и резко. «И пока смердят сии натуры, и зовут на помощь вражью рать, — заявляет поэт, — дорогая наша диктатура, не спеши слабеть и отмирать!»

«Честной государственной озабоченностью, раздумьем о сегодняшней и завтрашней прочности нашего общества дышат строки поэта, — точно заметил Владимир Туркин о поэме — ...Она сделана им на магистральном направлении нашей поэзии, которое мы — не для красного словца — называем направлением народности, партийности, высокого мастерства».¹

За поэтические произведения 1967—1968 годов, в том числе и за поэму «Свидетельствую сам» Постановлением Совета Министров РСФСР Сергею Васильевичу в 1969 году была присуждена Государственная премия РСФСР имени Максима Горького.

В стремлении как можно полнее отобразить самые существенные черты эпохи, раскрыть характер советского человека, Смирнов с удивительной свежестью и щедростью, страстно и воинствующе заинтересованно утверждает в стихах высокие гражданские качества, призывает к верности идеалам, к неколебимости и готов-

¹ В. Туркин. Про наши времена. — Молодая гвардия, 1968, № 5, с. 306—307.

ности выстоять перед любыми испытаниями. Об этом, а также о постоянном и неуклонном творческом росте в совершенствовании мастерства художника говорят такие книги, как «Избранное» (1969), «Мои лучшие строки» (1970), «Свидетельствую сам» (1971), «Причастный ко всему» (1972), «Мое и наше» (1973), «Ты да я, да мы с тобой» (1973)...

Живая новаторская манера Сергея Смирнова требует от поэта неустанного поиска в области языкового материала, который он черпает из меняющейся сокровищницы современной народной жизни. В то же время основы поэтического строя его лирики уходят корнями в традиции русской классической литературы. В этом смысле поэзия Смирнова глубоко народна, ибо он воспринимает народность как сферу, где, по меткому наблюдению А. И. Хватова, «особенно глубоко и творчески перспективно проявляется связь советской литературы с классическим наследием».¹

В поздней лирике Сергея Смирнова традиционное и новаторское приходят в состояние равновесия, отлившись в самобытный почерк. Вопросы преемственности традиций постоянно волнуют художника, что находит многочисленные отклики в его творчестве.

«Каждый любящий поэзию по-своему открывал и будет открывать ее для себя, — начал однажды Сергей Васильевич свой разговор о «навсегда старшом» поэте Михаиле Васильевиче Исаковском. — К нам, и в частности ко мне, он пожаловал на Ярославщину не собственной персоной, а сборником «Провода в соломе». Пожаловал впечатляюще, словно нужный собеседник, чем-то схожий с учителем, который по тем временам был наипервейшим грамотеем и добрым советчиком на селе. Почему именно Михаил Исаковский, как никто другой, сразу же стал удивительно свойским человеком? Этот

¹ А. И. Х в а т о в, Тихий Дон сражается. — Лит. газ., 1976, 1 сент.

вопрос я невольно задавал себе самому. Ответ был простым и ясным: поэт всей сутью как бы продолжал, но уже в новых жизненных условиях линию самого любимого мною тогда поэта, моего великого земляка Николая Алексеевича Некрасова. Михаил Исаковский, словно главный авторитет моей юности, ввел меня своими стихами в мир сельского бытия и сказал: «Смотри, запомни-най». И я запоминал... В эту пору я сам делал наипервейшие шаги в стихосложении... Именно тогда начался для меня Михаил Исаковский...»

В дни войны «дорога гвардии солдата» привела его в Пушкинские Горы. Но свидание с селом Михайловским тогда не состоялось. В стихотворении «Наш Пушкин» (1950) поэт рассказал, что, когда шли бои за освобождение Псковщины, каждый знал: «Михайловское рядом, святыня нашей родины близка. Вот почему ни бомбой, ни снарядом соседних гор не тронули войска. Мы шли в обход в снегах полуметровых...» Строго, в повествовательной манере, размеренными пятистопными ямбами передал Сергей Смирнов любовное отношение русских к своей национальной святыне.

Много позже, осуществляя давнюю мечту, поэт побывал в Пушкинском заповеднике. Свои лирические впечатления он передал в стихотворении «Две розы» (1965), оживив в этом названии один из пленительнейших пушкинских образов. По манере, а также «по заданию» стихотворение описательное, ибо мельчайшие подробности пушкинского быта, дошедшие до наших дней в местах, где «царили музы», где «с утра и до утра рождались строфы огневые», призваны воссоздать то время. И «озера в сонной сини», и «дуб — державный нелюдим», и «жнивье с грачиной перепалкой», и «скамья под мирной сенью», и «на холме старинный дом — очаг опального поэта» — все эти детали создают необходимый фон, на котором как бы «проявляется» образ гениального певца.

И навечно
в плен
берет сердца!

Вослед за Есениным поэт красоту земли воспринимает не отвлеченно, она помогает ему, как и великому предшественнику, глубже проникать в жизнь, лучше понимать противоречия действительности, разбираться в нюансах тонкой и сложной человеческой души. Через годы упорной работы над словом поэт пришел к той ступени поэтического искусства, на которой художник способен в немногих словах, просто и проникновенно передавать тонкие ощущения красоты, развивая и обогащая тем самым есенинские традиции.

Пожалуй, самую высокую дань любви и уважения отдает Смирнов в своих стихах обожаемому им, по собственному признанию, поэту-земляку Н. А. Некрасову. Все роднит его с некрасовской музой: и мужественная гражданственность, приобретшая в некрасовских стихах глубоко личный характер, и благодарное сыновнее чувство к скудным местам нечерноземной России, и любовь к русскому крестьянину, в полный рост встающему в его стихах и поэмах. Сергей Смирнов и сам еще частично застал их трудную, полуголодную жизнь. Тем разительнее перемены, произошедшие уже на глазах поэта в жизни русской деревни.

Некрасовская тема в призме творчества Смирнова нашла преломление в ряде стихотворений последних лет: «Поэт и слово» (1972), «Мое предложение» (1979), «Народный из народных» (1979). В публицистическом стихотворении «Мое предложение», посвященном мемориальным Некрасовским местам, речь идет об «одной из самых действенных затей» великого писателя — о построенной им в Абакумцеве школе, «учебном доме для тутошних детей», что отвечало его просветительским устремлениям. Переставшая в наши дни существовать, школа превратилась в одно из зданий музейного ком-

плекса, и только. Мечтая вдохнуть в это дело новую искру жизни, поэт предлагает основать в бывшей школе библиотеку «из дарственных с автографами книг» и превратить тем самым ее в центр культуры, где окрестные дети и молодежь могли бы читать и изучать, начиная с «Белинского и Гоголя», русских и советских авторов:

Пусть здесь бушует огненность глагола
И жжет сердца на полный разворот.

Понятие —
Некрасовская школа —
Масштабно,

как понятие —

народ. . .

В стихотворении «Поэт и слово» Сергей Смирнов поднимает вопросы творчества, распространяя сферы влияния поэзии на социальные, исторические и личные аспекты жизни. В соответствии с этими обширными задачами слово «должно целебно жечь и облучать». Как сын своей земли, каждый истинный поэт — всегда патриот и призван «боготворить и славить Землю». Однако, заключает автор, при всех этих требованиях к поэзии у художника должна быть и необходимая широта взглядов в восприятии мира. Бесспорно одно — велик должен быть «дар призванья, данный свыше», для того чтобы суметь «объять и сплавить век и миг». И во всем этом на первом месте стоит народность. Не нисходить до народа, а подниматься до него — так формулирует свой главный вывод Сергей Смирнов в заключительной строке стихотворения.

У каждого поэта так или иначе всегда присутствуют мотивы о смысле и предназначении творчества. Такие мотивы достаточно хорошо просматриваются и в ряде стихотворений Сергея Смирнова, как мы в этом могли убедиться. И, отдавая дань признательности и любви своим учителям, поэт никогда не забывает о роли литератора в современной жизни.

С чувством большого уважения Сергей Смирнов вспоминает писателя-правдиста Алексея Колосова, с которым ему довелось работать в выездной редакции «Правды» на хлебозаготовках в Алтайском крае. Человек острого взгляда и чуткого сердца, он являлся примером неутомимого и талантливого разведчика социалистической нови, оказавшего плодотворное влияние на формирование таланта тогда еще молодого поэта. Такие творцы, как он, были близки по духу, по неутомимой энергии и коммунистической устремленности поэту-жизнелюбу Сергею Смирнову, певцу красоты духовного мира обыкновенного советского человека.

Взаимопонимание установилось у него и с узбекским народным поэтом Гафуром Гулямом, дружба с которым продолжалась около двадцати лет. Столько же времени между ними продолжалось и творческое соревнование. Сергею Смирнову были близки и неиссякаемая поэтическая неуспокоенность друга, и его постоянное общение с природой и людьми Узбекистана, и его широкая восточная натура. Вспоминая свое пребывание в Ташкенте, в гостях у него дома, Смирнов пишет:

Я помню — тосты не стихали.
В большом котле варился плов.
И захотелось мне стихами
Сказать хотя бы пару слов.
И родилась под небом юга
Импровизация моя:
Давайте радовать друг друга
Своим присутствием, друзья!

Ценя в людях талант, идейную страстность и творческую активность, Сергей Смирнов испытывает радость родства с ними. Восторженно встретив масштабную остропублицистическую поэму Егора Исаева «Суд памяти», он поздравил своего ученика с творческой победой и написал стихотворение «Единодумы». В этом стихотворении со всем своим оптимизмом он откровенно

поэтических успехов, крепкого здоровья и много хороших, зовущих к победам книг и стихов».

В 1974 году в издательстве «Художественная литература» в честь юбилея поэта был издан двухтомник его избранных произведений, в котором представлено наиболее полно, по сравнению с другими изданиями, творчество за сорок лет поэтической деятельности.

Чувство личной причастности к свершениям народа, живость натуры Сергея Смирнова помогают ему смотреть на мир широко и светло, вести взволнованный, искренний, свой разговор о жизни, о человеке, о природе. Без каких-либо натяжек и оговорок он, как истый художник и как сын своего века, воспевает, например, в стихотворении «Волжский набросок» красоту индустриального пейзажа. Поэзия природы для поэта нерасторжима с тем, чем живет сегодня человек. Звучные рифмы («яро» — «крутояра», «крик» — «материк»), игра на смысловых контрастах («молчанья итожащий крик»), приподымающий размер анапеста — все вместе создает зримый современный пейзаж.

В последнее время в стихах Смирнова все больше значительного находим мы в неброской, туманной природе средней России. «Кто сказал, что пейзаж этот беден?» — удивляется поэт, глядя на поля и деревни в зимнем уборе. «Сумрак, пламя и дым на весу — все влечет и полно интереса» — признается он в другом стихотворении.

Начиная с шестидесятых годов пейзажи Сергея Смирнова все менее похожи на зарисовки с натуры. Все чаще они служат формой, в которую облакаются мысли и настроения поэта. Вот стихотворение «Отчий дом» (1979). Да, поэт, безусловно, принимает, приветствует индустриальную новь страны. Но отчий дом не должен запустеть, веками сложившееся хозяйство не должно уйти в небытие, рухнуть. И самое главное, люди не имеют морального права, входя в новый, механизированный быт,

беспечно, потребительски относиться к родному уголку земли, на котором выросли они сами, жили их отцы и деды:

Может быть, не следует терзаться,
А лишь славить нынешний размах?
Рядом укрупненные хозяйства,
Уйма электричества в домах.

Но и там, почти при каждом доме, —
Ни кола, ни доброго двора...
Не стоят сады, как на ладони,
Не гремят подойники с утра...

...Я за то, чтоб длилась эстафета, —
Чтоб тучнели двор и огород.
И чтоб гармонировало это
С нашей устремленностью вперед!

Не сожалея о старом вековом укладе деревенской жизни, Сергей Смирнов протестует против неразумного отказа от того, что полезно человеку, что мило и дорого сердцу каждого. В этом еще раз проявляется характер поэта, чувствующего свою ответственность за происходящее на родной земле. Как близки такие мысли художника думам и чаяниям другого крупного поэта — Александра Решетова, заявившего в полный голос в своей книге «Роща» (1961) о неоплатном долге человека перед природой, которая кормит его, дает покой, наслаждение и ощущение полноты жизни.

Гармоническое вживание современности в нашу жизнь Сергей Смирнов воспринимает как должное. В самой, казалось бы, прозаической картине он способен уловить поэзию. Так, в стихотворении, начинающемся словами: «Столбы высоковольтной передачи построились в один железный ряд и, сеть свою закинув на удачу, влекут ее, не ведая преград...», поэт при помощи метафоры передает ощущение протяженности, дальности расстояния, преодолев которое «глухомань выходит на сближеньё с индустриальной явью наших дней». Подоб-

ная позиция, когда он, оставаясь наедине с природой, чувствует рядом с собой всю страну, народ, его интересы, приводит поэта к насыщению пейзажной лирики большим социальным содержанием.

Социальная направленность лирики вызывает необходимость особенно тесного контакта с читателем и побуждает художника вносить в свой язык современную лексику. В соответствии с этим Смирнов виртуозно подчиняет дисциплине поэтической, строки чуждый, казалось бы, лирике материал, слова газетно-делового обихода, прозаизмы, заявляя при том язвительно и категорично:

Прошу прошенья,
граждане эстеты,
Но прозаизмы
автору — нужны!

И в этом отношении Смирнов продолжает традиции русской классики. Вспомним А. С. Пушкина: «Я снова жизни полн — таков мой организм (Извольте мне простить ненужный прозаизм)». Это — не без оттенка иронии, конечно, — в стихотворении «Осень». А в «Евгении Онегине» поэт вводит прозаизмы уже без всяких реверансов: «...силой магнетизма стихов российских механизма едва в то время не постиг мой бестолковый ученик», или «...шалун уж заморозил пальчик: ему и больно и смешно, а мать грозит ему в окно...». Н. А. Некрасов в поэме «Современники» специально использует прозаизмы для раскрытия и творческого замысла, и создаваемых образов:

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годовичном собрании...

Анализируя этот творческий прием, можно заметить, что прозаизмы по-разному отражаются на характере смирновского стиха. Порой они органично, как бы не-

воспроизводит яркость лунного пейзажа, ибо глагол *ввинчен* предполагает именно четкость очертаний месяца на фоне темного ночного неба. Подобного же эффекта поэт достигает и в строчках: «Я люблю этот дом... с телевизором, *впаянным* в теплую мглу».

Примеров подобной словесной инструментовки в стихах Сергея Смирнова немало. Однако чаще всего акценты, придаваемые стихам подобными словесными включениями, вносят в поэтический язык Смирнова юмор, теплоту и непринужденность, что было замечено критикой и собратьями по перу. Сергей Васильев, например, признавал, что «именно эта сторона поэтического своеобразия Сергея Смирнова — на редкость обаятельная манера говорить ласково и «прозаично» — ставит его в ряд настоящих мастеров современной советской русской поэзии». ¹

Кто из поэтов в обращении к влюбленным так дружески шутливо сумел сказать, как это сделал Смирнов в стихотворении «Два подхода»: «Ласковую травку приминая, шли они *в присутствии* луны»? Здесь прозаизм *в присутствии* иронически подчеркивает неизбежность традиционной обстановки, сопутствующей влюбленным, от чего банальность приобретает характер шутки. В лирической миниатюре «Метнула туча огненные корни...» поэт с легкой иронией оттеняет властную мощь грома опять-таки прозаизмом: «И первый гром *в ультимативной форме* заговорил с покорной тишиной».

Реалистическая зримость смирновского пейзажа достигается острым чувством момента, умением увидеть его и заключить в стихотворение. Вот жаркий полдень, изображенный в миниатюре «Жара. И сухое-сухое шуршанье...». Маленькая зарисовка с натуры построена на аллитерации. Чередование согласных «ж» — «ш» — «с» передает звук шороха сухой сосновой хвои. На «слоно-

¹ С. Васильев. Зоркость. — Лит. газ., 1963, 28 дек.

вых стволах» сосен поэт заметил, «как в замедленной съемке, тягучие слезы смолы». Ритм стихотворения замедлен плавностью трехчленного стиха (амфибрахий), разорванная по смыслу строка усиливает ощущение размаривающей жары, воздуха, пропитанного запахами прогретого сосняка.

Однако, когда мы приводим примеры интересного использования художественных средств, удачные запоминающиеся образы, это вовсе не значит, что Сергей Смирнов строит свою лирику на эффектных моментах. Отнюдь! В том-то и видится ее многоликость, что иные приглушенные, задумчивые и очень простые по изобразительным средствам строки западают в душу сильнее, чем самые яркие и оригинальные. Пример тому — стихотворение «Сирота» — о брошенной кем-то дворняжке, прибившейся к дому отдыха. Это по-настоящему душевные и очень грустные строки, говорящие, наверно, не только о собаке, но и о чем-то большем:

...Собака, чуя, что уеду
И я — всего случайный гость,
То еле следует по следу,
То на котях срывает злость,

То тянет лапы мне на плечи,
То скачет, словно егоза,
То вдруг, почти по-человечьи,
В мои уставится глаза.

Скривив подшибленное веко,
Сидит, кручинится она:
Ей

от меня —

от человека —

Собачья преданность нужна!

Позднее, в лирико-иронической поэме «Сезам, откройся» (1972), интонации доверительности, доброжелательности, мудрого единения со всем сущим на земле,

так свойственные сугубо русскому писателю, прозвучали с поразительной силой, пробуждая в наших сердцах не только доброту и милосердие, но и любовь к друзьям, к свободе, к творчеству, пробуждая главное в человеке — человечность.

Поэт считает себя ответственным за все, что вокруг него, даже за самую малость. «Чуть-чуть не наступил на муравья» — бранит он себя за рассеянность. И самое характерное то, что не жалость к букашке, а настоящее уважение к труженику муравью как к некоей личности испытывает поэт, видя отчаянную решимость того отстаивать свою территорию:

А он ко мне рванулся, словно воин, —
Мол, уходи,
Ты не туда залез! . . .
Потом спокойно взял обломок хвоя
И поволок ее, как Геркулес.

Благодаря чувству сопричастности окружающему бытию Сергей Смирнов никогда не испытывает одиночества наедине с природой. Она близка и понятна ему с ранних лет. В его лирических стихах родная земля предстает как одухотворенное начало, она и радуется, и страдает, и думает. Тишина рождает раздумья о жизни. Поэт пытается бросить взгляд в прошлое, без которого не было бы дня сегодняшнего. Используемый часто им прием повтора придает стиху мелодический ритм:

Раздумье ив и лодок на приколе,
Раздумье в землю вросшего жилья,
Раздумье леса и раздумье поля —
Все это тоже родина моя.

Хотя «психологизация» природы у Сергея Смирнова и близка народной образности, однако каждая деталь, прочитанная им по-своему, отражает его собственные пути художественных исканий. Зима рисуется поэту как «снежное кипенье» («Зимушка-зима», 1979). Февраль-

ский буран видится ему по-другому: он «шел всю ночь на таран, поднимал тарарам» («Лицо февраля», 1979). «Грустит дорога о девичьем смехе, уплывшем на борту грузовика», — так увидел художник апрельский, еще не одетый веселой зеленью пейзаж в стихотворении «Идет апрель с целебным духом почек...» (1966). Подобных поэтических образов в стихах у Сергея Смирнова множество. И находки эти — не игра словами. Смысл их в большой эмоциональной нагрузке, в том, что каждая малость, «каждый клочок оброненного сена ведет, как вежа, к сердцу твоему» — утверждает он в миниатюре «Люблю безлюдность пригородной зоны...» (1966). Поэтическая образность лирики художника помогает ему путем собственных исканий увидеть мир природы в его целостности, в единстве жизни и смерти, созидания и разрушения и верным, скупым словом передать их сущность.

Русская природа, люди, их характеры, взаимоотношения, раздумья о непреходящих ценностях бытия, стихи о революции, о Ленине, о Великой Отечественной войне стали основой поэтических книг, вышедших в последнее время: «Неизвестный — известен» («Современник», 1974), «На поединке двух миров» («Современник», 1975), «Светочи мои» («Современник», 1977), «Дорогая моя провинция» (Ярославль, Верхне-Волжское книжное издательство, 1979), «Тебе одной» («Советский писатель», 1980), «Один на один» («Современник», 1981).

Страстной любовью к родной природе, уважением к труду советских людей и горячей заинтересованностью отличаются эти книги. Автор по-прежнему не остается равнодушным ни к чему, во всем видна его пристрастность, жизнь чувства. Даже сугубо личные темы приобретают у него общественное значение.

Для Сергея Смирнова как поэта и гражданина нет ничего выше, важнее, «упорней, чем поиск женьшеня», государственного труда над строкой, как он хорошо ска-

зал о творчестве в стихотворении «То ли дело — дороги, лишенья...». Тема духовного горения людей творческого труда, верности высокому искусству всегда была близка поэту и получила большую силу звучания не только в стихах, но и в поэмах конца шестидесятых — начала семидесятых годов. Начиная с поэмы «Скрипичный мастер» (1969) — о судьбе скрипичного мастера Витачека, чеха по национальности, обретшего в России вторую родину и заслуженную славу, — эта тема достигла яркого публицистического накала в поэме «Озаренье» (1973), посвященной созданию бессмертной эмблемы советского государства, символа нерушимой дружбы рабочих и крестьян — Серп и Молот.

В центре поэмы «Озаренье» — невыдуманная страница жизни художника Евгения Ивановича Камзолкина, который создал эту эмблему Труда, ставшую потом составной частью Герба СССР. И когда победивший народ праздновал Первое мая в 1918 году, на красных стягах Серпуховской площади Москвы впервые запламенели спаянные воедино Серп и Молот.

В поэме все просто и ясно, в ней нет помпезной декларативности. Но это та простота, которая достигается автором после упорных поэтических поисков. Сергей Смирнов, зная из собственного опыта, что такое непроторенные пути в жизни и искусстве, превосходно и вдохновенно показывает муки творчества художника, которые неотделимы от бурного героического времени, от беззаветной веры в святое дело социалистической революции. «Никто не способен исчислить и знать не дано никому, — говорит поэт, — какие сравненья и мысли уснуть не давали ему». Но «миг озаренья, как вспышка зарницы немой», снизошел на творца, и он «узрел, как ему показалось, то самое, что он искал». Совершив свой подвиг, художник с «некрикливой судьбой» скромно и тихо «ушел к повседневной страде».

Но есть
Сerp и Молот —
эмблема,
Какой не бывало нигде.
Она, в символическом смысле,
Для всех возгласила тогда
Незыблемость
Ленинской мысли,
Что мы —
государство Труда.

«Есть явления в нашей жизни, — говорит поэт, — которые с каждым годом обретают все большую значимость, притягательность и силу... Всей своей сутью они устремлены в грядущее». Одним из таких явлений поэт считает грандиозность революционных деяний, совершенных Лениным и народом на заре новой эры на земле, другим — защиту этих деяний от сил тьмы, от гитлеризма в дни Великой Отечественной войны.

Бессмертному подвигу Советского Солдата, спасшего мир от коричневой чумы — фашизма, Сергей Смирнов посвятил написанную в 1973 году поэму «Неизвестный — известен». В ее основу положены факты исторического сражения под Москвой 1941 года, участником которого был сам поэт. Через четвертьвековую даль всплывают эти события в поэме, когда декабрьским утром 1966 года москвичи «из холма, за городской чертой» поднимают «прах безвестного солдата», чтобы захоронить его у Кремлевской стены. Взволнованно и торжественно звучат строки поэмы-реквиема:

Течет кортеж,
Как скорбная река,
По самой людной улице столицы.
А сорок первый год — издалика
Стучится в души,
Опалает лица,
Тараном
отвечает
на таран,
На пулю — пулей,

На снаряд — снарядом.
И ощущает
Каждый ветеран,
Что это все
Не там — вдали,
А рядом...

В процессе многолетней работы Сергея Смирнова над ленинской темой сложились поэмы «Вечный провидец» (1973) и «На поединке двух миров» (1975), в которых он сказал свое слово о великом вожде и человеке, о преданности великим идеям Ленина, о верности родимой советской земле.

Легче всего понять, с какой высокой мерой ответственности Смирнов относится к литературе, к творчеству, обратившись к стихотворению «Стараюсь в Революцию взглядеться...» (1972). Развертывая емкую по смыслу метафору и считая революцию великой «Книгой Родины», поэт подчеркивает, что в ней «ни один абзац не заменим». И как процесс творческий, революция все время в движении: «Мы сами создаем ее страницы и в то же время учимся по ним». Отсюда, по мысли художника, в такую Книгу должно вноситься только необходимое Партии, Народу, Отчизне. «Когда строка братается с державой, поет острее сабли на скаку, — сказал он в «Нравоучительных строфах», — ее святая значимость, пожалуй, превыше нас, — кто выковал строку».

Еще двадцать с лишним лет назад, в 1958 году, Сергей Смирнов писал: «Страстная, неизменная, действительная, не подверженная влиянию всевозможных «сезонных суховеев» любовь к своему Отечеству, к людям труда, постоянное ощущение своей гражданской авторской позиции, своего «места в рабочем строю» — вот условия, при которых звонкая сила поэта, возвышенное слово прозанка, прицельный огонь сатиры становятся

оружием «атакующего класса» и никак не могут быть использованы нашими идейными противниками».¹

Приходят на память незабываемые строки М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Я люблю Роессию до боли сердечной...» Именно сыновнее «люблю» неизменно водило и водит пером талантливого лирика, эпика и замечательного сатирика Сергея Смирнова. Именно это «люблю» всегда было ему верным компасом и не давало сбиться с правильного курса. Сердечной любовью к Родине, к своему народу проникнута вся его поэзия.

У поэта есть чему поучиться. И он щедро передает свой опыт и мастерство молодым литераторам, выводя их на творческую дорогу. Три десятилетия отдал Смирнов руководству в Литературном институте имени А. М. Горького поэтическим семинаром, из которого вышло более пятидесяти членов Союза писателей СССР. Они живут и успешно трудятся по всей стране. Бывшие его семинарцы здравствуют и за рубежом — в Чехословакии, Болгарии, Монголии — и не забывают своего литературного «батю», не забывают Литературный институт, где они прошли в свое время пятигодичный курс «поэтических наук» и школу братского интернационализма.

Большой самобытный поэт России Сергей Васильевич Смирнов достиг вершинной высоты развития своего таланта. Семидесятилетие со дня рождения он встречает в полном расцвете творческих сил, находясь, как говорится, в отличной рабочей форме. Он полон замыслов, полон энергии. Его голос продолжает звучать на весь Советский Союз, — голос, полный наступательного духа и в то же время простой задушевности, голос, обладающий глубоким внутренним постоянством чувства и неизменно молодой, ибо подлинная поэзия никогда не стареет.

¹ С. Смирнов. Оружие сатиры. — Лит. газ., 1958, 28 февр.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Друзьям. Первая книга стихов. М., 1939.
От первого лица. Стихи. М., 1948.
С добрым утром. Стихи. М., 1948.
Наш дом. Стихи. М., 1949 (Б-ка «Крокодила».)
О самом сокровенном. Стихи. М., 1950.
Откровенный разговор. Книга стихотворений. М., 1951.
Подарок. Стихи. М., 1952 (Б-ка «Огонька».)
Мои встречи. Стихи. М., 1953.
Друзьям-товарищам. Стихи. Гравюры Н. Побединской. М., 1954.
Десна-красавица. Путевые записки. (Совместно с Н. Грибачевым и А. Кривицким). М., 1955.
Мои встречи. Стихи. М., 1955.
Избранное. Стихи. Киев, 1956 (на укр. яз.).
В гостях и дома. Стихи. М., 1958.
Лирические стихи. М., 1958.
Сто коротких басен. Рисунки Н. Лисогорского. М., 1959.
Лирика, юмор, сатира. Избранные стихотворения. М., 1959.
Рядовой гражданин. Стихи. М., 1959 (Б-ка «Огонька».)
Стихотворения и короткие басни. М., 1960 (Б-ка советской поэзии).
Русская красавица. Поэма. М., 1960.
С чувством локтя и ложкой дегтя. Двадцать пять литературных пародий. Дружеские шаржи И. Игина. М., 1960 (Б-ка «Крокодила».)
Жизнь впереди. Стихи. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
Книга посвящений. Стихи. М., 1961.
Добро обжаловать. Пародии, шаржи, эпиграммы. Иллюстрации И. Игина. М., 1962.
Гвардии рядовой. Стихи и поэмы. М., 1963.
Веселый характер. Стихотворения разных лет. М., 1963 (Сер. «Поэтическая Россия».)
Сатирическая россыпь. М., 1964 (Б-ка «Огонька».)
Избранная лирика. М., 1964 (Б-ка избранной лирики).
Сердце на орбите. Книга новых стихов. М., 1965.

- Давайте радовать друг друга. Лирические и сатирические стихи. М., 1966.
- Наедине с прекрасным. Новые стихи. М., 1966.
- Избранные стихотворения. В переводах Марко Ганчева. София, 1966 (на болг. яз.).
- Стихи. (Лирика. Короткие басни). М., 1967 («Россия — Родина моя». Б-ка русской советской поэзии в 50 книжках).
- Таврида — родина моя. Стихи о Крыме. М., 1968.
- Избранное — на весь алфавит. Короткие басни и эпиграммы. Рисунки М. Битного. М., 1968 (Б-ка «Крокодила»).
- Свидетельствую сам. Поэма. Художник Н. Қалита. М., 1969.
- Избранное. Лирика. Поэмы. Короткие басни и эпиграммы. Литературные пародии разных лет. М., 1969.
- Мои лучшие строки. Ярославль, 1970.
- Свидетельствую сам. Стихи, поэмы, короткие басни, эпиграммы. М., 1971 (Государственная премия РСФСР им. М. Горького).
- Сердце и дневник. Поэма. Художник В. Вагин. М., 1971 (Сер. «Российская поэма»).
- Причастный ко всему. Книга новых стихов, поэм, коротких басен и эпиграмм. М., 1972.
- Мое и наше. Лирика. Эпос. Художник Л. Гритчин. М., 1973 (Б-ка «Советского воина»).
- Ты да я, да мы с тобой. Стихотворения. Поэмы. М., 1973 (Б-ка «Подвиг»).
- Сердце и дневник. Поэма. Иллюстрации В. Манеева. М., 1973.
- Неизвестный — известен. Поэмы. Художник В. Носков. М., 1974.
- Избранные стихотворения и поэмы. В 2-х томах. М., 1974.
- На поединке двух миров. Поэма. Художник В. Носков. М., 1975.
- Други-однополчане (в специфическом плане). Эпиграммы, шутки, посвящения. Дружеские шаржи Н. Лисогорского. М., 1975.
- Улыбка всерьез. Избранное. Рисунки К. Невлера. М., 1977 (Б-ка «Крокодила»).
- Светочи мои. Новые стихи и короткие басни. М., 1977.
- Сатирички. Сатира и юмор. Художник В. Розанцев. М., 1979.
- Дорогая моя провинция. Стихи и поэмы. Ярославль, 1979.
- Лира в пользу мира. Юмор и сатира. Рисунки М. Абрамова. М., 1980 (Б-ка «Крокодила»).
- Тебе одной. Стихи. М., 1980.
- Один на один. Лирические миниатюры. (Абхазская тетрадь). М., 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИЗНЬ, ВРЕМЯ, ПРИЗВАНИЕ

Истоки	4
Москва	22
Институт	42
Предгрозе	67
Война	94

ПОИСК, ДЕРЗАНИЕ, МАСТЕРСТВО

Пути-дороги	138
Лирик	165
Командир наступательных строк	201
Лирик + эпик	244
Библиография	302

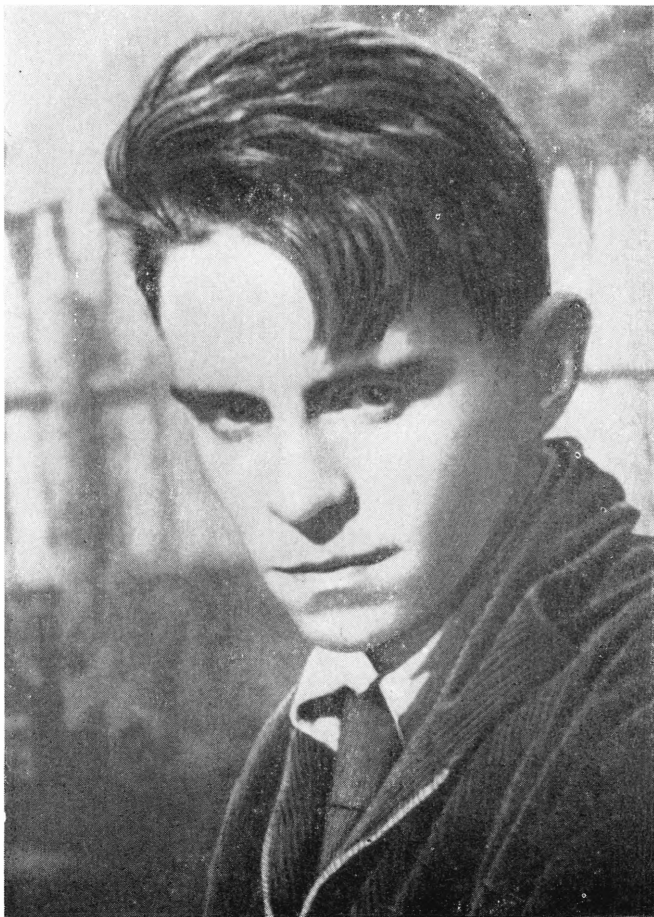
Николай Сергеевич Пантелеймонов

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1983 г., 304 стр. План выпуска 1983 г. № 419. Редактор *Н. А. Милосердова*. Худож. редактор *М. Е. Новиков*. Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*. Корректор *Е. Я. Лапкин*. ИБ № 3707. Сдано в набор 21.10.82. Подписано к печати 09.02.83. М-35012. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 14,08. Уч.-изд. л. 13,41. Тираж 20 000 экз. Заказ № 741. Цена 65 коп. Издательство «Советский писатель». Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

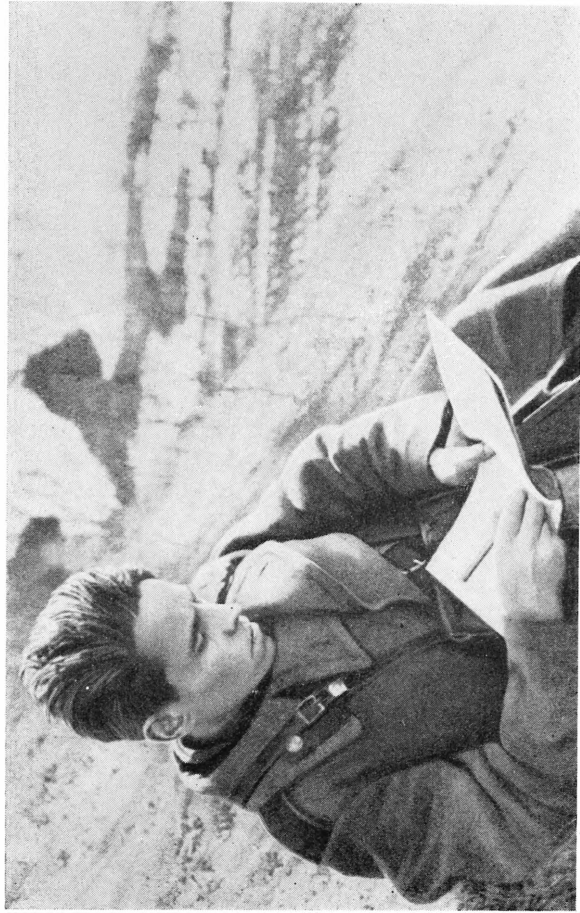
Рыбинск. 1927 г.

Москва, 1936 г.

Калининский фронт. 1943 г.

Калининский фронт, 1943 г.

На привале. Латвия. 1944 г.

В минуты затишья. Прибалтийский фронт. 1944 г.

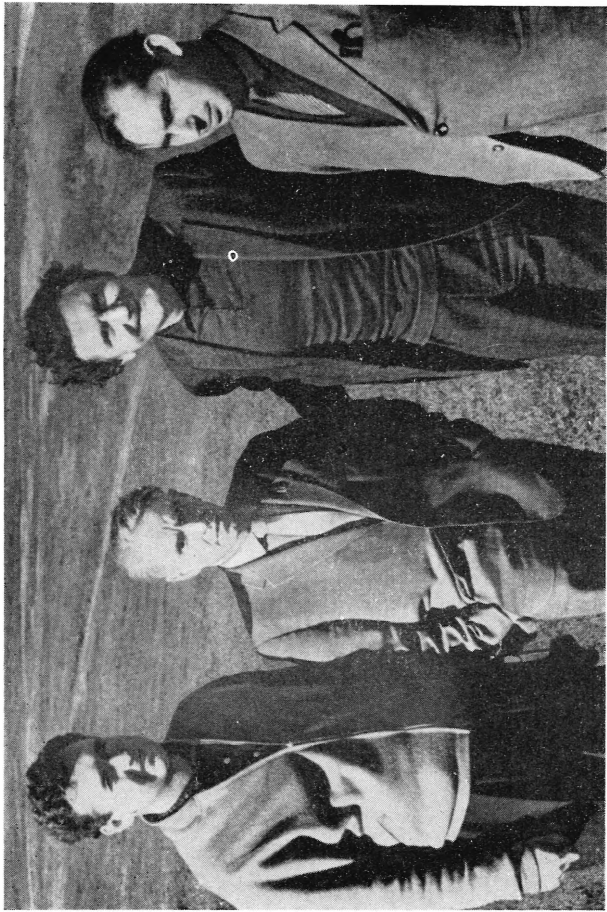
Автопортрет. 1946 г.

Сергей Васильев и Сергей Смирнов. 1953 г.

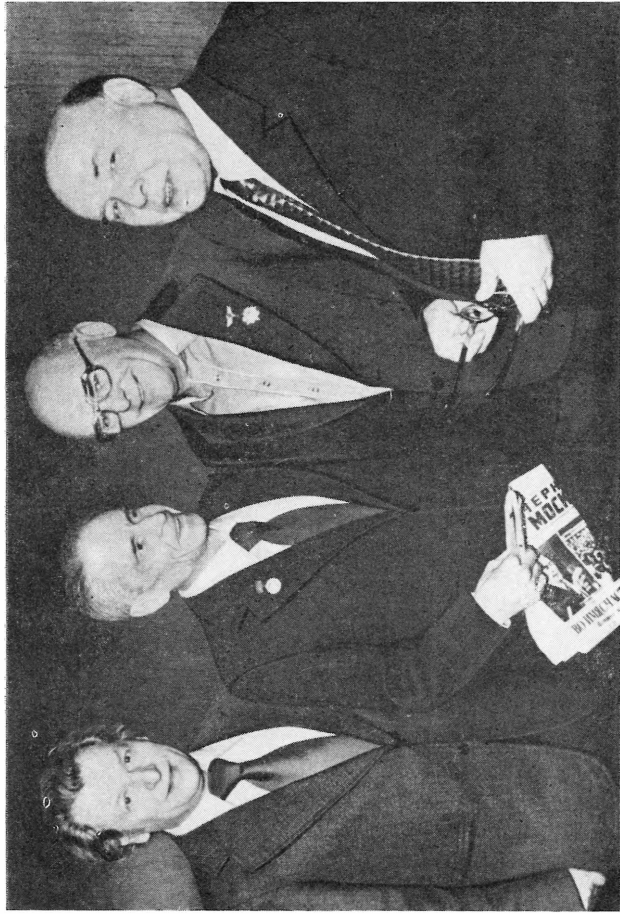
За рабочим столом. 1956 г.

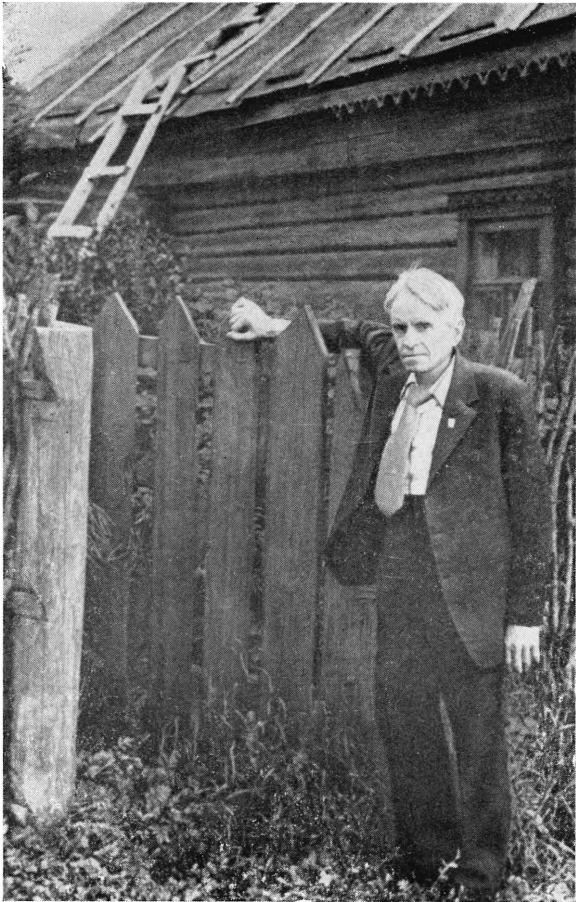
Валерий Дементьев, Сергей Смирнов, Василий Захарченко,
Николай Тряпкин. 1963 г.

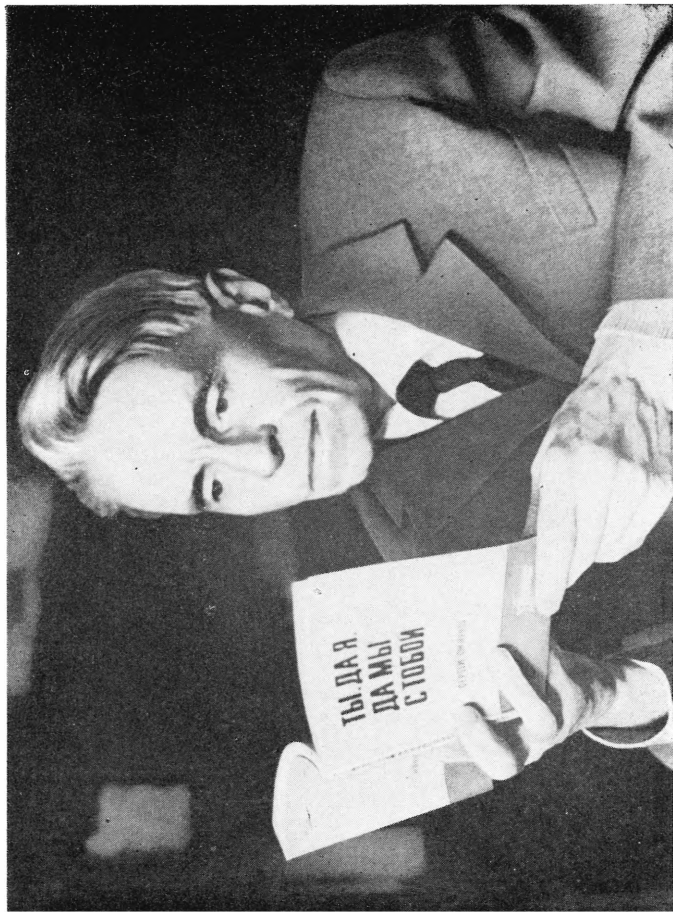
Поэтический вечер на московском заводе «Каучук» в 1968 г. В президиуме (слева направо): ветераны Панфиловской дивизии — парторг автороты 19-го полка Н. Ф. Лаврищев, комиссар 19-го полка П. В. Логвиненко, поэт С. Смирнов, вдова М. И. Панфилова, писатель М. Алексеев, композитор В. Жорин, артистка Мосэстрады В. Попова, поэт В. Казин.

Владимир Оснин, Сергей Смирнов, Виктор Тельпугов, Дмитрий
Еремин. 1975 г.

У родного дома в деревне Глинино Ярославской области. Август 1977 г.

С книгой солдатских стихов. Март 1974 г.

На молодежном вечере в Музее В. В. Маяковского
(С. Смирнов читает поэму о Тане Савичевой «Сердце
и дневник». 1979 г.)

На реке Которосли в Некрасовские дни. 1978 г.

Сергей Смирнов, Михаил Борзун, Егор Исаев. Москва, ЦДЛ, 1980 г.